

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№2₍₃₂₎

2012

Москва 2012

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.В. Карпенко**

**А.Б. Безбородов, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, В. Голдман,
Л.Е. Горизонтов, В.И. Дурновцев, Е.Н. Евсеева, Н.Т. Ерегина,
Г.З. Иоффе, А.А. Киличенков, Т.Ю. Красовицкая,
А.В. Крушельницкий, Н.Г. Кулинич, В.В. Минаев, А.М. Пашков,
В.Н. Пискун, В.А. Поляков, А.С. Сенин, А.А. Симонов,
О.В. Хлевнюк, Т.И. Хорхордина, В.Ж. Цветков, П.П. Шкаренков**

Издатель **С.С. Ипполитов**

Обложка **А. Надточенко**

Журнал основан в 2000 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»: 36574

© Новый исторический вестник, 2012
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES
INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES**

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S. Karpenko**

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, V. Buldakov, V. Durnovtsev,
N. Eregina, E. Evseeva, W. Goldman, L. Gorizontov, G. Ioffe,
O. Khlevnyuk, T. Khorkhordina, A. Kilichenkov, T. Krasovitskaya,
A. Krushelnitskiy, N. Kulinich, V. Minaev, A. Pashkov, V. Piskun,
V. Polyakov, A. Senin, P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Tsvetkov**

Publisher **S. Ippolitov**

Cover Designer **A. Nadtochenko**

The Journal is founded in 2000

Quarterly journal

Address:
6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

Subscription index
Under the catalogue of «Rospechat»: 36574

© by Novyi Istoricheskii Vestnik, 2012
© by Russian State University
for the Humanities, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Шушкова М.Е.* Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом 6
- Агапов В.Л.* «Болезненно нужен внутренний мир»: второй год мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1915 – 1916 гг.) 20
- Войтиков С.С.* «Это вам, слава Богу, не заседание Президиума ВЦИК»: из истории российского «парламента» эпохи диктатуры Ленина 37

Сообщения

- Кириченко Е.Б.* Российский дипломатический представитель в Хакодате А.Э. Оларовский (1870 – 1874 гг.) 49
- Ковригина И.А., Костров А.В.* П.Н. Врангель в Иркутске (1902 – 1906 гг.): «документальные жизнеописания» и архивные документы 57

Антибольшевистская Россия

- Кротова М.В.* Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания 66

События и судьбы

- Ганин А.В.* Михаил Антонович Дорман: генерал и его «дело» 84

История на экране

- Хохлов В.А.* Фильм «Орда»: реалии и мифы русско-татарского средневековья 101

У книжной полки

Коротеева Н.Н. Государственная политика в сфере российской фармации XVI – начала XX в.; *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков, 1880 – 1904 гг.; *Купцов И.В., Буюков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны; *Скорик А.П.* Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории; *Скорик А.П.* Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. 105

- Содержание, авторы, аннотации 131
Contents, Authors, Abstracts 138

CONTENTS

Articles

- M. Shushkova* The Reform of the Administrative System of Turkestan Region at the Beginning of the XX c.: The Conflicts between St. Petersburg and Tashkent 6
- V. Agapov* “A pathetic desire for inner peace”: The second year of World War I as reflected in the liberal mirror, “Vestnik Evropy” (1915 – 1916) 20
- S. Voytikov* “Thank God, it’s not a session of the All-Russian Central Executive Committee”: From the History of the Russian “Parliament” during the Epoch of Lenin’s Dictatorship 37

Comments

- E. Kirichenko* The Russian Diplomatic Representative in Hakodate A.E. Olarovsky (1870 – 1874) 49
- I. Kovrigina, A. Kostrov* P.N. Wrangel in Irkutsk (1902 – 1906): “Documentary Biographies” and Archival Documents 57

Anti-Bolshevik Russia

- M. Krotova* Russian Emigrants in Interwar Manchuria: Manipulation of Citizenship as a Strategy of Survival 66

Landmarks in Human History

- A. Ganin* Michael Antonovich Dorman: The General and His «Case» 84

History on Screen

- V. Khokhlov* The film «The Horde»: Realities and Myths of the Russian-Tatar Middle Ages 101

Book Reviews

Koroteeva N.N. Gosudarstvennaya politika v sfere rossiyskoy farmatsii XVI – nachala XX v.; *Ovchenko Yu.F.* Moskovskaya okhranka na rubezhe vekov, 1880 – 1904 gg.; *Kuptsov I.V., Buyakov A.M., Yushko V.L.* Bely generalitet na Vostoke Rossii v gody Grazhdanskoy voyny; *Skorik A.P.* Mnogolikost kazachestva Yuga Rossii v 1930-e gody: Ocherki istorii; *Skorik A.P.* Kazachy Yug Rossii v 1930-e gody: grani istoricheskikh sudeb sotsialnoy obshchnosti. 105

- Contents, Authors, Abstracts 138

СТАТЬИ

М.Е. Шушкова

РЕФОРМА УПРАВЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНСКИМ КРАЕМ В НАЧАЛЕ XX в.: РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ С.-ПЕТЕРБУРГОМ И ТАШКЕНТОМ

В исторической литературе, как в советский период, так и в постсоветское время, административное устройство Туркестанского края освещалось фрагментарно: предпочтение отдавалось истории присоединения Туркестанского края к Российской империи в середине XIX в.¹ Поэтому до настоящего времени нет исчерпывающих ответов на вопросы, чем центральная российская власть считала Туркестан и каким видело его будущее, чем он объективно являлся для Российской империи накануне революции – ее составной частью или колонией.

В начале XX в. от этого зависел выбор способа и системы управления Туркестаном. Российское правительство попыталось сделать этот выбор в ходе разработки реформы управления Туркестанским краем.

Туркестанское генерал-губернаторство, образованное в июле 1867 г. и находившееся в ведении Военного министерства, делилось на области, уезды и волости. К началу XX в. сложилась «генерал-губернаторская» система управления Туркестаном. Главой администрации («Главным начальником») края был генерал-губернатор, назначаемый императором. При нем находился Совет, чиновники особых поручений, переводчик и канцелярия. Генерал-губернатору подчинялись военные губернаторы, на которых возлагалось управление областями. Уездное управление было сосредоточено в руках уездных начальников, имеющих помощника и канцелярию. Основной административно-территориальной единицей в сельской местности была волость во главе с выборным волостным управителем. В местностях с оседлым населением волости делились на аксакальства под управлением сельских старшин (аксакалов), а в кочевых районах – на аульные общества в главе с аульными старшинами.

Вплоть до 1886 г. Туркестан управлялся на основе четырех «Временных положений об управлении» (Сыр-Дарьинская и Семиреченская области – по Временному положению 1867 г., Зеравшанский округ – по Временному положению, разработанному первым Туркестанским генерал-

губернатором генералом Константином Петровичем фон Кауфманом в 1868 г., Амударьинский отдел – по Временным правилам 1874 г., Ферганская область – на основе неутвержденного проекта Положения 1873 г.). 12 июня 1886 г. императором Александром III было утверждено единое «Положение об управлении Туркестанского края», разработанное Комиссией для выработки Положения об управлении Туркестанского края, созданной при Военном министерстве.

Однако сразу после утверждения «Основного закона» Туркестана, введившего основы гражданского управления, в адрес Положения 1886 г. посыпались нарекания. Прежде всего со стороны тех должностных лиц, которые его претворяли в жизнь.

В своих мемуарах Г.П. Федоров, занимавший с 1901 по 1906 гг. должность управляющего канцелярией генерал-губернатора, указывал, что оно «при первом же применении на практике оказалось никуда не годным»².

Положение 1886 г. юридически оформляло взаимоотношения местных учреждений различных министерств и Туркестанского генерал-губернатора, долгое время не имевших четкой регламентации. Из-под контроля Туркестанского генерал-губернатора выводились судебное, финансовое, контрольное, учебное и почтово-телеграфное ведомства. Остальные министерские структуры, в соответствии со ст. 241 и 242 «Общей инструкции генерал-губернаторам»³, взаимодействовали с центральными органами в С.-Петербурге через канцелярию генерал-губернатора. Но начальникам учреждений, образованных позднее утверждения Положения 1886 г., разрешалось вступать в непосредственное взаимодействие с соответствующим министерством и получать директивы из столицы, минуя генерал-губернатора.

Это отрицательно сказывалось на престиже власти Туркестанского генерал-губернатора, который оказался не единственным представителем верховной власти. Наряду с ним и почти независимо от него, руководствуясь инструкциями из соответствующих министерств, действовали их местные учреждения, которые, преследуя свои ведомственные интересы, нередко препятствовали деятельности генерал-губернатора⁴.

Ярким примером может служить организация переселенческого дела в Туркестане. С целью хозяйственно-статистического обследования областей и разработки правил образования переселенческих участков для будущих переселенцев в крае были созданы переселенческие партии. Их подчиненность была неопределенной. Заведующий партией получал общие руководящие указания от генерал-губернатора, военных губернаторов, Переселенческого управления (до 1905 г. входило в состав Министерства внутренних дел), Отдела земельных улучшений и Департамента земельных имуществ Министерства земледелия и государственных имуществ⁵.

Отсутствие контроля приводило к тому, что руководители партий не только собирали статистические сведения, но и занимались распределением переселенческих участков. На этой почве возник серьезный конфликт между Переселенческим управлением и туркестанской администрацией. Переселенческие партии стремились выделить переселенцам лучшие земли, против чего категорически возражал Туркестанский генерал-губернатор, предвидя возмущение коренного населения. По мнению краевой администрации, нельзя было изымать земли, не учитывая интересов «туземцев», а следовало первым делом приступить к орошению земельных пространств, которые в дальнейшем и станут основой для переселенческих участков. Со своей стороны, Переселенческое управление утверждало, что в области имеется значительное количество земель, пригодных для ведения оседлого хозяйства и в то же время не нужных местному населению⁶.

Итогом длительного конфликта стало обращение военного министра генерала от инфантерии А.Ф. Редигера в феврале 1908 г. в Совет Министров с предложением о временном закрытии Туркестанского края для переселения. Совет Министров принял соответствующие меры. Были оповещены все губернаторы, причем на обложках справочных изданий для переселенцев было отмечено: «В Туркестане свободных земель нет»⁷.

Особенностью Туркестанского края являлась его подведомственность Военному министерству, а не Министерству внутренних дел, как это было в центральных губерниях Российской империи. Однако с введением Положения 1886 г. на административные посты в Туркестане стали назначать гражданских чиновников. Ранее все должности занимались исключительно военными. Теперь это требование действовало только для генерал-губернатора, одновременно являвшегося командующим войсками Туркестанского военного округа, и военных губернаторов, командующими войсками областей.

Появление гражданских чиновников вело к падению престижа российских властей в Туркестане, поскольку коренное население привыкло, что русскую власть представляют исключительно военные. Туркестанский генерал-губернатор генерал от инфантерии барон Александр Борисович Вревский в отчете по Туркестанскому генерал-губернаторству за 1889–1895 гг. высказался на этот счет предельно четко: «Край еще не настолько благоустроен, а население его не настолько благонадежно и в гражданском отношении развито, чтобы опыты введения и насаждения в крае общегубернских порядков могли бы рассчитывать на твердый устой. Трехмиллионную массу, враждебных нам по своим религиозным убеждениям, мы держим в послушании и покорности, опираясь не на гражданские учреждения, а на страх перед нашими военными гарнизонами»⁸.

Недостатком Положения 1886 г., отмеченным как генералом Вревским, так и одним из последующих Туркестанских генерал-губернаторов генералом от кавалерии Александром Васильевичем Самсоновым, считалось существование Совета с совещательными функциями по всем вопросам управления, за исключением вопросов поземельно-податного устройства и земских повинностей, где решение принималось простым большинством голосов. Это право Совета нередко вынуждало Туркестанского генерал-губернатора обращаться в вышестоящие инстанции с целью отстаивания своей точки зрения. Генерал Самсонов во всеподданнейшем докладе за 1909 г. отмечал: «Нетрудно представить, что произошло, когда к окончательному решению столь серьезных вопросов были призваны люди, не ответственные за результаты своих постановлений и, в силу своего служебного положения, считающие необходимым отстаивать узкие, ведомственные интересы»⁹.

Таким образом, введенное Положением 1886 г. гражданское устройство власти вместо «военно-народного управления» (управление гражданскими делами, осуществляемое местной администрацией под контролем Военного министерства), как это было при завоевании края, не могло не сбивать с толку местное население Туркестана. Генерал Вревский, введший Положение в действие на территории Туркестанского генерал-губернаторства, отмечал, что коренное население, привыкшее «уважать лишь власть твердую и единую», не понимало принципа разделения властей «в виде учреждений разрозненных, действующих независимо одно от другого и притом не всегда в строгом согласии между собой»¹⁰.

Проблемы в управлении Туркестаном возникали и в связи с выведением общеимперских и народных судов для коренного населения, действовавших на основе законов шариата, из подчинения генерал-губернатору. В отличие от первого Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта фон Кауфмана (1867–1882 гг.), имевшего исключительные полномочия, данные ему Александром II, все последующие Туркестанские генерал-губернаторы не могли влиять на разрешение спорных ситуаций, возникающих в судебном порядке в соответствии с юридическими нормами, закрепленными Положением 1886 г.

Часто такие ситуации возникали при решении вопроса о водопользовании. По сложившейся практике, волости, по которым протекала река, с помощью системы арыков отводили воду на свои участки для орошения. Однако жители волостей, находящихся в верховьях реки, имели возможность отвода воды для своих нужд в большем количестве, нежели жители низовых волостей. Возникающие при этом споры о водопользовании решались народными судами. Туркестанская администрация не имела права вмешиваться в их решения, поскольку пользование водой в соответ-

ствии со ст. 256 «Положения об управлении Туркестанским краем», происходило в соответствии с обычаями той местности, которая использовала водные ресурсы, и лежало вне компетенции генерал-губернатора. В восприятии коренного населения это означало, что генерал-губернатор перестал быть всевластным представителем российского императора, поскольку попытки обратиться к нему за разрешением спорных вопросов в данном случае не получали ответа.

Дополнительные проблемы в управлении Туркестаном возникли в 1899 г. после передачи в состав Туркестанского генерал-губернаторства Семиреченской и Закаспийской областей в соответствии с указом от 26 декабря 1897 г.¹¹

Семиреченская область, изначально вошедшая в состав Туркестанского генерал-губернаторства, в 1882 г. была передана Степному генерал-губернаторству и теперь вновь возвращалась Туркестану. Управление областью осуществлялось на основании «Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей» 1891 г. Закаспийская область, образованная в 1882 г. в составе Кавказского наместничества, входила в состав Кавказского военного округа, находилась в ведении Военного министерства и управлялась на основании «Временного положения об управлении Закаспийской областью» 1890 г. Вводил это Положение генерал-лейтенант Алексей Николаевич Куропаткин, прослужив в должности начальника области с 1890 по 1898 гг. и сделавший немало для ее развития.

Этот законодательный акт, по сравнению с «Положением об управлении Туркестанского края», имел свои особенности. Так, ст. 4 «Временного Положения об управлении Закаспийской области» предоставляла широкие права начальнику области, позволяя ему «заведывание местным населением во всех отношениях» в отличие от генерал-губернатора Туркестана, вне сферы ведения которого находились учреждения и лица, принадлежащие к судебному, финансовому, контрольному, учебному и почтово-телеграфному ведомствам.

Положение, на основании которого управлялась Семиреченская область, было во многом схожим с «Положением об управлении Туркестанского края», но также имеющим свои отличия. В частности, особое внимание уделялось Семиреченскому казачьему войску, существовавшему на основании особых положений, поскольку основными его задачами являлась охрана государственных границ Российской империи с Китаем.

В целом Положение 1886 г., разработанное для коренных областей (Ферганская, Сыр-Дарьинская и Самаркандская) к началу XX в. не отражало уже тех экономических и политических изменений, которые произошли во всем крае.

Во-первых, сюда в 1888 г. из Закаспийской области пришла железная дорога, названная впоследствии Закаспийской военной железной дорогой. Благодаря ей Туркестанский край был соединен с Российской империей.

Во-вторых, благодаря американскому хлопку Туркестан превратился в основную хлопковую базу Российской империи.

В-третьих, громадные пространства Туркестанского края стали играть большую роль в устройстве «страдающего от земельной тесноты русского крестьянства». С момента окончания завоевательных действий русской армии сюда, сначала в незначительном количестве, а затем массово, отправились крестьяне-переселенцы в надежде получить земельный надел.

Таким образом, в начале XX в. наличие трех действующих положений, имеющих свои особенности, в целом немало усложняло управление Туркестанским краем. Стало очевидным: чтобы повысить эффективность управления Туркестаном и поднять авторитет российской власти среди местного населения, необходимо разработать новое Положение об управлении территориально разросшимся краем.

В мае 1902 г. Туркестанским генерал-губернатором генерал-лейтенантом Николаем Александровичем Ивановым (1901–1904 гг.) в Ташкенте была образована Особая комиссия для составления объединенного Положения об управлении Туркестанского края под председательством тайного советника Константина Александровича Несторовского, многие годы занимавшим пост управляющего канцелярией при нескольких Туркестанских генерал-губернаторах. В комиссию входили всего три представителя местной администрации Туркестана: и.д. помощника управляющего канцелярией полковник Коишевский, и.д. старшего штаб-офицера для особых поручений капитан Геппенер и делопроизводитель канцелярии коллежский секретарь Каплун¹². Такой состав комиссии позволяет предположить: проект нового Положения, готовый к сентябрю 1903 г. был разработан преимущественно Несторовским.

Новый проект не затрагивал Закаспийскую область, отличающуюся своеобразными местными особенностями: население по-прежнему было преимущественно кочевым, в области практически не было городов, и, как следствие, многих краевых учреждений. В связи с этим генерал Куропаткин, ставший в 1901 г. военным министром, обратился к императору Николаю II за разрешением оставить без изменений «Временное положение об управлении Закаспийской областью» еще на пять лет, то есть по 18 декабря 1906 г. Впоследствии его действие было продлено по 1 января 1908 г.¹³

На проект, представленный на рассмотрение министерств, последовало множество критических замечаний. Суть их Самсонов впоследствии

сформулировал так: «Комиссия исходила в своих работах не из живого и непосредственного знакомства с жизнью края, а из обычных канцелярских материалов, почему все работы этой комиссии... устарели, так как соединение Туркестана железной дорогой, развитие русской колонизации, всякого рода промышленности и проч., вызвало в крае немало таких вопросов, к которым прежние административные взгляды совершенно не подходят»¹⁴.

Дальнейшая работа над Положением приостановилась по инициативе военного министра генерала Редигера с целью устранения недостатков, выявленных министерствами.

В целом министерства оценили проект Несторовского как сводящийся, по сути, к двум основным «реформам»: увеличению штатов туркестанской администрации и жалования чиновников, чего явно было недостаточно для действительного улучшения управления краем¹⁵.

17 апреля 1906 г. на заседании Совета Министров был рассмотрен вопрос о передаче Туркестанского края из ведения Военного министерства в Министерство внутренних дел и об устройстве генерал-губернаторства на общеимперских основаниях. Вопрос этот поднимался неоднократно. Особенность управления Туркестаном рассматривалась правительством как временная мера, на период военного завоевания края. Однако принятие решения затянулось, а в условиях революционного кризиса МВД посчитало целесообразным сохранить существующий порядок управления краем¹⁶.

В 1906 г. в очередной раз сменился генерал-губернатор Туркестана. Им стал генерал от инфантерии Николай Иванович Гродеков. Вообще, частая смена не только генерал-губернаторов, но и других чиновников в Туркестане была явлением обычным, поскольку Туркестан рассматривался российскими военными и гражданскими чинами как место временной службы. Из 13-ти генерал-губернаторов за все время существования Туркестанского генерал-губернаторства, за исключением фон Кауфмана, прослужившего в крае 15 лет, эту должность подолгу занимали лишь генерал Вревский (1889–1898 гг.) и генерал Самсонов (1909–1914 гг.).

В июле 1907 г. было образовано новое Особое вневедомственное совещание для составления объединенного Положения об управлении областями Туркестанского края. Председателем его опять был назначен Несторовский. Но, в отличие от первого совещания, работавшего в Ташкенте, второе должно было работать в С.-Петербурге. Это подняло «уровень» совещания, в перспективе придав его решениям особо важное значение.

Однако 8 марта 1908 г. Николай II поручил сенатору графу К.К. Палену провести ревизию Туркестанского края в целях наиболее полного осве-

щения его положения и сбора материалов для работы совещания Несторовского¹⁷.

К началу 1909 г. стало очевидно, что вневедомственное совещание не в состоянии выполнить возложенную на него задачу ввиду отсутствия необходимых данных: не были изучены такие важные вопросы как поземельное устройство, колонизация Туркестана, ирригационное дело. Военное министерство вновь высказалось за приостановку работы совещания «впредь до выяснения результатов ревизии сенатора Палена»¹⁸. Через год закончившаяся сенаторская ревизия сделала вывод о необходимости коренного пересмотра устаревшего Положения 1886 г. Пален высказал мнение, что работа по пересмотру «Основного закона» Туркестана должна идти под руководством Совета Министров, чтобы избежать продолжительных «ведомственных сношений и трений»¹⁹.

По итогам доклада Палена Совет министров в декабре 1910 г. принял решение об образовании нового, уже третьего, Особого совещания для выработки, на основании добытых ревизией сенатора графа Палена данных, коренных начал предстоящего преобразования управления Туркестанским краем под председательством Государственного контролера П.А. Харитонов²⁰. В ходе его работы предполагалось внести изменения в законодательство по вопросам краевого, областного, уездного, городского и сельского устройств в Туркестанском крае с учетом выявленных сенаторской ревизией недостатков в управлении краем. Результаты работы Особого совещания должны были лечь в основу ведомственных законопроектов.

В работе Особого совещания, начавшейся в С.-Петербурге в мае 1911 г., приняли участие представители различных министерств и ведомств. Помимо сенатора графа Палена, ревизующего Туркестанский край, «непременным членом» совещания стал Туркестанский генерал-губернатор генерал Самсонов. Он настаивал на серьезных преобразованиях в управлении краем. Важным изменением, по его мнению, должно было стать расширение генерал-губернаторских полномочий. Туркестанский генерал-губернатор, считал он, должен находиться в непосредственном подчинении императора. Также он настаивал на подчинении генерал-губернатору представителей центральных министерств и главных управлений, за исключением Министерства императорского двора и уделов, Министерства юстиции, Государственного контроля и Государственного банка. По его мнению, это было крайне важно, поскольку на практике, нарушая Положение 1886 г., краевые ведомства часто действовали без согласования с генерал-губернатором.

Самсонов на первое место ставил вопрос о расширении полномочий генерал-губернатора, ограниченных Положением 1886 г., считая, что

только единая и сильная генерал-губернаторская власть позволит наладить управление Туркестанским краем и приобщить населяющие его мусульманские народы к русской государственности и культуре. По мнению Самсонова, генерал-губернатор должен иметь возможность обращаться к военному министру напрямую, а не через промежуточную инстанцию – Азиатскую часть Главного штаба. Он указывал на то, что Азиатская часть не всегда докладывала и направляла дела по управлению Туркестаном в соответствии с мнением Туркестанского генерал-губернатора²¹.

По сути, Самсонов был убежден: незнание многообразных местных особенностей приводит к искажению сведений, поступающих правительству. Поэтому и стремился получить право непосредственного доклада военному министру. Он предлагал предоставить Туркестанскому генерал-губернатору такие же права, которые имел Кавказский наместник²². Глава наместничества, Наместник Е.И.В. на Кавказе, обладал широкими полномочиями: он имел право решать все вопросы, которые не требовали издания новых законов. Ему принадлежали все права по определению к службе, перемещению и увольнению чиновников, их ответственности, производству в чины, награждению, назначению им пенсий (за исключением чинов Государственного контроля, Государственного банка и судебного ведомства). В чрезвычайных обстоятельствах он мог отменять постановления губернских и областных должностных лиц Кавказского края. Таким образом, Кавказский наместник являлся решающей инстанцией во всех отраслях управления и, в отличие от Туркестанского генерал-губернатора, не был ограничен компетенцией министерств и ведомств.

Однако члены Особого совещания не поддержали Самсонова, посчитав, что это может привести к обособлению Туркестанского края от остальной империи, в то время как целью внутренней политики является «объединение окраин с коренными частями государства и распространению на них общего управления»²³. Также отмечались и практические неудобства: проведение тех или других мероприятий, касающихся края, «было бы значительно затруднено, ибо, при вневедомственности края, отдельные министерства и главные управления едва ли уделяли бы им в должной мере свои заботы и попечения, будучи мало заинтересованы в деле, которое в непосредственном делании их не состоит»²⁴.

Тем не менее, совещание приняло решение включить в проект нового Положения об управлении Туркестанского края правило, согласно которому по всем вопросам, касающимся края, министры и главноуправляющие должны получать предварительное заключение Туркестанского генерал-губернатора.

Совещание дало право генерал-губернатору лично и через подчиненных ему должностных лиц проводить ревизию края и всех подведом-

ственных учреждений в нем, за исключением учреждений Министерства императорского двора и уделов, Министерства юстиции, Государственного контроля и Государственного банка.

Много споров вызвало требование Самсонова о подчинении ему начальников краевых учреждений столичных министерств. Совещание, не согласившись с этим, тем не менее признало возможным внести предложение о том, что начальники краевых учреждений должны представлять генерал-губернатору копии переписки между ними и министерствами в С.-Петербурге.

Особенно остро встал вопрос об организации уездной полиции, практически отсутствовавшей в Туркестане. Полицейские содержались на средства местных русских поселенцев²⁵, что являлось для них тяжким бременем. Признав образование уездной полиции необходимой мерой, участники совещания рекомендовали использовать для этого местные средства. Это решение стало роковым. В 1916 г. в Туркестане вспыхнуло восстание местного населения против русской власти, вызванное указом Николая II от 25 июня 1916 г. о призыве 480 тыс. «инородцев» Степного края и Туркестана для работ по устройству оборонительных и военных сооружений в районе действующей армии. Отсутствие полиции, в числе других причин, привело к многочисленным жертвам среди русского населения. В ходе восстания погибло более 3 тыс. русских поселенцев²⁶.

Одним из самых важных вопросов, рассматривавшихся на заседаниях Особого совещания, стала проблема ведомственной принадлежности Туркестанского края. Члены совещания считали, что Туркестанское генерал-губернаторство, как и другие окраины, должно находиться в ведении Министерства внутренних дел. Работа в этом направлении уже велась, так как в соответствии с решениями Совета министров от 16 апреля 1906 г. и 30 июля 1907 г. передача Туркестанского края в ведение МВД должна была быть приурочена к моменту введения в действие нового положения об управлении этим краем. В итоге совещание решило оставить Туркестанское генерал-губернаторство в ведении Военного министерства до введения нового положения²⁷.

Особое совещание завершило свою работу к осени 1912 г. В целом оно учло изменения, произошедшие в экономике и социальной сфере Туркестана к началу XX в. В его деятельности отразились разные точки зрения на управление Туркестанским краем. Сторонником сильной административной власти проявил себя Туркестанский генерал-губернатор Самсонов, стремившийся добиться подчинения непосредственно императору. Ведомства, в свою очередь, не желали уступать приоритет власти «Главному начальнику края».

После окончания работы совещания его предложения о «коренных началах предстоящего преобразования управления Туркестанским краем» были отправлены в Совет Министров на рассмотрение и утверждение. В ноябре 2012 г. Совет Министров утвердил основные направления реформирования краевого, областного, уездного, городского и сельского управлений Туркестанского края. Во многом были учтены предложения Самсонова, однако его стремление к усилению власти генерал-губернатора в Туркестане так и не получило поддержки²⁸.

Пересмотр действующего Положения об управлении Туркестанского края Совет Министров поручил Военному министерству. Но предварительную разработку новых статей планировалось провести под непосредственным руководством Туркестанского генерал-губернатора. Далее их следовало представить в Военное министерство. И после согласований с заинтересованными ведомствами и одобрения Советом Министров направить в Государственную думу²⁹.

Возложение на Туркестанского генерал-губернатора разработки проекта нового положения спровоцировало протесты со стороны глав министерств и ведомств. Главный штаб предложил подготовить их в Азиатской части при участии представителей Туркестанского края и соответствующих министерств. Это вызвало возражения со стороны генерала Самсонова. Он указал, что разработка Положения в центральном учреждении, мало сведущем относительно местных особенностей Туркестанского края, не может считаться правильной. В то же время он уведомил Азиатскую часть, что первоначальная разработка документа в Туркестане уже началась. В итоге ему удалось отстоять приоритет туркестанских властей в разработке проекта³⁰.

Однако вскоре ситуация кардинально изменилась: началась Первая мировая война. Сразу после объявления мобилизации Самсонов был назначен командующим 2-й армией. 17 августа 1914 г. он погиб в Пруссии при невыясненных обстоятельствах.

В октябре 1914 г. Туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал от инфантерии Федор Владимирович Мартсон, на долю которого в числе задач по мобилизации ресурсов края на нужды войны легло и продолжение разработки нового положения об управлении краем.

Будучи новым человеком в Туркестанском крае, он нуждался в некотором времени для ознакомления с проектируемым положением. Ситуация осложнилась и тем, что мобилизация в действующую армию привела к нехватке в туркестанской администрации людей, способных работать над положением. Генерал Мартсон, считая мнение Самсонова о необходимости разработки положения на месте совершенно правильным, всецело к

нему присоединился, однако просил Азиатскую часть Главного штаба принять во внимание трудность современных условий и «примириться с вынужденным замедлением работ»³¹.

К 1 июля 1916 г. Туркестанский генерал-губернатор был вынужден констатировать, что закончить разработку проекта ранее наступления мирного времени нет возможности. Во-первых, из-за отсутствия в его распоряжении всех необходимых материалов. Во-вторых, из-за недопустимости отвлекать местную администрацию от текущих дел, осложненных устройством беженцев и снабжением их продовольствием.

22 июля 1916 г. последним Туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал Куропаткин, который приступил к окончательной разработке проекта. Однако Февральская революция прервала эту работу.

Таким образом, в процессе реформирования системы управления Туркестанским краем предложенный Самсоновым вариант взять в качестве образца управление по примеру Кавказского наместничества с особым правовым статусом генерал-губернаторства, широкими правами и полномочиями администрации края не нашел поддержки. Совет Министров предложил совершенствовать административное управление на основе имеющейся общероссийской административной модели управления. В этом подходе проявились различия во взглядах местной администрации и Совета Министров на среднеазиатские территории: для Туркестанского генерал-губернатора Туркестан был краем со своими особенностями, которые следовало учитывать при организации управления, а для Совета Министров – частью Российской империи, схожей с другими губерниями.

Примечания

¹ Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. С. 195–255; Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 263–286; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 62–100.

Khalfin N.A. Politika Rossii v Sredney Azii (1857–1868). Moscow, 1960. P. 195–255; Natsionalnye okrainy Rossiyskoy imperii: Stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya. Moscow, 1997. P. 263–286; Tsentralnaya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii. Moscow, 2008. P. 62–100.

² Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. Т. 134. № 11. С. 444–445.

Fedorov G.P. Moya sluzhba v Turkestanskom krae // Istoricheskiy vestnik. 1913. Vol.134. No. 11. P. 444–445.

³ Свод законов Российской империи: Общее губернское учреждение. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1876. С. 15.

Svod zakonov Rossiyskoy imperii: Obsheche gubernskoe uchrezhdenie. Vol. 2. Part 1. St. Petersburg, 1876. P. 15.

⁴ Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г. С. 3.

Vsepoddanneystiy doklad turkestanskogo general-gubernatora o polozhenii Turkestanskogo kraya v 1909 g. P. 3.

⁵ Пален К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1909. С. 29.

Palen K. Otchet po revizii Turkestanskogo kraya... Pereselencheskoe delo v Turkestane. St. Petersburg, 1909. P. 29.

⁶ Там же. С. 31.

P. 31.

⁷ Особые журналы Совета Министров Российской империи. 1909-1917 гг. М., 1988. С. 529.

Osobyе zhurnaly Soveta Ministrov Rossiyskoy imperii. 1909-1917 gg. M., 1988. P. 529.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1815. Л. 11.

Russian State Archive of Military History (RGVIA). F. 400. Op. 1. D. 1815. L. 11.

⁹ Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г. С. 54.

Vsepoddanneystiy doklad turkestanskogo general-gubernatora o polozhenii Turkestanskogo kraya v 1909 g. P. 54.

¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1815. Л. 47.

RGVIA. F. 400. Op. 1. D. 1815. L. 47.

¹¹ ПСЗ РИ: Собрание 3-е (ПСЗРИ-3). Т. XVII. № 14818.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 3-е (PSZRI-3). Vol. XVII. # 14818.

¹² Протоколы заседаний комиссии, учрежденной для составления объединенного Положения об управлении областей Туркестанского края. СПб., 1903. С. 2.

Protokoly zasedaniy komissii, uchrezhdennoy dlya sostavleniya obedinennogo Polozheniya ob upravlenii oblastey Turkestanskogo kraya. St. Petersburg, 1903. P. 2.

¹³ Особые журналы Совета министров царской России 1906–1917 гг. М., 1984. С. 171–176.

Osobyе zhurnaly Soveta ministrov tsarskoy Rossii 1906–1917 gg. Moscow, 1984. P. 171–176.

¹⁴ Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г. С. 4.

Vsepoddanneystiy doklad turkestanskogo general-gubernatora o polozhenii Turkestanskogo kraya v 1909 g. P. 4.

¹⁵ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк. Ташкент, 1912. С. 449.

Dobrosmyslov A.I. Tashkent v proshlom i nastoyashchem: Istorichesky ocherk. Tashkent, 1912. P. 449.

¹⁶ Особые журналы Совета министров царской России 1906–1917 гг.: 1908 год. М., 1984. С. 171–176.

Osobyе zhurnaly Soveta ministrov tsarskoy Rossii 1906–1917 gg.: 1908 god. Moscow, 1984. P. 171–176.

¹⁷ Пален К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Краевое управление. СПб., 1910. С. 37.

Palen K. Otchet po revizii Turkestanskogo kraya... Kraevoye upravlenie. St. Petersburg, 1910. P. 37.

¹⁸ Особые журналы Совета Министров Российской империи 1909–1917 гг.: 1909 год. М., 2001. С. 74–75.

Osobyе zhurnaly Soveta Ministrov Rossiyskoy imperii, 1909–1917 gg.: 1909 god. Moscow, 2001. P. 74–75.

¹⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3925. Л. 12.

RGVIA. F. 400. Op. 1. D. 3925. L. 12.

²⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959. Л. 6.

RGVIA. F. 400. Op. 1. D. 3959. L. 6.

²¹ Там же. Л. 131–133.

Ibidem. L. 131–133.

²² Там же. Л. 133.

Ibidem. L. 133.

²³ Там же. Л. 134.

Ibidem. L. 134.

²⁴ Там же.

Ibidem.

²⁵ Там же. Л. 161.

Ibidem. L. 161.

²⁶ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. М., 1960. С. 84.

Vosstanie 1916 g. v Sredney Azii i Kazakhstane: Sbornik dokumentov. Moscow, 1960. P. 84.

²⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959. Л. 136.

RGVIA. F. 400. Op. 1. D. 3959. L. 136.

²⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3960. Л. 43–54.

RGVIA. F. 400. Op. 1. D. 3960. L. 43–54.

²⁹ Там же. Л. 85.

Ibidem. L. 85.

³⁰ Там же. Л. 83–88.

Ibidem. L. 83–88.

³¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3960. Ч. 3. Л. 128–130.

RGVIA. F. 400. Op. 1. D. 3960. Ch. 3. L. 128–130.

**«БОЛЕЗНЕННО НУЖЕН ВНУТРЕННИЙ МИР»:
ВТОРОЙ ГОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ЛИБЕРАЛЬНОМ ЗЕРКАЛЕ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»
(1915 – 1916 гг.)**

Летом 1915 г. оборонческие настроения авторов «Вестника Европы» начали постепенно меняться¹. На это повлияли затягивание войны и в особенности – отступление русской армии весной и летом 1915 г. Были оставлены Галиция, Литва, Польша; войска понесли огромные потери, достигавшие 2,5 млн. человек.

Успех немцев в этой кампании был в немалой степени обусловлен их превосходством в артиллерии. В июне 1915 г. В.Д. Кузьмин-Караваев храбрился: «Немцы выпускают в час по 200 тыс. снарядов... Нелепая расточительность!.. Выпуская по 200 тыс. снарядов в час, они, конечно, не могут рассчитывать на меткость огня... Немцы своей безумной стрельбой ясно показывают, что им во что бы то ни стало нужно скорейшее окончание войны. А нам нужно ее продолжение»². Однако несколькими страницами далее А. Оглин (А.Н. Максимов) описывал происходящее на фронте в ином тоне: противник «обстреливал наши позиции» «ураганным огнем». «Такая затрата снарядов, – объяснял военный обозреватель журнала, – во много раз превосходит все масштабы, которые предусматривались теорией до наступления настоящей войны»³. «Обзор военных действий», содержащий купюры – следы работы цензора, – заканчивался данным по официальным источникам описанием падения Перемышля 21 мая 1915 г.⁴ В дальнейшем специально посвященный войне отдел А. Оглина выходил со все большими сокращениями (в сентябрьском номере его заменили публикации государственных актов), а к концу 1915 г. вовсе исчез со страниц журнала.

В июле в журнале были опубликованы сведения о нехватке на фронте вооружения и боеприпасов. Л.З. Слонимский в статье «Критический момент» впервые писал, что «каковы бы ни были духовные качества и стремления русского народа, они не заменят собой тех материальных средств и орудий, которые необходимы для одоления германских вооруженных сил. Это ясно сознается теперь всеми без различия партий и направлений». Слонимский призывал «устранить внутренние преграды» (вплоть до признания равноправия национальностей и вероисповеданий в рамках Российской империи) и выражал надежду, что «объединение» «получит надлежащую санкцию в соответственных практических мероприятиях»⁵.

Тема «единения» государства и общества была основной в этом номере журнала. Говоря о роли Государственной думы и Военно-промышленных комитетов в увеличении военного производства («снаряды нужны – и они будут!»), автор «Вопросов внутренней жизни» Кузьмин-Караваев одновременно цитировал выступления общественных деятелей, лейтмотивом которых была такая мысль: «войну ведет государственная власть», «единение» которой с обществом «еще не состоялось»⁶.

В августе 1915 г. авторы «Вестника Европы» переключили свое внимание с внешней политики на проблемы внутренней жизни. Поражения русских войск нарушили «единение» царя с Государственной думой, «единение между властью и народом». 19 июля 1915 г. открылась 4-я думская сессия. Крайние правые полностью поддержали правительственную декларацию. Однако другие фракции выступили с резкой критикой правительства И.Л. Горемыкина, требуя создания кабинета, пользующегося «доверием страны». С 9 по 22 августа в Государственной думе и Государственном совете по инициативе лидера кадетов П.Н. Милюкова были проведены переговоры, которые привели к подписанию 22 августа 1915 г. соглашения о создании Прогрессивного блока, в который вошли около 300 политических деятелей. Фактический лидер Прогрессивного блока Милюков строил планы оказывать силами депутатов коалиции давление на правительство, понуждать его к реформам. Инициатива парламентариев не была одобрена Николаем II. Сочувствующие Думе министры были отправлены в отставку, а 3 сентября 1915 г. и сама Государственная дума была распущена на каникулы до февраля 1916 г.

Под влиянием этих внутривластных событий публикации «Вестника Европы» приобрели более оппозиционный характер. По-прежнему основной являлась тема «единения». «Единение между властью и народом, – рассуждал автор «Иностранного обозрения», – между правящей бюрократией и живыми общественными силами, между прогрессивными и реакционными политическими партиями, составляет в последнее время излюбленную тему газетных статей, официозных и официальных заявлений и воззваний. Образчики подлинного единения мы видим в других странах»⁷.

Как писал К.К. Арсеньев, прозвучавшие в Думе речи доказывают: «крайние правые “ничего не забыли и ничему не научились”», они вместе с властью продолжают призывать к единению со всей страной правительства, «пользующегося полным ее доверием», и к «благожелательному вниманию власти к интересам... граждан», хотя «интересы и права всех граждан» должны охраняться законом, обязательным для власти, а не благими пожеланиями»⁸.

В статьях Арсеньева и Кузьмина-Караваева рассказывалось о работе Государственной думы, цитировались наиболее яркие речи депутатов. Оппозиционность «Вестника Европы» ярче всего проявила себя в рубрике Арсеньева «На темы дня». Здесь впервые прозвучала думская критика Военного и Морского министерств: «Довольно тайн! Довольно лжи!..» (из выступления И.Н. Ефремова), «Нам заведомо говорили неправду... Дело обороны государства до сих пор было в руках кучки людей, а от Государственной Думы оно было тщательно завешано... В области наших внутренних дел все по-старому... Дело не в лицах, а во всем строе и управлении...» (из выступления крестьянского депутата И.Т. Евсеева)⁹.

В сентябрьском номере, отвергая обвинения в «пораженчестве», Арсеньев, старейший автор «Вестника Европы», писал, что «решимость вести борьбу до победного конца» – «почва, на которой могут сойтись все партии, все направления, все классы»¹⁰. Он убеждал читателей, что для победы в войне нужно создать «министерство, пользующееся доверием общества, – такова первая и главная потребность минуты»¹¹. В конце статьи Арсеньев опубликован полный текст программы Прогрессивного блока от 25 августа 1915 г. Роспуск царем Думы на каникулы до февраля 1916 г. не изменил настроения публициста. В октябре Арсеньев рассуждал: «Когда откроется вновь законодательная сессия, вопрос о доверии, возбужденный Прогрессивным блоком, станет особо острым», потому что тогда министерство будет «иметь перед собой» большинство Государственной думы, Государственного совета и громадное большинство учреждений, представляющих собой самые разнообразные элементы населения. «Все эти большинства составят такую нравственную силу, какой еще не знавала Россия»¹².

Мысль о готовности Думы принять участие в управлении страной и довести войну до победного конца Арсеньев повторил в январе и феврале 1916 г., накануне 5-й думской сессии. При этом он резко критиковал министров за нежелание сотрудничать с Думой¹³ и утверждал, что, несмотря на произошедшую в 1915 г. смену правительства, «неизменным остался... общий характер кабинета; пополненный... из среды крайних правых, он не имеет ничего общего с громадным большинством Думы, по-прежнему образующим программно объединенный Прогрессивный блок»¹⁴.

В 1916 г. «Вестник Европы» констатировал изменение отношения к войне в обществе. Этому посвящены статьи Кузьмина-Караваева¹⁵ и Н. Олигера¹⁶.

Кузьмин-Караваев начал статью с описания патриотического подъема первых месяцев войны:

«1914-й год был встречен в угаре шампанского, нелепых денежных трат и жгучего экзотического танго... Грянула война – и все мигом, как по

волшебству, перевернулось. Исчез алкоголь, исчезло танго, опустели кафешантаны...

Люди забыли о ничтожном, мелком, личном. Над всеми и над всем вырос во всем величии своего необъятного роста интерес народа, страны, истории и человечности, поднявшейся на защиту святых завоеваний мировой культуры.

В день объявления войны Германии был объявлен и всеми принят внутренний мир... Общественная распря замолкла... В Государственной Думе Пуришкевич подошел с протянутой рукой к Милокову. Студенты социал-демократы записывались в добровольцы массами... Только что перед тем бастовавшие рабочие оставили классовую борьбу...»¹⁷

Причины всеобщего воодушевления первых месяцев войны в июне 1916 г. попытался выделить Олигер в очерке «На войне». «Для многих из нас – для большинства – сама война была праздником». «Мы не хотели войны... Но война принесла с собой огонь, который легко проник в наши души, слишком охладевшие, покрытые серой плесенью обыденности. И мы, запертые в своем кабинете, в своем узком кружке, в своей конторе или редакции – с удивлением и почти восторгом ощутили в своих мускулах какую-то новую упругость, и новые яркие мысли в усталом мозгу, и новые желания в давно успокоившемся сердце». «Все чувствовали себя в праздничном платье»¹⁸.

Когда на втором этапе войны стало очевидно, что она приобрела затяжной позиционный характер, народный энтузиазм сошел на нет. Но еще не было заметно признаков упадка духа и утраты веры в победу. Кузьмин-Караваев отмечал, что «к концу [1914] г... определилось сознательно-спокойное отношение к войне, без выкриков и шумных демонстраций, и обнаружилось, куда начали стекаться сбереженные на водке народные рубли, а также те рубли, которыми казна оплачивала внутри страны потребности войны. Сберегательные кассы дали небывалое увеличение вкладов...

На театре военных действий, если не было прочно закрепленного успеха, то не было такого же успеха и на стороне противника... С театра войны стали, правда, уже доноситься слухи о нехватке снарядов, но страна еще не видела в этих слухах ничего особенно опасного и грозного...

В таких условиях, хотя и в обстановке ужасов войны, но с светлыми надеждами и с твердой верой в победу правды над неправдой, как на поле брани, так и внутри, был встречен 1915-й год... Начало года характеризовалось тем же подъемом настроения, с которым Россия встретила вызов воинствующего германизма и с тем же торжеством общего интереса над личным, который дал первый день войны»¹⁹.

Но «постепенно, исподволь, картина совсем переменялась. Праздничные краски слиняли. Война сделалась буднями»²⁰. На третьем этапе, писал Кузьмин-Караваев, «с весны [1915 г.] подъем пошел на убыль. В этом, конечно, сыграли свою роль военные неудачи. Но не менее существенным было разрушение внутреннего мира». Причину этого автор «Вопросов внутренней жизни» видел в том, что, требуя от общества жертв во имя победы, власть «таких же требований к себе не предъявляла»²¹:

«Явились военно-промышленные комитеты... в парламентских кругах возникла мысль о завершении “организации победы” путем... вручения власти лицам, пользующимся общественным доверием... Образовался Прогрессивный парламентский блок, поставивший на очереди необходимые для внутреннего мира реформы...

Блок жизни не получил. Дума была распущена. Сочувствовавшие блоку министры ушли в отставку»²².

Выразив сожаление об отсутствии взаимопонимания между «общественностью» и царским правительством, Кузьмин-Караваев задавал риторический вопрос: «Какую картину представляет собой русское общество на рубеже 1916 года?» Сам отвечал на него так:

«Читайте газеты разных лагерей и направлений... Теперь тоже каждый день пишут о войне...»²³ Но «в общественном внимании судебные процессы, отчеты о театральных представлениях, известия о кражах и рассказы о занимательных уличных эпизодах, не говоря уже про сообщения о муке, о мясе, о дровах, о железнодорожных беспорядках стали успешно конкурировать с известиями с театра военных действий»²⁴.

«Личный интерес к событиям на войне даже увеличился... Но это тот интерес, который, давая единство забот, волнений и горя, людей скорее разъединяет... Общественность утратила веру в возможность воздействия на исход и на результаты войны. Тыл работает, но тыл перестает быть... активным.

Обусловленные войной личные переживания увели людей в область интересов личного характера. На первом плане стоит в настоящую минуту какая-то вакханалия наживы. Война, с миллиардами государственных на нее расходов, всегда выбрасывает в обращение массу денег... Тыл – это вся страна, и интенданты – все, кто покупает и продает... И эти “все” рвут, и без всякого удержу. Цены... назначаются без всякого соотношения с чем бы то ни было... Рвут нелепые цены извозчики, маляры и сапожники, рвут мясники, булочники и молочные торговцы, рвут оптовики-мукомолы, нефтяные короли, сахарозаводчики, мануфактуристы.

На железной дороге создался класс “толкачей”, которые гораздо успешнее, чем министерские приказы, “проталкивают” вагоны с мукой, сахаром и углем к центрам потребления...»²⁵

«Постоянный и верный спутник алчности – разгул... Несмотря на утроившиеся цены на предметы роскоши, ювелиры и меховщики торговали перед праздниками так, как не торговали никогда...

Рвачи сортом ниже отдаются азарту на бегах и наполняют собой места для развлечений»²⁶.

Этот «плач либерала» заканчивался мучительным стенанием: «В обществе есть утомление, но отнюдь не войной. Общество утомилось в борьбе внутренней... С тяжелым чувством приходится вступать в 1916-й год. Внутреннее положение не радует. Болезненно нужен внутренний мир»²⁷.

Впрочем, сначала предстояло добиться мира «внешнего». Но конец войны в начале 1916 г. казался столь же далек, как и в начале 1915 г.

В сентябре–октябре 1915 г. издатель «Вестника Европы» профессор М.М. Ковалевский предпринял попытку поднять настроение читателей, выступив в качестве автора «Иностранного обозрения». В октябрьском номере, под впечатлением прекращения отступления, он изобразил положение на фронте и в тылу в оптимистичном тоне: «С каждым месяцем наши шансы успеха растут. Молодое, недавно набранное войско получает достаточную выучку, число выделяемых снарядов увеличивается чуть не ежедневно, подвоз ружей и артиллерии безостановочен, мы уже теперь не только отбиваемся, но и нападаем... Успехи, достигнутые нашими союзниками, окрыляют и наши надежды на конечный успех»²⁸.

Но в дальнейшем «Иностранное обозрение», выходящее без указания авторства, стало оценивать события войны пессимистично. В юбилейном декабрьском номере, посвященном 50-летию журнала, в нем сообщалось о голосах в пользу мира, раздавшихся в германском Рейхстаге²⁹. При этом цитировалось последнее выступление рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега, который говорил, что Германия согласна на мир, если он будет «обеспечен» территориальными уступками в ее пользу. В первом номере за 1916 г. под заголовком «Печальные итоги прошлого года» в «Иностранном обозрении» говорилось: «Истекший год был годом неудач и разочарований для держав Тройственного соглашения...»³⁰ Весь ход событий в Европе оценивался как «неблагоприятный для союзников»³¹.

После прекращения «Обзора военных действий» собственно военная тематика, наряду с вопросами иностранной жизни, стала освещаться в «Иностранном обозрении». Выходивший сначала анонимно, с осени 1916 г. отдел окончательно перешел под руководство Слонимского. Он сообщал читателям о налетах германских цеппелинов на Лондон и Париж: «Эти варварские убийства мирных жителей, женщин и детей, имеют, конечно, мало общего с войной»³² (очевидно, авторы журнала еще сохраняли «романтически-благородные» представления о войне), о «поражении» немцев под Верденом, об «ужасном бесплодном» Ютландском морском

сражении, после которого «владычество Англии на морях осталось непоколебленным»³³. В июле 1916 г. «Иностранное обозрение» подвело итог событиям двух лет войны: «Вступая в третий год мировой войны, участвующие в ней народы не могут еще утешиться мыслью о скором ее окончании... Вера немцев в победу далеко не поколебалась... Самая гипотеза германского поражения не допускается германским общественным мнением...»³⁴

Иностранный отдел журнала регулярно информировал читателя о политическом положении в других странах, в том числе и в Германии. Авторы отмечали самоуверенный тон речей рейхсканцлера фон Бетман-Гольвега, который говорил «тоном победителя» и предлагал странам Антанты заключить мир в тех территориальных границах, по которым проходила линия фронта³⁵. Комментируя «мирную инициативу» Германии и Австро-Венгрии в ноябре 1916 г., журнал писал, что «составители ноты стоят на той точке зрения, что все достигнутые ими успехи имеют окончательный характер и ни в чем уже не могут быть изменены или ослаблены»³⁶, «они предлагают мир, как победители, против которых бесполезна дальнейшая борьба»³⁷.

В качестве доказательства воинственных намерений Германии редколлегия журнала в мае 1916 г. опубликовала статью Дионео (псевдоним публициста И.В. Шкловского) «Нечто о мифах»³⁸. Она содержала анализ вышедшей в 1911 г. книги некоего Отто Танненберга «Великая Германия», которую Дионео назвал «Кораном немецкого национализма»³⁹. Основные положения книги были таковы: «1. Германия может не думать о праве, так как у нее есть сила; 2. Все, что мы сделаем, – дозволено; 3. Враги Германии будут раздавлены; 4. Выгоды успешной войны колоссальны»⁴⁰. С помощью обширных цитат автор статьи показывал, как распространены в Германии милитаризм и национализм.

В изложении Дионео книга Танненберга выглядела как образец шизофренического бреда душевнобольного человека. В ней намечалось создание Великой Германии, которая будет занимать на Земле пространство площадью 23 млн. кв. км в Азии, Африке, Южной Америке и Полинезии, откуда предполагалось «выселить коренное население и заменить его немецкими крестьянами»⁴¹. «Пища германскому народу будет обеспечена, – рассуждал немецкий автор. – Мы не будем больше зависеть ни в чем от других народов... Каждому юноше предоставлена будет возможность... стать хозяином фермы. Мы вольем новую жизнь в деревню и дадим землевладельцу послушных и понятливых рабочих»⁴² в лице славян, так как «славянин рожден, чтобы повиноваться»⁴³. Планы Танненберга предвосхищали мечтания о мировом господстве вождей будущего Третьего рейха.

Одной из особенностей публицистики «Вестника Европы» в 1916 г. стало повышенное внимание к социально-экономической проблематике. Сначала подобные вопросы рассматривались только в статьях иностранных корреспондентов журнала.

Опубликованная в январском номере статья А.И. Зака «Год войны и внешняя торговля С. Штатов»⁴⁴ рисовала картину сказочного обогащения Соединенных Штатов Америки во время войны: «...Масса американских товаров хлынула за последний год в воюющую Европу...»⁴⁵ В статье приводились данные о двукратном росте американского экспорта в страны Антанты (с 0,86 до 1,6 млрд долл.) и сильном его снижении в Германию и Австро-Венгрию. Но автор уже не считал, как ранее, что это является доказательством сочувствия американцев к союзническому делу: американские промышленники, указывал Зак, наживаются на торговле со всеми воюющими сторонами. Только с Англией и ее союзниками они торгуют открыто, а с Центральными державами – тайно, при посредничестве нейтральных стран. Об этом свидетельствовал увеличившийся экспорт США в Голландию, Данию, Норвегию, превышавший собственные потребности и финансовые возможности этих стран. Благодаря такой политике, писал Зак, промышленность США развивается, а «американский доллар уже господствует в мире»⁴⁶.

Напротив, для участвующих в ней стран война создавала много проблем, среди которых ключевое значение имели инфляция и дефицит потребительских товаров. В марте–апреле этому были посвящены статьи А. Чекина «Под знаком экономии»⁴⁷ и Г. Цыперовича «Борьба с дороговизной во Франции»⁴⁸.

Но особенно яркую картину жизни воюющей страны создавали в «Вестнике Европы» статьи стокгольмского корреспондента журнала М. Лурье о внутреннем положении Германии.

Уже в первой статье – «Будущее германского хозяйства»⁴⁹ – он писал, что «милитаризация» германского хозяйства ведет «к планомерно-организованному господству крупного капитала, осуществляемому кооперацией государства с крупными банками», строго централизованному производству, при котором народ ничего не получит, кроме продовольственных пайков. В статье прямо не упоминалось о коммунистических идеях или революции, но Лурье предсказывал, что после войны неизбежно начнется борьба между рабочими и капиталом⁵⁰.

«Вестник Европы» редко касался проблем социально-экономического положения России (последним из авторов журнала на эту тему еще зимой 1914/15 гг. высказался А.С. Посников), зато Лурье, говоря о Германии, рассмотрел вопрос всесторонне. Этому посвящены его насыщенные

фактическим материалом статьи «Организация земледелия в Германии»⁵¹, «Бытовые отражения войны в Германии»⁵², «Социальное законодательство военного времени в Германии»⁵³, «Государственно-коммунистическая организация продовольствия в Германии»⁵⁴, «Аграрии и дороговизна в Германии»⁵⁵. Статьи эти не могли не вызывать у читателей ассоциаций с российской действительностью, каждый думающий читатель не мог не проводить параллели между Россией и Германией.

В июне 1916 г., обращаясь к неоднократно поднимавшейся на страницах «Вестника Европы» теме национального «единения», Лурье в статье «Под покровом бургфридена»⁵⁶ приходил к выводу, что официально объявленная в Германии (как и в России) политика гражданского мира широко используется верхами общества для того «чтобы, связав ею активность низов, на свободе и в тиши обделывать за нею, как за ширмой, свои классовые и личные делишки». В подобной обстановке уже «многие, очень многие из народа потеряли веру в высокий и святой характер тех целей, во имя которых Германия участвует в войне»⁵⁷.

Применительно к России эту проблему в июльском номере затронул Кузьмин-Караваев⁵⁸: «Об охватившей всех и вся дикой вакханалии наживы противно вспоминать... Наживу на обслуживание войны перестали скрывать и наживой стали хвастаться» в прессе. «Объявлений с балансами и счетами в последние месяцы были напечатаны целые десятки. Коммерческие банки дали за 1915 год огромные дивиденды. И нам нигде не попадались слова осуждения по адресу так выгодно работавших в тяжелый год войны акционерных предприятий»⁵⁹.

Одной из тем августовского номера было состояние сельского хозяйства. Арсеньев писал⁶⁰: «Во всех концах России злобой дня служит дороговизна, тяжелая для массы, выгодная для отдельных лиц»⁶¹. Он высказывался за введение твердых цен на хлеб и даже коснулся положения рабочих: «Необходимы меры, улучшающие быт рабочего класса»⁶².

В том же номере Кузьмин-Караваев⁶³ рассуждал о возврате к использованию «принудительного труда крестьян на помещиков». Министр земледелия и землеустройства граф А. А. Бобринский в интервью «Биржевым ведомостям» заявил, что вопрос о принудительном труде «должен быть поднят ввиду острого недостатка рабочих рук». Это же повторил «Русскому слову» не названный по имени чиновник Министерства внутренних дел: «Все большие экономии испытывают нужду в рабочих руках. Крестьяне, сняв хороший урожай со своих полей и имея накопленные деньги, совершенно не желают наниматься на работы. По донесениям с мест, избыток средств тратится крестьянами на наряды, на улучшенную пищу, а остаток припрятывается. В то же время нигде не замечается стрем-

ления к улучшению своего хозяйства... Крестьяне предпочитают проводить время в праздности»⁶⁴.

Автор «Вестника Европы» возражал на это так: «Радетели о крестьянском благополучии желали бы, чтобы крестьяне не несли сбережений в сберегательные кассы и чтобы они, продолжая жить впроголодь, как жили в дни торжества над русской жизнью кабака, перекрыли соломенные крыши железом и заменили цепы, косы и серпы сельскохозяйственными машинами. Но неужели эти радетели не знают, что кровельное железо продается сейчас в деревне в 10 раз дороже, чем продавалось до войны, и что за сельскохозяйственные машины спрашивают в складах тоже совершенно нелепые цены?»⁶⁵ Далее он выразил уверенность, что все трудности преодолимы, а «затруднения с уборкой трав и хлеба имели частный характер».

В сентябрьском номере за 1916 г. была опубликована лучшая, пожалуй, статья Лурье – «Понижение культуры в Германии»⁶⁶. Автор подробно описал, как война приводит к истощению ресурсов даже самых развитых стран. «Без сомнения, капитализм стал организованнее», утверждал он, но организация капитализма на основе неизбежного во время войны падения производительных сил есть скорее шаг назад, в Средневековье, «к некоторому подобию феодально-цехового строя, чем вперед, к высшим формам хозяйства»⁶⁷.

В статье показано снижение уровня жизни в воюющей стране, исчезновение целых групп товаров и ограничение потребления других. Так, за первые 21 месяц войны «число органов периодической печати уменьшилось в Германии на 3 тысячи»⁶⁸. Создан военно-хозяйственный центральный комитет, ведающий распределением бумаги⁶⁹. Нехватка угля и керосина заставили население проводить вечера в темноте⁷⁰. Товары широкого народного потребления стали распространяться только по карточкам. Сначала это касалось одежды, потом и продуктов питания. Строительная деятельность в Германии сократилась более чем в 5 раз по сравнению с довоенным временем, в связи с чем пришлось сократить производство цемента⁷¹. В 1916 г. гражданскому населению было запрещено использовать автомобили, а потом и велосипеды⁷².

«Отдельную главу в истории понижения уровня быта составляет... возникновение “царства суррогатов”», когда потребляемые ранее предметы заменяются другими. «Замена приводит к возрождению продуктов, употреблявшихся в прежние века, но забытых». Лурье привел яркие примеры. Так, военное министерство учредило в Берлине Общество использования крапивных волокон, потому что «материя из крапивы особенно пригодна для изготовления белья»⁷³. А когда в стране истощились запасы кофе, правительство рекомендовало пить вместо него «отвар жже-

ных зерен ржи, ячменя и т.п.»⁷⁴ 13 июня 1916 г. все оставшиеся запасы шоколада и прочих «сладостей» были конфискованы в пользу военного министерства.

Лурье несколько раз особо отмечал, что, как и в Средневековье, многие ограничения – например, касающиеся одежды и питания – затронули только малоимущие слои населения. «Возврат к феодальным традициям» в сельском хозяйстве он видел в возрождении зависимого и обязательного труда и прикреплении к месту, «как было в эпоху крепостной зависимости»⁷⁵. Процесс «возврата к старине» усугублялся «понижением материального оборудования» сельского хозяйства. Деньги теряли свою покупательскую способность, инвентарь давно не возобновлялся, поголовье скота сокращалось⁷⁶. Причем автор статьи утверждал, что проблемы не исчезнут после заключения мира, а сохранятся как часть хозяйственного уклада, возникшего в условиях спада производства и понижения культуры.

Значительная часть фактов, приводившихся Лурье в доказательство тяжелого положения Германии, не могли не восприниматься как относящиеся и к России, испытывавшей во время войны похожие экономические трудности.

Успешное наступление русского Юго-Западного фронта летом 1916 г. на некоторое время придало авторам «Вестника Европы» надежды на скорое окончание войны. В июне очерк Олигера «На войне» завершался словами: «Скоро мы начнем новую летопись – летопись победы»⁷⁷.

И месяц спустя Арсенев приходил к оптимистичному выводу: «Ход военных действий и общее положение дел позволяют думать, что не слишком уже далек момент окончания войны», так как «нет основания ожидать, что она будет продолжаться летом будущего года»⁷⁸.

В том же июльском номере опубликована статья Г.Н. Штильмана «Война и патриотизм»⁷⁹, носящая следы сильных цензурных сокращений (на страницах журнала из текста вырезаны целые абзацы). Критикуя власть за плохую подготовку к войне, он писал: «Сейчас, когда над нами взошло снова солнце галицийских побед, необходимо отдать себе ясный отчет в том, что только неустанное напряжение патриотической энергии способно обеспечить тот успех, который окупил бы принесенные жертвы»⁸⁰.

Примером патриотизма Штильман называл Прогрессивный блок, «сплотивший до тех пор резко враждебные между собой парламентские партии». Однако «вопреки тому, что наблюдается во всей Европе, ориентация власти не изменилась в России с войной. В этом основная причина половинчатости всех официальных начинаний и коренной источник молчаливого, но длительного конфликта с Думой»⁸¹. Правительство, считал автор статьи, «становится неизменно поперек пути всем серьезным обще-

ственным начинаниям», хотя «сознание ответственности перед родиной помогло преодолеть и не такие трудности»⁸².

К осени 1916 г. наступление русского Юго-Западного фронта захлебнулось, и война снова стала казаться такой же бесконечной, как и раньше.

В сентябре Слонимский со ссылкой на германский Генеральный штаб опубликовал в «Иностранном обозрении» данные о потерях германской армии за два года войны, с 1 августа 1914 г. по 31 июля (нов. ст.) 1916 г. Согласно этим данным, германская армия потеряла 841 404 убитых, 2 121 770 раненых и 430 208 пропавших без вести, всего – 3 393 382 человек, то есть больше всего своего довоенного состава⁸³. Поистине чудовищные цифры потерь, понесенных армией основного противника, давали достаточный материал для раздумий о масштабе развернувшейся в Европе бойни.

В ноябрьском номере за 1916 г. «Иностранное обозрение» Слонимского начиналось с некролога об австро-венгерском императоре Франце Иосифе: «Один из главных виновников настоящей войны, император Франц Иосиф, сошел, наконец, со сцены, 8 ноября, на 87-м году жизни, после необыкновенно продолжительного царствования». В пространным тексте некролога описано происхождение Франца Иосифа из «семьи дегенератов». При этом сам покойный нелестно назван «престарелым монархом с умственным кругозором хорошо воспитанного фельдфебеля», «ограниченным по уму, проникнутым традиционным духом честолюбия и высокомерия Габсбургского дома», «суровым оберегателем традиций» династии, престиж которой «был для него высшим законом политики»⁸⁴. В завершение автор предсказывал скорый развал Австро-Венгрии.

Таким образом, вторая половина 1915 г. отмечена ростом оппозиционных настроений «Вестника Европы». Военная тематика и вопросы международных отношений в журнале постепенно отступали на второй план. Тематика и вопросы внешней политики. Больше статей посвящалось внутриполитическим проблемам, деятельности правительства и работе Государственной думы. Отмечая готовность общества продолжать войну до победного конца и призывая к единению во имя этой цели, авторы «Вестника Европы» все более резко критиковали правящие круги.

Героический образ войны, которая может привести к миру, лучшему, чем был довоенный, в 1916 г. окончательно исчез со страниц «Вестника Европы». Его место заняли военные будни, красочно описанные в статьях Кузьмина-Караваева и Олигера. Авторы журнала констатировали, что народный энтузиазм по отношению к войне сошел на нет, что общество снова разобщено, люди утратили веру в скорое окончание войны и в святой характер тех целей, во имя которых она велась. Свидетельством этого, как неоднократно отмечал Кузьмин-Караваев, являлась охватившая обще-

ство «вакханалия наживы», развитие спекуляции, рост доходов банков и акционерных обществ.

Кризисные явления в тылу вызвали у авторов журнала интерес к социально-экономической проблематике, заставили редакцию обратить внимание на темы инфляции, дефицита, снижения уровня жизни и деградации культуры в воюющих странах. Летом 1916 г. журнал стал касаться положения сельского хозяйства, жизни крестьянства и «рабочего класса». Однако публикации журнала на эти темы носили отвлеченный характер. Подлинного знакомства с жизнью народа не заметно ни у одного из авторов журнала.

Понимание негативных последствий войны все же не привело авторов «Вестника Европы» к осуждению войны как таковой. Напротив, они до конца сохраняли твердую оборонческую позицию и обвиняли в развязывании войны Германию, хотя и пытались убедить читателя, что «война не исключает реформ».

Примечания

¹ Агапов В.Л. «В союзе с передовыми нациями»: начало мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1914 – 1915 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 1 (31). С. 43–44.

² Агапов В.Л. “V soyuze s peredovymi natsiyami”: nachalo mirovoy voyny v liberalnom zerkale «Vestnika Evropy» (1914 – 1915 gg.) // Novy istorichesky vestnik. 2012. No. 1 (31). P. 43–44.

³ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 354.

⁴ Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1915. No. 6. P. 354.

⁵ Оглин А. Обзор военных действий // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 368.

⁶ Oglin A. Obzor voennyh sobyty // Vestnik Evropy. 1915. No. 6. P. 368.

⁷ Там же. С. 383–384.

⁸ Ibidem. P. 383–384.

⁹ Слонимский Л. Критический момент // Вестник Европы. 1915. № 7. С. 337.

¹⁰ Slonimsky L. Kritichesky moment // Vestnik Evropy. 1915. No. 7. P. 337.

¹¹ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1915. № 7. С. 378, 383.

¹² Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1915. No. 7. P. 378, 383.

¹³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 340.

¹⁴ Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1915. No. 8. P. 340.

¹⁵ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 354–355.

¹⁶ Arsenyev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1915. No. 8. P. 354–355.

¹⁷ Там же. С. 357–360.

¹⁸ Ibidem. P. 357–360.

¹⁹ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 353.

²⁰ Arsenyev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1915. No. 9. P. 353.

²¹ Там же. С. 354,358.

²² Ibidem. P. 354,358.

²³ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 10. С. 370.

²⁴ Arsenyev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1915. No. 10. P. 370.

²⁵ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 403–411.

²⁶ Arsenyev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 403–411.

²⁷ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 347–359.

²⁸ Arsenyev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 2. P. 347–359.

²⁹ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 412–428.

³⁰ Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 412–428.

³¹ Олигер Н. На войне (картины и мысли) // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 171–199.

³² Oliger N. Na voyne // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 171–199.

³³ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 412–413.

³⁴ Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 412–413.

³⁵ Олигер Н. На войне (картины и мысли) // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 175.

³⁶ Oliger N. Na voyne // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 175.

³⁷ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 414.

³⁸ Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 414.

³⁹ Олигер Н. На войне (картины и мысли) // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 176.

⁴⁰ Oliger N. Na voyne // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 176.

⁴¹ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 415.

⁴² Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 415.

⁴³ Там же. С. 416.

⁴⁴ Ibidem. P. 416.

⁴⁵ Там же. С. 417.

⁴⁶ Ibidem. P. 417.

⁴⁷ Там же. С. 418.

⁴⁸ Ibidem. P. 418.

⁴⁹ Там же. С. 419.

⁵⁰ Ibidem. P. 419.

⁵¹ Там же. С. 420.

⁵² Ibidem. P. 420.

⁵³ Там же. С. 421.

⁵⁴ Ibidem. P. 421.

⁵⁵ Ковалевский М. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 10. С. 351.

Kovalevsky M. Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1915. No. 10. P. 351.

²⁹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 12. С. 370–372.
Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1915. No. 12. P. 370–372.

³⁰ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 388, 392, 393.
Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 388, 392, 393.

³¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 334.
Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 2. P. 334.

³² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 342.
Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 2. P. 342.

³³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 258–259.
Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 258–259.

³⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 7. С. 270, 271, 275.
Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 7. P. 270, 271, 275.

³⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 262.
Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 262.

³⁶ *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 12. С. 365.
Slonimsky L. Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 12. P. 365.

³⁷ Там же. С. 364.
Ibidem. P. 364.

³⁸ *Дионео.* Нечто о мифах // Вестник Европы. 1916. № 5. С. 290–305.
Dioneo. Nечto o mifakh // Vestnik Evropy. 1916. No. 5. P. 290–305.

³⁹ Там же. С. 295.
Ibidem. P. 295.

⁴⁰ Там же. С. 296.
Ibidem. P. 296.

⁴¹ Там же. С. 297.
Ibidem. P. 297.

⁴² Там же. С. 304.
Ibidem. P. 304.

⁴³ Там же. С. 297.
Ibidem. P. 297.

⁴⁴ *Зак А.И.* Год войны и внешняя торговля С. Штатов (письмо из Нью-Йорка) // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 339–371.
Zak A.I. God voyny i vneshnyaya trgovlya S. Shtatov (pismo iz Nyu-Yorka) // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 339–371.

⁴⁵ Там же. С. 341.
Ibidem. P. 341.

⁴⁶ Там же. С. 371.
Ibidem. P. 371.

⁴⁷ *Чекин А.* Под знаком экономии (общественно-экономические последствия войны) // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 250–281.
Chekin A. Pod znakom ekonomii (obshchestvenno-ekonomicheskie posledstviya voyny) // Vestnik Evropy. 1916. No. 3. P. 250–281.

⁴⁸ *Цыперович Г.* Борьба с дороговизной во Франции // Вестник Европы. 1916. № 4. С. 221–249.
Tsyperovich G. Borba s dorogoviznoy vo Frantsii // Vestnik Evropy. 1916. No. 4. P. 221–249.

⁴⁹ *Лурье М.* Будущее германского хозяйства // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 247–301.
Lure M. Budushchee germanskogo khozyaystva // Vestnik Evropy. 1915. No. 8. P. 247–301.

⁵⁰ Там же. С. 300.
Ibidem. P. 300.

⁵¹ *Лурье М.* Организация земледелия в Германии // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 254–278.
Lure M. Organizatsiya zemledeliya v Germanii // Vestnik Evropy. 1915. No. 9. P. 254–278.

⁵² *Лурье М.* Бытовые отражения войны в Германии // Вестник Европы. 1915. № 11. С. 298–335.
Lure M. Bytovye otrazheniya voyny v Germanii // Vestnik Evropy. 1915. No. 11. P. 298–335.

⁵³ *Лурье М.* Социальное законодательство военного времени в Германии // Вестник Европы. 1915. № 12. С. 310–338.
Lure M. sotsialnoe zakonodatelstvo voennogo vremeni v Germanii // Vestnik Evropy. 1915. No. 12. P. 310–338.

⁵⁴ *Лурье М.* Государственно-коммунистическая организация продовольствия в Германии // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 281–311.
Lure M. Gosudarstvenno-kommunisticheskaya organizatsiya prodovolstviya v Germanii // Vestnik Evropy. 1916. No. 3. P. 281–311.

⁵⁵ *Лурье М.* Аграрии и дороговизна в Германии // Вестник Европы. 1916. № 5. С. 306–325.
Lure M. Agrarii i dorogovizna v Germanii // Vestnik Evropy. 1916. No. 5. P. 306–325.

⁵⁶ *Лурье М.* Под покровом бургфридена // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 201–232.
Lure M. Pod pokrovom burgfridena // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 201–232.

⁵⁷ Там же. С. 202.
Ibidem. P. 202.

⁵⁸ *Кузьмин-Караваяев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 7. С. 309–324.
Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 7. P. 309–324.

⁵⁹ Там же. С. 322.
Ibidem. P. 322.

⁶⁰ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 8. С. 325–339.
Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 8. P. 325–339.

⁶¹ Там же. С. 325.
Ibidem. P. 325.

⁶² Там же. С. 333.
Ibidem. P. 333.

⁶³ *Кузьмин-Караваяев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 8. С. 340–352.
Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 8. P. 340–352.

⁶⁴ Там же. С. 341.
Ibidem. P. 341.

**«ЭТО ВАМ, СЛАВА БОГУ,
НЕ ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК»:
ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО «ПАРЛАМЕНТА»
ЭПОХИ ДИКТАТУРЫ ЛЕНИНА**

Вопрос о взаимоотношениях двух высших государственных органов – Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Советов под председательством Л.Б. Каменева, а затем Я.М. Свердлова, и Совета народных комиссаров под председательством В.И. Ленина – впервые осторожно поставил в своей монографии о ВЦИК 2-го созыва советский историк А.И. Разгон. При этом уже во введении он уточнил: «В многопартийном ВЦИК, где кроме большевиков были представлены и непролетарские партии, В.И. Ленин блестяще защищал декреты Советского правительства от нападков оппозиции, мелкобуржуазных попутчиков революции... решительно пресекая любые действия, направленные на свертывание сопротивления контрреволюции»¹.

Появлению этой книги в свет сопутствовала одна «академическая байка».

Будто бы главный редактор издательства «Наука» категорически отказался подписывать ее в печать, указав на опасную двусмысленность, возникшую на титульном листе: «Разгон А.И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата». Мол, что это еще за «разгон ВЦИК»? Монография была подготовлена в рамках комплексной проблемы «История Великой Октябрьской социалистической революции». Руководитель ее Научного совета академик И.И. Минц, когда Разгон сообщил ему о возникшей проблеме, заявил уверенно: «Все нормально. Укажем название, а далее мелким шрифтом – фамилию автора». И получилось одно другого «не слаще»: «ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. Разгон...»

Разгон, проживающий ныне в США, профессионально сделал обстоятельную, правомерно-ленинскую книгу с описанием широты полномочий ВЦИК. Однако между строк в ней можно было прочесть совсем иное. И про ленинские манипуляции с кадровым составом, предотвратившие угрозу образования левоэсеровского большинства в конце 1917 г., и про тщательный подбор Лениным и Свердловым персонального состава большевистской фракции ВЦИК, и про подавление сложившейся в «парламенте» оппозиции Ленину, и про упорное игнорирование Лениным попыток ВЦИК установить хоть какой-то контроль над Совнаркомом. Вдумчивый читатель, ознакомившись с внешне скромным документальным

- ⁶⁵ Там же. С. 343.
Ibidem. P. 343.
- ⁶⁶ Лурье М. Понижение культуры в Германии // Вестник Европы. 1916. № 9. С. 307–348.
Lure M. Ponizhenie kultury v Germanii // Vestnik Evropy. 1916. No. 9. P. 307–348.
- ⁶⁷ Там же. С. 308–310.
Ibidem. P. 308–310.
- ⁶⁸ Там же. С. 320.
Ibidem. P. 320.
- ⁶⁹ Там же. С. 321.
Ibidem. P. 321.
- ⁷⁰ Там же. С. 322.
Ibidem. P. 322.
- ⁷¹ Там же. С. 323.
Ibidem. P. 323.
- ⁷² Там же. С. 325.
Ibidem. P. 325.
- ⁷³ Там же. С. 328.
Ibidem. P. 328.
- ⁷⁴ Там же. С. 329.
Ibidem. P. 329.
- ⁷⁵ Там же. С. 330.
Ibidem. P. 330.
- ⁷⁶ Там же. С. 332.
Ibidem. P. 332.
- ⁷⁷ Олигер Н. На войне (картины и мысли) // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 199.
Oliger N. Na voynе // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 199.
- ⁷⁸ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 7. С. 302.
Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 7. P. 302.
- ⁷⁹ Штильман Г. Война и патриотизм // Вестник Европы. 1916. № 7. С. 223–227.
Shtilman G. Voyna i patriotizm // Vestnik Evropy. 1916. No. 7. P. 223–227.
- ⁸⁰ Там же. С. 223.
Ibidem. P. 223.
- ⁸¹ Там же. С. 224.
Ibidem. P. 224.
- ⁸² Там же. С. 227.
Ibidem. P. 227.
- ⁸³ Слонимский Л. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 9. С. 349.
Slonimsky L. Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 9. P. 349.
- ⁸⁴ Слонимский Л. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 354–358.
Slonimsky L. Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 11. P. 354–358.

приложением, мог узнать, как на самом деле развивались взаимоотношения двух высших государственных органов – ВЦИК и Совнаркома. Разгон убедительно показал: в результате манипуляций большевистского руководства с количественным и персональным составом ВЦИК, этот высший представительный орган превратился в нечто по сути однопартийное и фактически безвластное. При этом на протяжении октября 1917 – лета 1918 г. вся реальная власть сконцентрировалась в Совнаркоме, в руках Ленина². Властные полномочия и авторитет, которыми все же пользовались члены и руководитель Президиума ВЦИК, основывались исключительно на том, что все они были прежде всего членами руководящей верхушки РСДРП(б)–РКП(б). Каковая после июля 1918 г. стала не только правящей, но и практически единственной дееспособной партией на территории Советской России.

Историк А.Л. Литвин считает, что летом 1918 г., в условиях глубокого политического и экономического кризиса, авторитет Ленина серьезно пострадал, в то время как усилились позиции во власти Свердлова³. После ранения Ленина 30 августа 1918 г. Свердлов попытался сосредоточить в Президиуме ВЦИК реальную власть, однако вскоре скоропостижно скончался. По официальным данным, от «испанки». (Медик-публицист В.Д. Тополянский, тщательно проанализировав источники, усомнился в вирусном происхождении смертельной болезни Свердлова⁴).

Уже в день его смерти, 16 марта 1919 г., члены Центрального комитета РКП(б) собрались на пленум для решения судьбы ВЦИК. Протокол заседания зафиксировал дебаты по этому вопросу – обстоятельство, крайне нехарактерное для протоколов заседания ЦК. В ходе этих дебатов «выяснилась необходимость изменения общей политики по отношению к [В]ЦИК». На заседании присутствовали: В.И. Ленин, И.Т. Смилга, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, Г.Я. Сокольников, Г.Е. Зиновьев, М.М. Лашевич, Ф.Э. Дзержинский, Н.Н. Крестинский, М.Ф. Владимирский, Е.Д. Стасова. Судя по протоколу, Ленин сумел «продать» окончательное уничтожение ВЦИК как альтернативного Совнаркому центра власти: «Везде придется заменить его [Покойного Я.М. Свердлова. – С.В.] коллективной работой. ВЦИК необходимо реформировать в смысле состава и работы»⁵.

18 марта Ленин заявил на первом заседании VIII съезда партии большевиков: «Парламентом в эпоху диктатуры нельзя ни решать вопросы, ни направлять партию или советские организации»⁶.

22 марта Зиновьев, подводя итоги по Организационному отчету ЦК, высказался так: «Мы задумали [В]ЦИК как рабоче-крестьянский парламент, который должен быть как можно ближе к массам... и в каждую данную минуту точнее всего отражать подлинное настроение широких кру-

гов рабочих и крестьян. К этому наш [В]ЦИК до сих пор был мало приспособлен. Партийный съезд должен это изменить. Мы не даем подробной регламентации, мы даем три с половиной строчки, но мне кажется, что для действительного советского строительства это значит несравненно больше, чем десятки детализированных, но безжизненных тезисов. Партийному съезду важно дать директиву в основном вопросе: "Съезд полагает, что Всероссийский ЦИК должен быть изменен в том смысле, что члены ЦИК должны вербоваться из деятелей с мест, ведущих постоянную работу среди масс рабочих и крестьян". Дело не в том, чтобы все члены [В]ЦИК непременно жили в Москве. Часть их может только приезжать время от времени. Пусть это не всегда будут строго партийные... Пусть там будут вожаки крестьянской бедноты, которые еще не записались в партию, но которые через месяц, через два войдут в нее. Пусть там будут люди, которые вышли из народа, которые явятся строителями завтрашнего дня. Это принесет свежесть, размах в [В]ЦИК...»⁷

VIII съезд РКП(б) принял решение: «1. *Состав ВЦИК.* Съезд полагает, что состав ВЦИК должен быть изменен в том смысле, что члены ВЦИК должны вербоваться главным образом из деятелей с мест, ведущих постоянную работу среди масс крестьян и рабочих. 2. *Президиум ВЦИК.* Функции Президиума ВЦИК не разработаны в советской Конституции. На ближайшем съезде Советов необходимо, на основе всего практического опыта, точно сформулировать права и обязанности Президиума ВЦИК и разграничить круг его функций с кругом функций *Совнаркома* (Курсив документа. – С.В.)»⁸.

Таким образом, VIII съезд РКП(б) начал завершающий этап превращения ВЦИК в декоративный, недееспособный орган, прикрыв это, естественно, намерением приблизить его к «массам рабочих и крестьян».

Что же касается должности председателя ВЦИК, то, как посчитал Тополянский, после смерти Свердлова она «стала чисто декоративной». И далее (поверхностно, но отчасти обоснованно) пояснил: «С легким сердцем передал Ленин этот пост бесцветному М.И. Калинину, от которого никаких каверз ждать не приходилось. Послушный ВЦИК единогласно признал Калинина своим председателем. Напутствуя номинального главу государства и по привычке паясничая, Троцкий выпалил одну из своих эпохальных фраз: "Ты был у себя в деревне сельским старостой, а теперь будь у нас всероссийским старостой!"»⁹. (Ф. Искандер в романе «Сандро из Чегема», описывая события 1935 г., вложил в уста Сталина хозяйское, совсем уже унижительное определение Калинина: «мой всесоюзный козел»).

6 августа 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б) решило поддержать в Президиуме ВЦИК просьбу Поалей-Цион о включении их представителя во ВЦИК¹⁰. Если Свердлов старательно конструировал ВЦИК как однопартийный орган,

то после его смерти высшее большевистское руководство сочло возможным допустить в нем некую «представительность». Видимо, в силу безвластия ВЦИК единичное присутствие в нем «сочувствующих» партий уже не представлялось опасным для «пролетарской демократии».

В протоколе заседания Оргбюро от 1 октября 1919 г. (присутствовали Каменев, Крестинский, Стасова, Сталин, Троцкий, Дзержинский, М.К. Муранов, А.Г. Белобородов, Х.Г. Раковский, П.И. Стучка, К.Т. Новгородцева-Свердлова и другие) содержится поистине загадочный пункт 10:

«Сообщение т. Каменева о том, что на 2-Х-[19]19 г. назначено заседание [В]ЦИК с докладами Троцкого, Калинина, Дзержинского, где кроме того должно быть принято постановление о роспуске ВЦИК и передаче им всех его прав до ноябрьского 6-го съезда Советов расширенному Президиуму.

Предложенное Президиуму ВЦИК заседание отменить»¹¹.

Неизвестно, кто поставил этот вопрос и зачем, но можно предположить, что передача прав «расширенному» Президиуму ВЦИК не только окончательно расшатывала позиции «парламента», но и расшатывала позиции Президиума ВЦИК как органа компактного, рабочего, а потому способного оперативно решать вопросы государственного управления.

Калинин, впрочем, был не только председателем ВЦИК: на первых порах он оставался руководящим работником аппарата ЦК. Это вызвало раздражение Секретариата ЦК и лично секретаря ЦК Крестинского. 5 октября 1919 г. Оргбюро рассмотрело заявление Крестинского «о том, что в Секретариате ЦК, в Отделе работы в деревне, производится прием посетителей председателем ВЦИК т. Калининым и в его отсутствие т. Невским». Оргбюро постановило: «Принимая во внимание, что допущение в помещении ЦК массы просителей, ничего общего не имеющих с партией, по вопросам непартийного характера затрудняет текущую работу Секретариата и придает Секретариату нежелательный характер, предложить т. Калинину прекратить приемы в помещении ЦК»¹².

Стараниями Ленина «реформирование», «приспособление» ВЦИК было быстро доведено до того, что ЦК РКП(б) стал определять его персональный состав.

В итоге заведующему Редакционно-издательским отделом ВЦИК Ю.М. Стеклову 6 декабря 1919 г. пришлось писать Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич,

По некоторым намекам я понял, что меня надо исключить из списка нового [В]ЦИК. Не знаю, насколько это верно, но все же позволю себе обратиться к Вам по этому поводу с несколькими словами.

Я один из весьма немногих членов [В]ЦИК, которые участвовали в ЦИКах всех созывов, начиная с первого. С самого начала революции, с

первого ее дня и, можно сказать, часа я работал в этом учреждении и, смею сказать, проводил там пролетарскую политику, поскольку это было возможно.

Это-то и вызвало ненависть против меня м[еньшеви]ков и с.-р., которые делали все усилия, чтобы изгнать меня из первого [В]ЦИК. Это им не удалось. Неужели же то, что не удалось социал-предателям, будет выполнено моими партийными товарищами, и руками коммунистов будет нанесен этот удар?

Трудно поверить. Но некоторые признаки позволяют мне допустить такую возможность.

Не хочу скрывать от Вас: для меня это будет удар моральный и политический. Для господ м[еньшеви]ков и с.-р. это будет большим торжеством. Вспомните, как всякий раз в их органах появлялись заметки: “Стеклов уходит”, “Отставка Стеклова” и т.п. И теперь, когда моя собственная партия исключит меня из нового [В]ЦИК, для этих господ это будет настоящим праздником. Широкие массы истолкуют это по-своему.

Если такое решение действительно состоялось, есть еще время изменить его. *Ваше слово сыграет здесь решительную роль* [Курсив наш. – С.В.]. Вот почему я к Вам и обращаюсь.

Тем более что за исключением из [В]ЦИК вырисовывается перспектива удаления из редакции “Известий [В]ЦИК”. И это за непрерывную службу в партии?

Простите, В[ладимир] И[льич], что занимаю Вас личным делом. Но оно не совсем личное. Партии тоже должны быть справедливы. Вся моя пропагандистская и агитационная деятельность также потерпит урон от этого исключения. Вы можете думать иначе, я же чувствую это всем своим существом»¹³.

Видимо, хорошо изучив Ленина, Стеклов мастерски сформулировал свои вопросы так, что на резкий ответ осторожный Ленин решиться не мог. Он по традиции «строго секретно», как будто партия все еще находилась в подполье, разослал копии письма членам ЦК с пометой: «Я лично воздерживаюсь». К счастью для Стеклова, члены ЦК осторожничают не стали: «Редактор органа ВЦИК должен быть в [В]ЦИК. Л. Каменев», «Согласен. Троцкий», «Тоже. М. Калинин, Н. Крестинский». И только теперь – «Тоже. Ленин». Зиновьев милостиво подытожил: «Выбрать его»¹⁴.

Ситуация со Стекловым – не единичная.

Буквально через несколько дней, 15 декабря, аналогичное послание в ЦК РКП(б), а в копии лично Ленину, направил А.А. Иоффе – бывший полпред РСФСР в Германии (судя по тексту, он остался членом коллегии Наркомата по иностранным делам).

«По неписанной нашей конституции все выборы в центральные советские и партийные учреждения производятся по спискам, фактически составляемым ЦК РКП. За последний год (приблизительно со смерти Я.М. Свердлова) ни в одном из таких списков я не фигурирую. Когда мое имя на VIII съезде партии не было выставлено в списке ЦК, после того как я с момента создания РКП неизменно избирался во все ЦК – то в широких партийных кругах пошли слухи (многие товарищи мне лично об этом говорили), что ЦК недоволен моей берлинской работой, и поэтому не выставил меня в своем списке. Отдельные же члены ЦК в разговоре объясняли это просто забывчивостью ввиду моего отсутствия на съезде, каковое отсутствие само явилось результатом запрещения мне ЦК выезда из Вильны»¹⁵.

Далее Иоффе без особой дипломатичности вопрошал, с чем же связано его отсутствие в «опубликованном ныне списке ВЦИК нового созыва», несмотря на то, что он «состоял членом всех ВЦИК, начиная со времен Керенского». «Объяснения забывчивостью в данном случае быть не может, ибо я был делегатом съезда Советов, единогласно выбранным Петросоветом. Не может быть это также объяснено решением создать новый ВЦИК из представителей с мест, преимущественно рабочих и крестьян, ибо, во-первых, из петроградских делегатов переизбраны почти все члены прошлого ВЦИК, а, во-вторых, из московских товарищей переизбранными значатся многие, по меньшей мере столько же, сколько я, принадлежащие рабочему классу и во всяком случае имеющие гораздо меньшее отношение к провинции, как за все время из Москвы не выезжавшие»¹⁶.

Он был настолько возмущен, что прямо потребовал от ЦК и лично от Ленина как «признанного руководителя всей» партийной работы «прямого ответа», чем объясняется «вышеизложенное» к нему отношение, и действительно ли ЦК «недоволен» его работой¹⁷.

Прекрасно зная, как одни и те же люди совмещают посты в СНК с членством во ВЦИК и ЦК, Иоффе предупредил: «Отписка вроде ответа, что мол, членов коллегий [наркоматов] решено было во ВЦИК не избирать, не может быть прямым ответом на мой вопрос»¹⁸. А в заключение непрозрачно намекнул, что его мандат, выданный «члену ВЦИК» на ведение переговоров с Эстонией, Литвой, Латвией и Польшей, может оказаться недействительным¹⁹. Видимо, он счел возможным позволить себе такой «шантаж»: дипломатов среди видных большевистских деятелей было еще меньше, чем пролетариев.

20 декабря Политбюро, рассмотрев этот вопрос, поручило Крестинскому написать Иоффе письмо, в котором «объяснить способ составления нового ЦИК и указать, что он по-прежнему пользуется полным политическим доверием ЦК»²⁰.

Мало приходится сомневаться в том, что «отписка», полученная Иоффе, убедила его в «полном политическом доверии ЦК» к нему.

Так из ВЦИК последовательно, шаг за шагом удалялись те, кто хорошо помнил первые месяцы «пролетарской демократии», когда этот орган занимал важное место в формировании политического курса новой, рабоче-крестьянской, власти. А уж свободу слова при А.Ф. Керенском – тем паче.

К 1920 г. ВЦИК окончательно перестал быть вторым центром Советской власти, «соправителем» Совнаркома.

Каменев в «Докладе по советскому строительству» на VII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1919 г.) высказался относительно Президиума ВЦИК следующим образом: «По статье 33-й нашей Конституции “ВЦИК образует Совет народных комиссаров для общего управления делами РСФСР”. Совет народных комиссаров есть собрание товарищей, стоящих во главе отдельных ведомств. Но рядом с ним стоит другой орган ВЦИК, именно – Президиум Всер[оссийского] центральный[ого] исполнительного к[омите]та. Если, как мы предлагаем, будет введена сессионная система заседаний Вс[ероссийского] ЦИК, задачи Президиума ВЦИК неизбежно расширятся. С другой стороны, опыт уже показал, что на Президиум ложится ряд дел, связанных с управлением, то есть соприкасающихся с кругом ведения С[овета] н[ародных] комиссаров. Между тем, до сих пор в Конституции нашей нет указания на разграничение работ Совнаркома и Президиума ВЦИК и, пожалуй, тогда, когда состоялась конституция, трудно было предусмотреть и тогда ограничить функции Президиума ВЦИК [Это было попросту невозможно: сам Свердлов активно работал над текстом Конституции. – С.В.]. На основании опыта мы и предлагаем вам теперь зафиксировать права, и круг деятельности, и задачи Президиума ВЦИК в следующих словах: 1) Президиум ВЦИК руководит заседаниями ВЦИК; 2) Подготавливает материалы для заседаний ВЦИК; 3) Вносит проекты декретов на рассмотрение пленума ВЦИК; 4) Наблюдает за исполнением постановлений ВЦИК; 5) Ведет сношения от имени ВЦИК; 6) Является руководящим центром по инструктированию всей работы как в центре, так и на местах; 7) Рассматривает ходатайства о помиловании, утверждает награждение орденом Красного знамени и разрешает другие вопросы в порядке управления; 8) Между заседаниями ВЦИК Президиум имеет право утверждать постановления Совета народных комиссаров, а также приостанавливать его постановления, перенося их на разрешение ближайшего пленума ВЦИК, назначает отдельных комиссаров по представлению Совета народных комиссаров»²¹.

Съезд принял постановление, что «Всероссийский центральный исполнительный комитет созывается не реже одного раза в месяц на сессионные заседания»²².

В итоге VII Всероссийский съезд Советов установил новый порядок взаимоотношений СНК и Президиума ВЦИК.

В резолюции съезда отсутствует толкование принятого на этот счет решения. Однако его доходчиво разъяснил секретарь ЦК Крестинский, выступая 29 марта 1920 г. на IX съезде РКП(б) с докладом об организационной работе Центрального комитета: «В промежутке между пленумом ВЦИК деловым органом, органом управления и законодательства, является Совнарком, тесно связанный с отделами ВЦИК и комиссариатами, которые несут повседневную работу; что касается Президиума [ВЦИК], то он несет функции политического представительства, подготавливает сессии ВЦИК и руководит ими. Товарищи, может быть, укажут, что в Президиуме ВЦИК резолюцией VII съезда Советов предоставлено право утверждать от имени ВЦИК определенные решения Совнаркома и приостанавливать проведение в жизнь тех или иных его постановлений. Совершенно правильно. Тут имеются в виду исключительные случаи, когда ЦК нашей партии, контролирующей и направляющей работу центральных органов [Курсив наш. – С.В.], приходит к убеждению, что тот или иной декрет по своему значению должен быть принят ВЦИК, а пленума ВЦИК по техническим причинам срочно созвать нельзя; в таких случаях, если декрет уже принят Совнаркомом и если ЦК по существу согласен с этим декретом и Президиум ВЦИК не встречает против него возражений, то этот декрет проводится через Президиум ВЦИК и утверждается им от имени ВЦИК, ведь ЦК не обсуждает предварительно всех вопросов, проходящих через Совнарком. Когда то или иное постановление Совнаркома необходимо отменить или приостановить его действие, ЦК делает это через Президиум ВЦИК. В этом основная цель того права утверждения и приостановления, но не самостоятельного декретирования [Курсив наш. – С.В.], которое предоставлено VII съездом Советов Президиуму ВЦИК по отношению к решениям Совнаркома»²³.

2–7 февраля 1920 г., через два месяца после VII съезда Советов, Президиум ВЦИК на первой сессии своего 7-го созыва попытался решить один вопрос без оглядки на ЦК РКП(б). Он утвердил «Положение о Рабоче-крестьянской инспекции», которым Наркомат государственного контроля реорганизовывался в единый орган социалистического контроля на основе привлечения к делу государственного контроля широких рабоче-крестьянских масс и ему присваивалось название «Рабоче-крестьянской инспекции». На Рабоче-крестьянскую инспекцию возлагался контроль и наблюдение за точным исполнением декретов, а также борьба с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях²⁴.

В результате возникла прямо-таки пикантная ситуация, изложенная на IX съезде РКП(б) секретарем ЦК Крестинским: «Президиум [ВЦИК]

перед последней сессией ВЦИК, в отступление от буквы и духа резолюции VII съезда, образовал специальные комиссии для подготовки стоявших в порядке дня вопросов, не включив в них соответствующих наркомов. Когда одна из таких комиссий разработала проект Рабоче-крестьянской инспекции, не включаемой в [Народный] комиссариат государственного контроля и существующей отдельно от него и параллельно с ним в качестве не входящего в состав Совнаркома нового отдела ВЦИК, когда в таком же направлении работа пошла в других комиссиях, тогда ЦК вынужден был сказать: будьте добры работать организованно»²⁵.

За сим последовало авторитетное разъяснение: «Это не мелочное вмешательство ЦК в работу советских учреждений, а руководство ими со стороны ЦК, указание отдельным учреждениям и ведомствам их прав и компетенций, что и составляет прямую задачу ЦК»²⁶. Секретарский авторитет Крестинского тут был особенно важен, поскольку эта «прямая задача ЦК» никакими законами РСФСР установлена не была.

Тогда же, выступая на заседании IX съезда РКП(б), «старый большевик» (в 1915 г. – член ЦК партии) А.С. Киселев за «мелкие споры» со ВЦИК обвинил ЦК в «мелочности». По его словам, ВЦИК «постановил закрыть злосчастную газету Роста. Статья, за которую закрыли газету, говорит о спецах... (Смех, шум, звонок председателя.) В этой статье говорится: “Быть спецом выгодно и приятно”... (Читает выдержки из газеты.) Президиум ВЦИК постановил закрыть Агит-Росту, так как она вела антипартийную линию, и если бы т. Ленин и т. Троцкий прочитали эти статьи, то они наверно бы ужаснулись, но ЦК все-таки постановил: пускай газета выходит, потому что Оргбюро видит подрыв своего авторитета в этом постановлении ВЦИК и, не ознакомившись со статьей и с постановлениями, ставит Президиум ВЦИК – эту рабочую организацию – под подозрение и не дает возможности работать»²⁷.

Безусловно отражает политическую реальность марта 1920 г. лишь один из тезисов Крестинского: «то положение, что ВЦИК (его пленум) является решающим, действительно руководящим органом РСФСР, не вызывает ни у кого разногласий»²⁸. Скорее всего разногласий действительно не было. И вот почему: в большевистской верхушке никто давным-давно не обманывался на этот счет.

Более того, скоро привилегия принимать решения о формировании комиссий ВЦИК перешла от ЦК к Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б). Так, 2 февраля 1921 г. Политбюро, заслушав доклад Н.И. Бухарина, поручило «Оргбюро совместно с Президиумом ВЦИК организовать немедленно посылку комиссии от ВЦИК в Тамбов для политического руководства и помощи товарищам в борьбе с крестьянским восстанием и для политической обработки районов, освобождаемых от повстанцев»²⁹. А на

следующий день, 3 февраля, Оргбюро, заслушав вопрос «Постановление Политбюро о посылке комиссии от ВЦИК в Тамбов для политического руководства и помощи товарищам в борьбе с крестьянскими восстаниями», постановило: «Поручить Президиуму ВЦИК организовать комиссию во главе с тов. Антоновым-Овсеенко»³⁰.

В ряде случаев составы комиссий, формируемых ВЦИК, пополнялись членами ЦК. Решения, как правило, принимало Оргбюро. Получались совместные комиссии ВЦИК и ЦК РКП(б). Формировались они в особо важных случаях. К примеру, для пересмотра личного состава коллегий наркоматов. В протоколе заседания Оргбюро от 16 января 1921 г. по этому поводу говорится: «41. Предложение тов. Ленина и т. Крестинского создать комиссию ЦК по пересмотру наркоматов и слить ее с комиссией ВЦИК» – «Предложить Президиуму ВЦИК пополнить избранную им комиссию тт. Серебряковым и Крестинским»³¹. Так для рабоче-крестьянских масс создавалась иллюзия контроля законодательной власти, Советского «парламента», над исполнительной властью.

Более того, резолюции ВЦИК стали разрабатываться под руководством председателя СНК Ленина³². Всего два-три года назад, при Свердлове, вопросы, касающиеся ВЦИК, решались на заседаниях ЦК. Причем эти вопросы (формально) ограничивались лишь формированием повестки дня заседаний. А собственно проведение политики ЦК во ВЦИК являлось «уделом» Свердлова, обширным полем для применения его организаторского таланта.

Итог ленинских усилий по «реформированию» ВЦИК, его «приспособлению», «приближению к массам» хорошо известен: ВЦИК (ЦИК СССР) был превращен в декорацию «пролетарской демократии», которой и оставался вплоть до создания Верховного Совета СССР согласно «Сталинской», 1936 г., Конституции СССР.

В советской историографии было принято подытоживать, обобщать высказывания Ленина, дабы поднять их на высоту методологических откровений. Последуем этой традиции. На пленуме ЦК РКП(б) 28 декабря 1921 г. К.Е. Ворошилов записал на блокнотном листке: «Ленин призвал к порядку тов. Калинина, который разговаривал и вопросами мешал ведению заседания, указал: “Это Вам, слава Богу, не заседание Президиума ВЦИК”»³³. (Заглавные буквы в словах Ленина написаны лично товарищем Ворошиловым, гордо именовавшим себя «большевиком не вчерашнего дня»).

История современного российского парламентаризма наводит на мысль: все начинается с Ленина, дело которого живет и побеждает.

Примечания

¹ *Разгон А.И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977. С. 7.

Razgon A.I. VTsIK Sovetov v pervye mesyatsy diktatury proletariata. Moscow, 1977. P. 7.

² Там же. С. 199.

Ibidem. P. 199.

³ *Литвин А.Л.* Фейга Хаимовна Каплан // Фанни Каплан, или кто стрелял в Ленина. Казань, 1995. С. 25–28.

Litvin A.L. Feyga Khaimovna Kaplan // Fanni Kaplan, ili kto strelyal v Lenina. Kazan, 1995. P. 25–28.

⁴ *Тополянский В.Д.* Загадочная испанка // Континент. 2002. № 112. С. 295–309.

Topolyansky V.D. Zagadochnaya ispanka // Kontinent. 2002. № 112. P. 295–309.

⁵ Деятельность Центрального комитета партии в документах // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 165.

Deyatelnost Tsentralnogo komiteta partii v dokumentakh // Izvestiya TsK KPSS. 1989. No. 8. P. 165.

⁶ Восьмой съезд РКП(б). М., 1956. С. 26.

Vosmoy sezd RKP(b). Moscow, 1956. P. 26.

⁷ Там же. С. 288–289.

Ibidem. P. 288–289.

⁸ Там же.

Ibidem.

⁹ *Тополянский В.Д.* Указ. соч. С. 308–309.

Topolyansky V.D. Op. cit. P. 308–309.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 7. Л. 8.

Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 17. Op. 112. D. 7. L. 8.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 9. Л. 3.

RGASPI. F. 17. Op. 112. D. 9. L. 3.

¹² Там же. Л. 17–18.

Ibidem. L. 17–18.

¹³ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 159. Л. 10.

RGASPI. F. 323. Op. 2. D. 159. L. 10.

¹⁴ Там же. Л. 9.

Ibidem. L. 9.

¹⁵ Большевицское руководство: Переписка. Т. 1. М., 1996. С. 111, 112.

Bolshevistskoe rukovodstvo: Perepiska. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 111, 112.

¹⁶ Там же. С. 112.

Ibidem. P. 112.

¹⁷ Там же. С. 113.

Ibidem. P. 113.

¹⁸ Там же.

Ibidem.

¹⁹ Там же.

Ibidem.

²⁰ Там же.

Ibidem.

²¹ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 29. Л. Зоб.–4; *Каменев Л.* Центр и места: Доклад по советскому строительству на VII Всероссийском съезде советов депутатов. М., 1919. С. 6–7.

RGASPI. F. 323. Op. 2. D. 29. L. 3v.-4; *Kamenev L.* Tsentri i mesta: Doklad po sovetскому stroitelstvu na VII Vserossiyskom sezde sovetov deputatov. Moscow, 1919. S. 6–7.

²² 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. М., 1920. С. 261–271.

7-у Vserossiyskiy sezde Sovetov rabochikh, krestyanskikh, krasnoarmeyskikh i kazachikh deputatov: Stenografichesky otchet. Moscow, 1920. P. 261–271.

²³ Девятый съезд РКП(б). М., 1934. С. 46.

Devyatyy sezde RKP(b). Moscow, 1920. P. 46.

²⁴ Там же. С. 565.

Ibidem. P. 565.

²⁵ Там же. С. 47.

Ibidem. P. 47.

²⁶ Там же.

Ibidem.

²⁷ Там же. С. 67–68.

Ibidem. P. 67–68.

²⁸ Там же. С. 46.

Ibidem. P. 46.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 120. Л. 100.

RGASPI. F. 17. Op. 112. D. 120. L. 100.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 112. Л. 6.

RGASPI. F. 17. Op. 112. D. 112. L. 6.

³¹ Там же.

Ibidem.

³² РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 118. Л. 64.

RGASPI. F. 323. Op. 2. D. 118. L. 64.

³³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 135. Л. 63.

RGASPI. F. 74. Op. 2. D. 135. L. 63.

Е.Б. Кириченко

**РОССИЙСКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
В ХАКОДАТЕ А.Э. ОЛАРОВСКИЙ
(1870 – 1874 гг.)**

Вторая половина XIX в. стала временем установления дипломатических отношений между Россией и Японией. Получив, согласно Трактату о торговле и границах 1855 г., право на назначение консула в один из японских портов – Симода или Хакодате, – российское Министерство иностранных дел выбрало второй. Первое российское консульство в Японии начало свою деятельность в 1858 г.

В российском консульстве в Хакодате довелось служить Александру Эпиктетовичу Оларовскому (1845 – ?), имя которого часто упоминается в научной литературе в связи с его дипломатической службой в США и Сиаме. Однако довольно длительный период дипломатической службы Оларовского прошел в Японии. О переводе именно в эту страну хлопотал он, находясь на предыдущем месте службы в Китае.

Биографические сведения об Оларовском очень скудны. Известно лишь, что он был сыном золотопромышленника Эпиктета Павловича Оларовского.

Согласно исследованию профессора Университета Флориды Дж. А. Ленса, предпринявшего попытку систематизировать известную ему информацию о русских дипломатах в Восточной Азии, Оларовский пребывал на должности консула в Хакодате с 1871 по 1874 г.¹ Однако в Архиве внешней политики Российской империи нами был найден отчет из российского консульства в Хакодате, датированный 1870 г. и подписанный так: «Управляющий консульством Оларовский»². Сохранились подобные отчеты и за последующие три года. Они позволяют осветить и проанализировать дипломатическую деятельность Оларовского в Хакодате, определить его роль в развитии русско-японских отношений в первой половине 1870-х гг.

Перед назначением в Японию Оларовский занимал должность консула в Тяньцзине (Китай). В письме к российскому консулу в Хакодате Евгению Карловичу Бюцову (1837–1904) он писал о своем желании сменить страну пребывания на Японию и просил о содействии в этом вопро-

се. «Вы весьма бы обязали меня, ибо эта единственная всегдашняя была моя мысль переселиться в Японию», – писал Оларовский Бюцову³.

В июне 1868 г. Бюцов в письме чрезвычайному посланнику и полномочному министру России в Китае Александру Георгиевичу (Егоровичу) Влангали (1824–1908) ходатайствовал о рекомендации Оларовского на должность секретаря консульства в Хакодате. По его словам, Александр Эпикетович владел китайским языком, поэтому легко мог выучить японский. Опыт, приобретенный Оларовским на дипломатической службе в Китае, должен был способствовать более легкому установлению контактов с японцами. Наконец, он писал о том, что хотел бы видеть на должности секретаря именно Оларовского, а не С.Д. Трахтенберга, командированного МИДом в Хакодате, так как после пожара в здании консульства не хватало помещений, где можно было бы разместить женатого Трахтенберга с семьей, а для неженатого Оларовского место нашлось бы⁴.

В 1869 г. Бюцов был назначен поверенным в делах России в Китае, и должность российского консула в Хакодате стала вакантной. Так как штат консульства был невелик (консул, секретарь, медик и священник), исполняющим обязанности консула временно был назначен секретарь Трахтенберг. А в 1870 г. в Хакодате прибыл новый управляющий консульством – Оларовский. Ввиду отсутствия в консульской церкви псаломщика, Оларовскому приходилось исполнять и его обязанности.

Одной из основных функций консулов Российской империи было развитие межгосударственных торгово-экономических связей. Анализ составленных Оларовским донесений за 1870 – 1873 гг. свидетельствует о том, что он с первых дней пребывания на своей должности ревностно относился к выполнению требований консульского устава (1858 г.), вменявшего в обязанность российских дипломатов не только доносить о состоянии торговли, но и «стараться об усилении, облегчении и распространении торговых сношений своей страны с той, в которой он имеет пребывание»⁵.

Оларовский в своих донесениях в Азиатский департамент МИДа сообщал сведения не только о торговле в Хакодате, но и о товарообороте в Нагасаки. Он докладывал Азиатскому департаменту, что вследствие междоусобной войны в Японии ввоз 1869 г. в Нагасаки превысил ввоз 1868 г. из-за большой потребности в оружии. К тому же увеличился импорт риса, причиной чему стал неурожайный год в Японии. Уменьшение вывоза из Нагасаки всех товаров, за исключением чая, он также приписывал войне. По его свидетельству, европейские купцы жаловались на застой в торговле в 1869 г. и на конкуренцию со стороны китайских купцов, которых в Нагасаки было очень много. Больше половины вывоза и ввоза за 1869 г. принадлежало китайцам. Ведомости о вывезенных и ввезенных товарах,

составленные Оларовским, отличались исключительной точностью, стоимость каждого товара указывалась в мексиканских долларах (в 1859 г. мексиканский доллар получил в Японии статус официальной денежной единицы), а также рублях и копейках⁶. При составлении отчетных таблиц Оларовский переводил цены с мексиканских долларов в рубли по курсу: 1 мексиканский долл. – 1 руб. 38 коп.

По поводу русской торговли Оларовский докладывал, что российские суда занимались преимущественно перевозкой грузов, которые принадлежали китайцам или другим иностранцам.

В 1869 г. в Нагасаки прибыло девять российских судов, из которых пароход «Находка» (вместимость – 270 т) был единственным судном с русским грузом из Владивостока на сумму 600 мекс. долл., что составляло 828 руб. А шхуна «Викентий» (вместимость – 77 т) прибыла с товаром из Шанхая для русского купца А.Ф. Филиппеуса, основателя первой российской транспортной компании на русском Дальнем Востоке «Филиппеус и Ке», на сумму 8 500 мекс. долл., что составляло 11 730 руб. Ушло из Нагасаки всего девять российских судов, из которых шхуна «Викентий» ушла в Йокогаму с грузом купца Филиппеуса на сумму 1 250 мекс. долл. Впоследствии пароход «Курьер» (вместимость – 498 т) и шхуна «Викентий» ушли на Камчатку с товарами Филиппеуса на сумму 60 000 мекс. долл.⁷

Всего в 1869 г. Японию посетили 35 русских судов, которые стояли в портах Йокогама, Хёго, Осака, Нагасаки, Ниигата и Хакодате.

Оларовский особо отмечал, что Франко-прусская война 1870–1871 гг. существенно повлияла на торговлю в Японии: ввоз иностранных товаров значительно уменьшился. Общая сумма ввоза в 1869 г. составила 755 006 мекс. долл., или 1 050 908 руб. 28 коп., тогда как в 1870 г. ввоз составил 496 907 мекс. долл. 52 ц., или 684 692 руб. 45 коп. В основном пострадала каботажная торговля, которая преимущественно находилась в руках Северогерманского союза⁸.

По донесениям Оларовского, рис, как и в 1869 г., занимал главное место среди предметов импорта на о. Эдзо (Хоккайдо). Он вполне обоснованно прогнозировал: пока остров не будет полностью заселен и земледелие не станет одним из основных занятий местных жителей, рис будет держать первенство среди других предметов ввоза⁹.

1870 г. стал пробным годом для сбыта презервов (пищевых продуктов, расфасованных в жестяную или стеклянную тару, герметично укупленную). Оларовский оценивал эту попытку как удачную и утверждал, что презервы займут значительное место среди предметов ввоза. Подобные сведения могли бы быть полезны для русских коммерсантов. Азиатский департамент передал донесение Оларовского от 21 марта 1871 г. в Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов.

Донесения Оларовского были более содержательными, чем его предшественников. В частности, он сообщал сведения о самых высоких и самых низких ценах на товары в Хакодате. Например, в 1870 г. 1 пиккуль (60,4790 кг) длинной морской капусты стоил от 2,10 до 3,75 мекс. долл. (2,89–5,11 руб.). Короткая морская капуста была дороже: от 6,10 до 7,20 мекс. долл. за пиккуль (8,41–9,93 руб.)¹⁰.

Оларовский настоятельно рекомендовал увеличить ввоз сахалинского угля в Хакодате, указывая на угрозу конкуренции со стороны Иванайских копей, которые находились недалеко от Хакодате. Иванайский уголь уступал по качеству сахалинскому, и поэтому он уверенно утверждал, что большинство инженеров паровых компаний покупали бы именно сахалинский уголь, если бы его было достаточно на рынке. В частности, паровое общество «Pacific Mail Steamship Company» хотело бы купить сахалинский уголь при условии доставки его в Йокогаму. Несмотря на низкую цену, японский уголь из-за своего низкого качества не мог вытеснить с рынка английский, а сахалинский уголь стоил дороже японского, но значительно дешевле английского. Оларовский особо подчеркивал: «Уголь, без сомнения, один из главных источников обогащения нашей приморской области, и поэтому, мне кажется, нужно серьезнее подумать о развитии наших угольных копей. Я имел случай убедиться в несправедливости слухов, что из нашей угольной промышленности никогда ничего не будет и что никогда каменный уголь Сахалинский не в состоянии будет вытеснить с рынков Восточного океана английский»¹¹. Подобные слухи стали результатом неудач компании «Гельпеке и Ке», которая занималась транспортировкой сахалинского угля в 1869–1870 гг. Однако проблемы возникли не из-за плохого качества русского угля, а из-за невозможности компании расплатиться со своими кредиторами¹².

В своих ежегодных донесениях Оларовский пытался обратить внимание чиновников Азиатского департамента на еще один важный для дальневосточного региона промысел – вылов и продажу рыбы. Рыба потребляется в Японии в огромных количествах, иногда даже ощущалась ее нехватка (особенно в Йокогаме и Токио). Между тем российские дальневосточные порты были переполнены рыбой. И он высказывал свое удивление по поводу того, что никто из русских купцов не заготавливал сушеной рыбы для отправки в Японию. Русские суда приходили в японские порты почти всегда без груза (с балластом). То есть, по его мнению, при условии рационального подхода на доставку рыбы не тратилось бы ни копейки¹³.

Попытки Оларовского содействовать развитию торговых связей между Россией и Японией успеха не имели. В 1870 г. американские коммерческие суда зашли в Хакодате 27 раз, северогерманские – 13, английские – 39. И лишь дважды заходил русский винтовой пароход «Курьер», капитаном

которого был американский подданный Ней¹⁴. Иная картина была с военными судами: среди 6-ти, зашедших в порт Хакодате в 1870 г., 5 были русскими и 1 – французским¹⁵.

Служа в должности управляющего Российским консульством в Хакодате, Оларовскому довелось принимать участие в решении вопроса о неразделенном статусе о. Сахалин.

В ходе переговоров со специальным чиновником, назначенным для ведения «сахалинских дел», а впоследствии ставшим премьер-министром Японии, Курода Киётака, Оларовский получил заверения в том, что тот постарается убедить свое правительство в необходимости отказаться от южной части Сахалина¹⁶.

Но в 1871 г. Курода Киётака обратился к императору Мэйдзи с запиской о возможности захвата Россией о. Хоккайдо и советовал не жалеть денег на заселение Южного Сахалина. Внимание японского правительства было в то время сосредоточено на планах войны с Кореей, и советник японского Министерства иностранных дел Миamoto сообщил русским представителям, что Курода не имеет влияния на правительство¹⁷. В январе 1871 г. губернатор Хакодате в неофициальной форме пытался расспросить Оларовского о возможности получить у России выкуп за южную часть Сахалина¹⁸. Правительство России не дало согласия на подобную сделку. Переговоры по сахалинскому вопросу были отложены до приезда Бюцова в Японию, который был назначен на пост поверенного в делах¹⁹.

В 1871 г. Оларовский был назначен исполняющим должность консула. Вице-консулом и секретарем в Хакодате был назначен Карл Иванович Вебер (1841 – 1910). При консульстве были также два студента – С.Д. Трахтенберг и В.М. Успенский. Позже на стажировку прибыл студент Ельницкий²⁰. Состоящие в должности студента консульства проходили практику, по окончании которой распределялись на должности драгоманов и секретарей.

Выполняя свои обязанности относительно осведомления Азиатского департамента о российском судоходстве, Оларовский составил ведомость о судах, которые заходили в Хакодате в 1871 г. Согласно ей, в порт на протяжении года трижды заходили российские суда: два раза – пароход «Курьер» и один раз шхуна «Хана Рейс»²¹.

В донесении от 25 января 1872 г. Оларовский докладывал Азиатскому департаменту о состоянии торговли в порту Хакодате. Ассортимент товаров, вывозимых из порта, год от года существенно не менялся. Он, как и ранее, был представлен аваби (моллюск), каракатицами, оленьими рогами и шкурами, сушеной и вяленой рыбой и т.д. Всего за 1871 г. из Хакодате в другие порты Японии было вывезено товаров на сумму 280 937 руб. 44 коп., а в другие государства – на сумму 402 384 руб. 50 коп. Из других

японских портов в Хакодате ввозилось оружие и ткани (кисея, тафта, сукно и т.д.). Ткани ввозились также из-за границы: шертинг, сукно, бархат. К предметам импорта относились нитки, сахар, каменный уголь. Общая сумма вывоза из Хакодате в 1871 г. составляла 683 321 руб. 94 коп., а ввоза – 252 853 руб. 80 коп.²² Торговый оборот 1871 г. уменьшился по сравнению с 1870 г. на 870 795 руб. 87 коп.

Оларовский писал, что «причина такого значительного уменьшения европейской ввозной торговли... происходит от конкуренции местных японских купцов и китайских, получавших те же товары, что и европейцы либо в Шанхае и Йокогаме, либо выписывающих прямо из Европы и Америки»²³. Издержки на содержание контор европейских торговых компаний были в 6–7 раз большими, чем японских или китайских. Поэтому последние могли продавать свой товар дешевле. Японские товары американцам, британцам, немцам приходилось покупать из вторых или третьих рук, что неминуемо приводило к увеличению цены.

Главным предметом вывоза из Хакодате в 1871 г. была морская капуста (общая сумма ввоза составляла 307 147 руб. 98 коп.). Другой важный предмет вывоза – сушеная и вяленая рыба. И.д. консула прогнозировал, что Хакодате долго, а возможно и всегда, будет лидером среди японских портов по вылову рыбы, так как у берегов о. Хоккайдо водится много лосося и трески. Три четверти вывоза с о. Хоккайдо «поглощал» Китай.

Оларовский неоднократно указывал на выгодность продажи сахалинского угля в Хакодате. Он писал о том, что причины, из-за которых в Японию не привозят сахалинский уголь, ему не известны. Он предполагал, что такая ситуация сложилась из-за неправдивых слухов о сложности сбыта угля в Хакодате, которые распускали представители компании «Гельпеке и Ке»²⁴. В следующем году ввоз угля все же увеличился приблизительно на 90 т.

В 1873 г. Александр Эпиктетович получил чин титулярного советника. В его донесении от 12 февраля 1873 г. есть некоторые противоречия. Он сообщал в Азиатский департамент о том, что на протяжении 1872 г. русские суда в Хакодате не приходили. Далее же он приводил сведения о ввозе из России за этот же год: сахалинского угля было ввезено 290 т на сумму 1 960 р. и морских бобров 200 штук на сумму 10 800 р. Возможно, эти товары были привезены на иностранных судах. Но в подсчетах Оларовского также содержится ошибка. Исходя из приведенных им сведений, общая сумма ввоза из России за 1872 г. составляла 12 760 р., а не 11 760 р., как указано в отчете²⁵.

Общая сумма ввоза в Хакодате из-за границы и из других портов Японии в 1872 г. составляла 342 615 руб. 22 коп. Общая сумма вывоза в 1872 г. – 906 179 руб. 2 коп. Оларовский сообщал, что «самая большая

часть операций вывоза и ввоза принадлежит китайским купцам и частью японским и в весьма небольшом количестве иностранцам»²⁶.

Экспорт из Хакодате в 1872 г., как и в предыдущие годы, преимущественно состоял из аваби, каракатиц, ирико (сушеный трепанг) и морской капусты, которые вывозились в другие порты Японии и в Китай. Среди товаров, вывезенных в Англию, были медь на сумму 582 р. 90 к. и сера на сумму 3 351 р. 34 к. В Северо-Американские Соединенные Штаты в 1872 г. экспортировали бобров на сумму 11 321 р. 20 к.²⁷

Оларовский писал о малой вероятности значительного увеличения товарооборота в Хакодате: население города росло, но это происходило в основном благодаря рождению детей в бедных, то есть неплатежеспособных, семьях.

В 1874 г. функции консульства в Хакодате были временно переданы основанной в Токио дипломатической миссии²⁸. Оларовский был переведен на службу в Нагасаки, где занял должность временно заведующего делами консульства.

Таким образом, Оларовский фактически возглавлял российское консульство в Хакодате с 1870 по 1874 г. Основной сферой его деятельности был учет русских судов, посещавших открытые порты Японии, а также сбор информации об импорте и экспорте товаров. Донесения Оларовского в Азиатский департамент МИДа дают представление о деловой активности в японских портах и содержат практические рекомендации о возможностях активизации русско-японской торговли. В них затрагивается и еще одна важная проблема: негативное влияние войны между Францией и Пруссией на торговлю на Дальнем Востоке.

Деятельность Оларовского в Российском консульстве в Хакодате характеризовалась не только добросовестным исполнением требований консульского устава, но и государственным, хозяйственным подходом к использованию природных богатств России, пониманием исключительной важности развития внешнеторговых связей с Японией.

Примечания

¹ *Lensen G.A.* Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. Tokyo, 1968. P. 156.

² Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 161. СПб. ГА II-3. Оп. 34. Д. 1. Л. 27.

Archive of Foreign Policy of Russian Empire (AVP RI). F. 161. SPb. GA II-3. Op. 34. D. 1. L. 27.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 862. Оп. 1. Д. 163. Л. 165.

State Archive of Russian Federation (GA RF). F. 862. Op. 1. D. 163. L. 165.

⁴ ГА РФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 166. Л. 74.

GA RF. F. 862. Op. 1. D. 166. L. 74.

**П.Н. ВРАНГЕЛЬ В ИРКУТСКЕ (1902 – 1906 гг.):
«ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ»
И АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ**

О «пройденном пути» предводителей противоборствующих сил в годы Гражданской войны известно немало, с многочисленными подробностями. Однако различные периоды и аспекты их дореволюционной жизни и деятельности изобилуют как «белыми пятнами», так и «полуправдой», а потому требуют дополнительных научных изысканий.

Не является исключением и дореволюционная биография последнего главнокомандующего русской армией и «правителя Юга России» генерала П.Н. Врангеля. Один из ее очевидных, бросающихся в глаза пробелов – его служба в Иркутском генерал-губернаторстве перед Русско-японской войной. Неведение биографов Врангеля на сей счет стало общим местом. Вообще, обычным делом среди современных авторов «документальных жизнеописаний» и «мастеров жизнезамечательного жанра» стало нежелание утруждать себя поисками новых, ранее неизвестных архивных документов¹.

Между тем в фонде Иркутского генерал-губернатора (фонд № 25) Государственного архива Иркутской области хранится дело под названием «Чиновник особых поручений VII класса барон Врангель Петр Николаевич»². Дело «тонкое»: два десятка документов. Но они впервые приоткрывают завесу над иркутским периодом жизни и службы будущего «последнего белого диктатора».

Дело содержит документы разного рода: прошение Врангеля о зачислении на службу, свидетельства об образовании (гражданском и военном), телеграфная переписка о его поступлении на гражданскую службу, проекты приказов о назначении на должность и увольнении с нее, командировочное удостоверение.

Дело начинается прошением 24-летнего Врангеля от 30 июля 1902 г.

«Его Высокопревосходительству Господину Иркутскому Генерал-Губернатору
Горного инженера барона Петра Николаевича Врангель

Прошение.

Желая служить под начальством Вашего Высокопревосходительства, имею честь всепокорнейшее ходатайствовать о зачислении меня на службу чиновником для особых поручений.

⁵ Высочайше утвержденный устав для российских консулов в Европе и Америке // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXIII. Ч. 2. № 33944.

Vysochayshe utverzhdennyy ustav dlya rossiyskikh konsulov v Evrope i Amerike // Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: Sbranie 2-e. Vol. XXXIII. # 33944.

⁶ АВП РИ. Ф. 161. СПб. ГА II-3. Оп. 34. Д. 1. Л. 22, 24, 26, 29, 31.

AVP RI. F. 161. SPb. GA II-3. Op. 34. D. 1. L. 22, 24, 26, 29, 31.

⁷ Там же. Л. 27.

Ibidem. L. 27.

⁸ Там же. Л. 58.

Ibidem. L. 58.

⁹ Там же. Л. 56.

Ibidem. L. 56.

¹⁰ Там же. Л. 49.

Ibidem. L. 49.

¹¹ Там же. Л. 57.

Ibidem. L. 57.

¹² Там же. Л. 57.

Ibidem. L. 57.

¹³ Там же. Л. 58.

Ibidem. L. 58.

¹⁴ Там же. Л. 51.

Ibidem. L. 51.

¹⁵ Там же. Л. 51.

Ibidem. L. 51.

¹⁶ Кутаков Л.М. Россия и Япония. М., 1988. С. 173.

Kutakov L.M. Rossiya i Yaponiya. Moscow, 1988. P. 173.

¹⁷ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. М., 1956. С. 263.

Narochnitskiy A.L. Kolonialnaya politika kapitalisticheskikh derzhav na Dalnem Vostoke. Moscow, 1956. P. 263.

¹⁸ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 174.

Kutakov L.M. Op. cit. P. 174.

¹⁹ Елизарьев В.Н. От «Временного соглашения об острове Сахалин» (1867 г.) к Санкт-Петербургскому договору (1875 г.) // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 113–114.

Elizarev V.N. Ot «Vremennogo soglasheniya ob ostrove Sakhalin» (1867 g.) k Sankt-Peterburgskomu dogovoru (1875 g.) // Rossiya i ATR. 2007. No. 1. P. 113–114.

²⁰ Lensen G.A. Op. cit. P. 156.

²¹ АВП РИ. Ф. 161. СПб. ГА II-3. Оп. 34. Д. 1. Л. 61.

AVP RI. F. 161. SPb. GA II-3. Op. 34. D. 1. L. 61.

²² Там же. Л. 64.

Ibidem. L. 64.

²³ Там же. Л. 66.

Ibidem. L. 66.

²⁴ Там же. Л. 68.

Ibidem. L. 68.

²⁵ Там же. Л. 75.

Ibidem. L. 75.

²⁶ Там же. Л. 76.

Ibidem. L. 76.

²⁷ Там же. Л. 75.

Ibidem. L. 75.

²⁸ Lensen G.A. Op. cit. P. 158.

При сем прилагается: 1) Свидетельство Горного Института Императрицы Екатерины II 22 июня 1901 г. за № 1767 и 2) копия свидетельства Главного Управления Военно-Учебных Заведений 21 июня 1902 г. за № 11975.

Барон Пётр Николаевич Врангель

30 июля 1902 г.

Жительство имену: Петербург, Сергиевская, № 65, кв. № 2»³.

Далее в деле подшиты свидетельство Горного института, состоявшегося в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ, и копия свидетельства Главного управления военно-учебных заведений Военного министерства.

«М.З. и Г.И.
Горный Институт
Императрицы Екатерины II
С.-Петербург
22 июня 1901 г.
№ 1767.

Свидетельство.

Дано сие от Горного Института Императрицы Екатерины II барону Петру Николаевичу Врангелю в том, что он, Врангель, ныне окончил курс означенного Института с правом на звание горного инженера и на чин Коллежского Секретаря при поступлении на государственную службу.

Директор
Правитель канцелярии»⁴.

«Копия.

Министерство военное,
Главное Управление Военно-Учебных Заведений,
Отделение 2, Стол I
21 июня 1902 г.
№ 11975
В С.-Петербурге

Свидетельство.

Дано сие свидетельство от Главного Управления Военно-Учебных Заведений в том, что унтер-офицер из вольноопределяющихся Л.Г. Конного полка Барон Пётр Врангель подвергался в апреле и в мае месяцах сего 1902 г. установленному законом экзамену из военных предметов учебного курса Военных Училищ и практических по ним занятий на право производства в офицеры и получил оценку познаний нижеследующую:

По тактике
ответ – 9 баллов
задача – 9
практические занятия – 9
Военной истории – 11
Артиллерии – 8
Фортификации – 10
Военной администрации – 7
Военному законоведению – 10
Военной топографии и ситуации – 12
Военно-глазомерной съёмке – 11
Иппологии – 12
Механике –
Закону Божию –
Русскому языку –
Иностранным языкам (французскому, немецкому) –
Химии –

Сумма баллов – 108
Общий средний балл –
Средний балл по военным предметам – 9, 82.

На основании такового результата испытаний означенный вольноопределяющийся Барон Пётр Врангель, как окончивший курс высшего учебного заведения и выполнивший экзаменные требования, установленные для выпуска из военных училищ по первому разряду, по научным познаниям, может быть признан удовлетворяющим условиям на производство в офицеры согласно пун. «а» ст. 112 Кн. VIII С.В.П. 1869 г.

Помощник Главного Начальника Военно-Учебных Заведений
Генерал-Лейтенант (подпись неразборчива)
Начальник Отделения генерал-Майор (подпись неразборчива)⁵.

Копия была составлена и заверена петербургским нотариусом Антоном Држевецким.

Прочерки напротив гражданских предметов, видимо, говорят о том, что Врангелю были «зачтены» оценки из приложения к свидетельству об окончании Горного института.

Далее в дело подшита телеграфная переписка, для которой характерны специфические для того времени стиль и пунктуация. Текст телеграммы, полученной канцелярией Иркутского военного генерал-губернатора 23 августа 1902 г., гласит:

«Глубоко признателен. Запас выйдет двадцатых числах сентября. По обмундированию выеду. Соблаговолите сообщить когда прикажете явиться. Врангель»⁶. На телеграмме имеется почти неразборчивая приписка иркутского чиновника о необходимости связаться с Департаментом общих дел Министерства внутренних дел об увольнении Врангеля с воинской службы в запас.

Переписку продолжает копия телеграммы, отправленной из Иркутска:

«28 сентября 1902 г. Петербург, Сергиевская, д. 65, кв. 2, Барону Врангелю

Приказ о Вашем назначении задерживается отсутствием сведений о выходе в запас. Когда выйдете телеграфируйте»⁷.

Следующая телеграмма, полученная канцелярией Иркутского военного генерал-губернатора 1 октября 1902 г., гласит:

«Запас должен выйти на днях немедленно протелеграфирую. Врангель»⁸.

Очередная телеграмма от Врангеля в Иркутск пришла 6 октября 1902 г.:

«Справка штабе сегодня бумаги отправлены Ливадию приказ около четырнадцатого немедленно уведомляю. Врангель»⁹.

Из Иркутска ответили:

«Телеграфическая депеша Иркутского Военного Генерал-Губернатора

Петербург, Сергиевская, 65, квартира 2.

Первого ноября будет отдан приказ о Вашем назначении; тот же день будет телеграфирован Департамент Общих Дел, где получите подъёмные, прогонные деньги; желателен скорый приезд. Правитель канцелярии»¹⁰.

31 октября 1902 г. из С.-Петербурга пришла телеграмма:

«Высочайшим приказом от 18 произведён корнет зачислением запас гвардейской кавалерии жду ваших распоряжений. Врангель»¹¹.

После этого был составлен проект приказа о назначении на должность:

«Проект

ПРИКАЗ
Иркутского Военного Генерал-Губернатора
Ноября 1 дня 1902 года № 88

ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ на службу
Окончивший курс Горного Института Императрицы Екатерины II с званием горного инженера Барон Петр Врангель – Чиновником особых при мне поручений VII класса.

Генерал-Губернатор
Генерал-Лейтенант»¹².

Таким образом, при поступлении на государственную службу Врангель как выпускник Горного института имел право на чин коллежского секретаря (X класс Табели о рангах). При этом, вероятно, подразумевалось, что служить он будет по ведомству Горного департамента Министерства финансов. Однако он, только что произведенный по отбытии воинской повинности в корнет гвардии (XII класс), поступил на службу по ведомству Министерства внутренних дел, где в аппарате Иркутского военного генерал-губернатора сразу был назначен на должность VII класса (чин надворного советника).

За приказом об определении на службу в деле подшит отпуск телеграммы из канцелярии Иркутского военного генерал-губернатора в Департамент общих дел МВД:

«Канцелярия
Иркутского
Военного Генерал-Губернатора
I делопроизводство
Ноября 1 дня 1902 г.
№ 7634

Телеграмма

Петербург
Департамент Общих Дел
Министерство Внутренних Дел

Приказом 1 ноября проживающий Петербурге горный инженер Барон Врангель назначен чиновником особых поручений седьмого класса при Генерал-Губернаторе. По поручению главного начальника канцелярии прошу удовлетворить Врангеля прогонными до Иркутска, пособием на подъем как холостого

Прав. канц.»¹³.

Другая телеграмма, № 7635, была отправлена самому Врангелю.

«1 ноября 1902 г. Петербург
Сергиевская 65, кв. 2.
Барону Врангелю.

Приказом первого ноября назначены.
Удовлетворены путевыми пособиями.
Телеграфировано департаменту Общих Дел»¹⁴.

В ответ 22 ноября 1902 г. из С.-Петербурга пришла телеграмма от Врангеля: «Честь имею уведомить выехал девятнадцатого»¹⁵.

В приказе Иркутского военного генерал-губернатора генерал-лейтенанта Александра Ильича Пантелеева № 96 от 9 декабря 1902 г. говорится: «Прибывшего к месту служения Чиновника особых при мне поручений VII-го класса Горного Инженера барона Петра Врангеля считать на лицо с 28-го мин[увшего] ноября»¹⁶.

Кроме документов, в которых нашла отражение процедура назначения Врангеля на должность, в деле содержится отпуск командировочного удостоверения. Он запечатлел один из эпизодов гражданской службы Вран-

геля в Иркутской губернии (фактическую сторону этого эпизода еще предстоит выяснить).

«Канцелярия
Иркутского
Военного Генерал-Губернатора
I делопроизводство
Октября 25 дня 1903 г.
№ 7449

Удостоверение.

Дано от Канц. Чиновнику Особых Поручений VII класса при Иркутском Военном Губернаторе Барону Врангель в том, что он Г[осподином] Главным Нач[альник]ом Края командирован по делам службы в СПбург, сроком по 15 февраля будущего года»¹⁷.

Начало Русско-японской войны круто изменило и жизнь Российской империи, и судьбу Врангеля. В январе 1904 г. управляющий канцелярией Иркутского военного генерал-губернатора отправил в С.-Петербург, в Главное управление казачьих войск следующий документ:

«Января 1904 г.
№ 224

В Главное Управление Казачьих Войск

Канцелярия Иркутского Военного Генерал-Губернатора, по распоряжению Главного Начальника Края имеет честь уведомить Главное Управление Казачьих Войск, что со стороны Его Сиятельства не встречается препятствий в прикомандировании Чиновника Особых Поручений, Корнета Запаса Гвардейской Кавалерии Барона Петра Врангеля к одному из казачьих полков на время военных действий»¹⁸.

«Личное дело» Врангеля «закрывает» его собственная телеграмма из С.-Петербурга, присланная в Иркутск полгода спустя после окончания Русско-японской войны, 6 февраля 1906 г.: «Намереваюсь продолжать военную службу. Имею честь доложить и просить отчислить меня от должности чиновника особых поручений. Барон Врангель»¹⁹. К этому моменту он уже был переведен в 55-й драгунский Финляндский полк и имел чин штабс-ротмистра (IX класс).

Просьба Врангеля была удовлетворена: приказом Иркутского военного генерал-губернатора № 26 от 18 февраля он был «уволен согласно прошению от должности». Телеграмма об этом 20 февраля была отправлена в С.-Петербург все на тот же адрес: улица Сергиевская, дом № 65²⁰.

Иркутский период жизни и службы барона Врангеля оказался недолгим. Но при этом – поворотным в его судьбе.

Обнаруженные нами документы об иркутском периоде службы Врангеля впервые открывают два важных момента его биографии. Первый: в Русско-японской войне Врангель участвовал в составе казачьих конных частей формально в качестве «прикомандированного» чиновника Министерства внутренних дел. И второй: окончательный выбор в пользу службы в кавалерии и военной карьеры он сделал лишь спустя несколько месяцев после окончания войны.

Кстати, стало очевидно: относительно иркутского периода послужной список генерал-лейтенанта Врангеля, составленный уже в эмиграции, в декабре 1921 г., и опубликованный в 1928 г. в журнале «Часовой»²¹, действительности не соответствует.

Не менее очевидно и другое: требуется продолжать поиск документов в Государственном архиве Иркутской области, чтобы выяснить все обстоятельства назначения Врангеля чиновником для особых поручений при Иркутском военном генерал-губернаторе и его службы в Иркутске.

Примечания

¹ Карпенко С.В. Очередной пересказ «Записок» Врангеля, дополненный, но не исправленный // Новый исторический вестник. 2010. № 1(23). С. 148–149; Гришункина М.Г. В поисках Керенского // Новый исторический вестник. 2010. № 3(25). С. 109–116.

Karpenko S.V. Ocherednoy pereskaz «Zapisok» Vrangelya, dopolnennyy, no ne ispravlennyy // Novy istorichesky vestnik. 2010. No. 1(23). P. 148–149; Grishunkina M.G. V poiskakh Kerenskogo // Novy istorichesky vestnik. 2010. No. 3(25). P. 109–116.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 3. Д. 622
State Archive of Irkutsk oblast (GAIO). F. 25. Op. 3. D. 622.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 622. Л. 1
GAIO. F. 25. Op. 3. D. 622. L. 1.

⁴ Там же. Л. 2.
Ibidem. L. 2.

⁵ Там же. Л. 3–4.
Ibidem. L. 3–4.

⁶ Там же. Л. 5.
Ibidem. L. 5.

⁷ Там же. Л. 6.
Ibidem. L. 6.

⁸ Там же. Л. 7.
Ibidem. L. 7.

⁹ Там же. Л. 8.

Ibidem. L. 8.

¹⁰ Там же. Л. 9.
Ibidem. L. 9.

¹¹ Там же. Л. 10.
Ibidem. L. 10.

¹² Там же. Л. 11.
Ibidem. L. 11.

¹³ Там же. Л. 12.
Ibidem. L. 12.

¹⁴ Там же. Л. 13.
Ibidem. L. 13.

¹⁵ Там же. Л. 14.
Ibidem. L. 14.

¹⁶ Там же. Л. 16.
Ibidem. L. 16.

¹⁷ Там же. Л. 15.
Ibidem. L. 15.

¹⁸ Там же. Л. 17.
Ibidem. L. 17.

¹⁹ Там же. Л. 18.
Ibidem. L. 18.

²⁰ Там же. Л. 19.
Ibidem. L. 19.

²¹ Часовой (Париж). 1929. № 7-8. С. 18–20.
Chasovoy (Paris). 1929. No. 7-8. P. 18–20.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ

М.В. Кротова

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В МЕЖВОЕННОЙ МАНЬЧЖУРИИ: МАНИПУЛЯЦИИ С ГРАЖДАНСТВОМ КАК СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ

Маньчжурия в 1920–1930-х гг. стала местом, где тысячи бывших подданных Российской империи оказались в неопределенном состоянии беженцев. Поэтому вопрос об их гражданстве стал важной составляющей как борьбы за политическое влияние в Маньчжурии СССР, Китая и Японии, так и отстаивания своих прав самими эмигрантами. За десяток лет там прокатились четыре «волны» смены гражданства эмигрантами: в 1924–1925 гг. (при появлении советской администрации на КВЖД), в 1929 г. (во время советско-китайского конфликта), в 1932 г. (после оккупации Японией Маньчжурии) и в 1935 г. (при продаже КВЖД Маньчжоу-Го).

Задача очерка – выявить причины столь частой смены гражданства русскими эмигрантами, методы влияния властей Маньчжурии на выбор ими гражданства. Статья основана на ранее не опубликованных архивных документах, хранящихся в фондах РГИА, АВП РФ, ГА РФ и РГАЛИ.

* * *

Русское население Маньчжурии в 1920-е гг. состояло как из старожилов – служащих КВЖД, предпринимателей и прочих, поселившихся здесь со времен постройки дороги, – так и беженцев из большевистской России. После потери прав экстерриториальности русским населением в 1920 г., когда правительством Китайской республики был образован Особый район восточных провинций (ОРВП), все проживавшие в Маньчжурии бывшие граждане Российской империи должны были зарегистрироваться в Полицейском управлении ОРВП и получить вид на жительство на территории ОРВП.

31 мая 1924 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Китайской республикой, тогда же подписано соглашение о паритетном советско-китайском управлении КВЖД. К соглашению прилагалось несколько деклараций. Среди них – декларация «об отказе Правитель-

ства СССР от экстерриториальности и консульской юрисдикции», которая установила, что граждане СССР будут всецело подчинены китайской юрисдикции¹. Таким образом, соглашение уравнивало в правах русских эмигрантов и советских граждан на территории Маньчжурии перед китайскими законами.

Фактический правитель Маньчжурии Чжан Цзолин не признал советско-китайского соглашения 31 мая 1924 г. И после переговоров в Мукдене 20 сентября 1924 г. было подписано еще одно соглашение между СССР и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики, которое в основном повторяло положения соглашения 31 мая 1924 г. и касалось главным образом КВЖД. Согласно п. 10 ст. 1 этого соглашения, назначение на должности на КВЖД должно было производиться по «принципу равномерности» между гражданами СССР и Китайской Республики².

5 октября 1924 г. в Харбине было открыто Генеральное консульство СССР, которое стало одним из крупнейших советских учреждений такого типа за границей³. Советские консульства были также открыты на станциях КВЖД Пограничная и Маньчжурия, а также в городах Мукден, Хайлар, Цицикар, Дайрен.

Октябрь 1924 г., когда на КВЖД пришла советская администрация, стал ключевым событием для самоопределения русского населения в Маньчжурии, так как работать на КВЖД по условиям соглашений могли только советские и китайские граждане.

Всем «бывшим подданным Российской империи» было предложено зарегистрироваться в советских консульских учреждениях, подав заявления о «восстановлении в правах гражданства СССР». Такая формулировка появилась в постановлении ВЦИК от 3 ноября 1921 г. об амнистии и репатриации лиц, служивших в белых армиях⁴. Она была повторена в постановлении ЦИК СССР «О союзном гражданстве» от 29 октября 1924 г., где в п. 10 говорилось, что «восстановление в гражданстве лиц, утративших таковое, может быть произведено постановлением ЦИК СССР или ЦИК союзных республик»⁵. Таким образом, подразумевалось, что все лица, оказавшиеся за пределами СССР после 7 ноября 1917 г. и не зарегистрировавшиеся в установленный срок в дипломатических представительствах СССР за границей, фактически порвали связь с Россией⁶. В консульской переписке в отношении русского населения Маньчжурии, принявшего советское гражданство, использовалось выражение «бывшие русские, восстановленные граждане СССР»⁷.

Все «бывшие русские», проживавшие за границей, должны были вместе с анкетой представить в консульство заявление о принятии в гражданство СССР, а затем уплатить консульский сбор⁸. Консульство пересыла-

ло документы в Москву, в Наркоминдел СССР, который передавал бумаги в ЦИК СССР для окончательного решения. При положительном решении ЦИК СССР Генконсульство в Харбине оформляло «советский паспорт» – советский заграничный вид на жительство («совзагранвид»). При подаче ходатайства о представлении гражданства и уплате консульского сбора «бывшему русскому» выдавалась квитанция «на получение паспорта» на время ожидания решения ЦИК СССР, когда квитанция заменялась «совзагранвидом». Получивший «совзагранвид» должен был ежегодно продлевать его.

Так, в личном деле служащего КВЖД, фельдшера ст. Пограничная Г.В. Грибановского указывалось: «квитанция консульства СССР г. Маньчжурия на получение паспорта от 15 декабря 1925 г. № 800 заменена паспортом СССР № 26657 от 19 марта 1929 г. сроком по 19 марта 1930 г.»⁹.

За подачу ходатайства о принятии в советское гражданство или выходе из него необходимо было заплатить 5 руб., за выдачу паспорта – 20 руб., за продление на год (в зависимости от срока проживания за границей) – от 5 до 20 руб.¹⁰

Н.В. Устрялов – профессор Харбинского юридического факультета, получивший в 1925 г. советский паспорт (паспорт № 3390 от 2 мая 1925 г. был выдан Генконсульством СССР в Харбине¹¹), – попытался придать идеологическую форму процессу «совпаспортизации» эмиграции. Он считал, что не так важно, будут ли куранты на Кремле играть патриотический «Коль славен...» или «Интернационал», ибо Россия останется великой страной. Кроме того, его лозунги соответствовали настроениям тех людей, кто не принимал участие в Гражданской войне, кто хотел, в первую очередь, спокойной жизни и возможности вернуться домой или наладить и сохранять различные деловые связи с новой Россией. Сам Устрялов высоко оценивал свою роль в повороте эмигрантских настроений в советскую сторону, хотя на деле его сменовеховские установки поддерживали немногие. Среди его сторонников в Харбине были: Е.Х. Нилус – юрист, бывший военный следователь; Н.С. Зефиров – бывший министр продовольствия Омского правительства адмирала А.В. Колчака; Е.Е. Яшнов – статистик, член Сибирской областной думы; Г.Н. Дикий – экономист, воевавший в рядах армии Колчака; Т.В. Бутов – экономист, работавший в органах Омского правительства; Л.А. Устругов – инженер, министр путей сообщения Омского правительства. Все они работали на КВЖД, занимая высокие посты и получая большие оклады. Нилус работал секретарем в канцелярии Правления КВЖД. Дикий стал заведующим Экономического бюро, где трудились Яшнов, Бутов и Зефиров. Устругов был ректором Харбинского политехнического института. Эта группа «советских спецов», перешедших из «белого» лагеря в «красный», считала, что их помощь необ-

ходима советской администрации, чтобы сделать работу КВЖД «деловой и рентабельной»¹².

Сразу после 3 октября 1924 г. – перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление, – когда должность Управляющего дорогой и все ключевые посты на КВЖД были заняты командированными из Москвы советскими кадрами, Устрялов в статье «Россия возвращается» предположил, что эмиграция в Маньчжурии станет легкой «добычей» для Советской власти: «Белые осколки... окончательно превратились в жалкую массу забитых людей, растерявших идеологию и думающих лишь о личной безопасности и куске хлеба. Эти люди в огромном большинстве готовы служить и под новым начальством, приспособиться к новому положению. Их можно и должно взять “голыми руками”»¹³.

И действительно, советское гражданство пожелали взять практически все высокопоставленные чиновники КВЖД и старослужащие – инженеры, начальники служб, начальники участков, мастера, рабочие, – чтобы не потерять «место». Увольнение означало не только потерю средств к существованию, но также и казенной квартиры, и большого числа льгот (бесплатное медицинское обслуживание, отдых на курортах КВЖД, бесплатный проезд, возможность обучения детей в железнодорожных школах, содержавшихся на средства КВЖД, в которых могли теперь обучаться только дети советских граждан).

Ходатайства о принятии советского гражданства подали многие представители харбинской интеллигенции – профессора В.А. Рязановский, М.Н. Ершов, Е.М. Чепурковский, доцент В.Д. Маракулин, археолог В.Я. Толмачев; инженеры С.И. Данилевский, А.Х. Калина, В.Е. Поппель, В.А. Барри, А.Н. Вертячих, К.А. Штенгель, И.С. Зарудный, К.К. Луневский; экономисты В.А. Кормазов, В.И. Сурин, А.И. Погребецкий, В.И. Денисов; литераторы Н.А. Байков, И.И. Вонсович, Л.Е. Ещин.

Эмигрантская масса к принятию советского гражданства отнеслась по-разному. Для старожиллов, не испытавших на себе трагических событий последних лет, находившихся в привилегированном положении, дело сводилось к простому обмену паспортов. А для большинства эмигрантов вопрос о смене гражданства был не только политический, но, скорее, нравственный. Смена гражданства из-за сугубо «шкурных интересов» воспринималась как предательство, угодничество и нечистоплотность. Харбинец В.А. Морозов, бывший каппелевец, оставшийся эмигрантом, в своих воспоминаниях, написанных в 1963–1968 гг. после репатриации в СССР, замечал: «Для нас в то время работа с большевиками представлялась ничем не меньшим позором и предательством, чем работа с немцами для людей 1941–1945 гг.»¹⁴. Многие из стойких антибольшевиков прекратили всякие отношения с «новыми советскими», перестали подавать руку при встрече.

Среди людей, решивших принять советское гражданство, далеко не все испытывали симпатии к Советской власти. Многие просто хотели найти своих родных и близких, оставшихся на территории СССР, сохранить связь с родственниками. Для харбинских предпринимателей, среди которых было немало миллионеров, важным мотивом для выбора советского гражданства было сохранение коммерческих связей с КВЖД, от заказов которой они напрямую зависели, а также возможность беспрепятственно въезда в «нэпмановский» СССР по коммерческим делам.

Вопрос о принятии гражданства СССР стал особенно важным после выхода приказа управляющего КВЖД А.Н. Иванова № 94 от 9 апреля 1925 г. Согласно приказу, все служащие дороги, которые не собирались регистрироваться в гражданстве СССР или Китайской республики до 31 мая 1925 г., должны были быть уволены со службы с 1 июня 1925 г. Служащие дороги, «возбуждавшие соответствующее ходатайство о регистрации, которым в таковой регистрации будет впоследствии отказано», должны были быть уволены со службы после получения уведомления об отказе¹⁵. Именно этот пункт повлек за собой всевозможные манипуляции с гражданством. После этого приказа советские консульства в Маньчжурии были завалены заявлениями о «восстановлении в правах гражданства СССР».

К 1927 г., по данным консула СССР в Харбине В.Я. Аболтина, «советская колония» в Маньчжурии уже насчитывала 25 тыс. человек¹⁶. Число советских граждан продолжало расти до 1929 г. Согласно китайским статистическим данным, опубликованным в шанхайской газете «Время», к 1930 г. в ОРВП проживало около 110 тыс. русских: 80 тыс. в Харбине, 30 тыс. на линии КВЖД, из них советских подданных – 45 тыс. (17 тыс. служащих КВЖД, остальных – 28 тыс.), эмигрантов – 65 тыс.¹⁷

Однако в общее число советских граждан входили и «квитподданные». Так прозвали эмигрантов, подавших в советские консульства ходатайства о принятии гражданства СССР и получившие там квитанцию об уплате налога. Фактически квитанция стала просто «бумажным» подтверждением лояльности Советской власти. На КВЖД на 1 января 1929 г. работало 2 406 «квитподданных», что составляло 18 % всех служащих¹⁸. В случае отрицательного решения ЦИК СССР их увольняли как «бесподданных», а освободившееся место занимал советский гражданин. Так, после отказа ЦИК СССР в советском гражданстве были уволены от службы на КВЖД за «бесподданство» в июле 1927 г. и.о. начальник 12-го участка Службы пути инженер Сазонов, в мае 1929 г. – заведующий Опытным полем на ст. Эхо А.Д. Воейков¹⁹.

Инженер А.В. Скворцов 27 ноября 1928 г. подал прошение на имя управляющего дорогой: «Прошу не отказать возбудить ходатайство перед Генеральным консульством СССР в Харбине о восстановлении меня в

правах гражданства СССР и выдаче мне паспорта. Заявление с просьбой восстановить меня в правах гражданства мною было подано 23 мая 1925 г., о чем имею квитанцию № 4112. Несмотря на неоднократные мои запросы до сего времени не имею ответа». Управляющий дорогой А.И. Емшанов, сменивший А.Н. Иванова в 1926 г., наложил на это прошение резолюцию: «Оставьте без ответа»²⁰. Советский паспорт Скворцов так и не получил, и был уволен в 1930 г. за «бесподданство».

При эвакуации консульских архивов в 1929 г., с началом конфликта на КВЖД, выяснилось: почти 10 тыс. ходатайств в получение советского гражданства от лиц, проживающих в полосе отчуждения КВЖД, полученных с 1926 г., оказались недооформлены²¹. Видимо, преданность Советской власти многих эмигрантов, подавших заявление о «восстановлении в правах гражданства СССР», вызывала сомнения и требовала длительной проверки.

Советское гражданство приняли не только старослужащие, но и бывшие офицеры, устроившиеся работать на КВЖД. Например, генерал-майор В.Н. Касаткин, полковник Г.А. Зезин, полковник П.Л. Островский и другие. Принятие бывшими офицерами советского гражданства иногда сопровождалось работой по «особой линии», чтобы таким образом «заслужить» право советского гражданства. Так, генерал-майор Оренбургского казачьего войска А.Т. Сукин, работавший на КВЖД начальником Отдела военных перевозок, с 1925 г. сотрудничал с разведкой Красной армии под псевдонимом «Искандер»²².

В этой связи советский консул на ст. Пограничная Д.А. Егоров запрашивал заведующего II Восточным отделом НКВД Б.И. Козловского: «У нас имеется ряд лиц, деятельность коих, по особым заданиям нашим, приносит большую пользу СССР – они достойны быть гражданами СССР. Можно ли, при возбуждении ими ходатайства о подданстве, указывать эти заслуги? Если нельзя подобных мотивов приводить в обыкновенных анкетах, то какой избрать другой путь для этого?» В ответ Козловский рекомендовал не афишировать «известные заслуги», ограничившись рекомендацией их как «лиц вполне надежных и преданных»²³.

Одним из таких «надежных» лиц был М.А. Вечтомов, бывший офицер армии Колчака, преподававший физику в железнодорожной школе для детей граждан СССР на ст. Пограничная. В 1933 г. он с семьей уехал в СССР, жил в Новосибирске, в сентябре 1935 г. был арестован как «участник движения Колчака». Его жена, О.И. Вечтомова, написала 23 марта 1936 г. письмо Е.П. Пешковой, в котором сообщала, что ее муж выполнял «некоторые работы по части радио в советском консульстве», несколько раз «командировался консульством» на ст. Гродеково для «выполнения некоторых заданий, за что был премирован мотоциклетом». Жена в письме называла Вечтомова «активным советским работником», хорошо извест-

ным советскому консулу Д.Е. Егорову, и уверяла, что «всей своей последней жизнью и работой он хотел загладить свою вину»²⁴.

Советская администрация КВЖД и консульские работники были заинтересованы в переходе в свой лагерь широко известных лиц из числа русских эмигрантов. Таким был, например, известный писатель С.Г. Скиталец (Петров), живший в Харбине с 1921 г. и сотрудничавший с «белой» прессой. В декабре 1927 г. он выступил с открытым письмом в просоветской газете «Новости жизни», где объявил о разрыве с эмиграцией по идеологическим причинам. Однако его коллега, эмигрант И.С. Ильин, указывал на другие мотивы писателя: «Его соблазнили, разумеется, деньгами – тут ему приходилось нелегко, получал он у нас [В газете «Русское слово». – М.К.] всего-навсего 80 долларов, приходилось работать жене. А там сразу жену взяли на дорогу, у него обещали купить его произведения и хорошо заплатить, ну как тут не напишешь письма, и как тут не будешь подгонять идеологию. Подгонишь, что угодно!»²⁵. Действительно, после письма Скитальца его жену – В.Ф. Петрову – 1 декабря 1927 г. приняли в Коммерческую часть Управления КВЖД с окладом 150 руб. в месяц. Ей была предоставлена казенная квартира и выдан паспорт СССР Генконсульством в Харбине от 16 декабря 1927 г. за № 2489²⁶.

Эмигранты, не желавшие брать советское гражданство, чтобы не потерять «место на дороге», предпочли перейти в китайское подданство. В связи с паритетным советско-китайским управлением КВЖД китайские власти были заинтересованы в упрочении своих позиций на дороге и ввели в 1925 г. упрощенную процедуру получения гражданства для русских, проживавших в Маньчжурии. Принимая эмигрантов под свое покровительство, они намеревались использовать их как средство давления на советскую администрацию. Для получения китайского гражданства необходимо было заполнить несколько бланков на китайском языке и представить подписи двух поручителей из числа китайских граждан. По поводу китайского подданства В.А. Морозов, присяжный поверенный, работавший в китайских судебных учреждениях, особо отметил, что эта «фикция» была «дружеской рукой, протянутой китайцами русским людям, эмигрантам, в тяжелую минуту (обеспечение правого положения русских эмигрантов, возможность работать и существовать)»²⁷.

Полномочный представитель СССР в Китае Л.М. Карахан, который руководил советской политикой на КВЖД, запросил МИД Китая в письме от 10 апреля 1925 г. о правовом обосновании принятия китайского подданства русскими эмигрантами. По китайским законам, для принятия китайского гражданства необходимо было прожить в течение пяти лет на китайской территории, обладать имуществом или заниматься трудом, дающим возможность существования. К тому же списки новых китайских граждан

должны были публиковаться в пекинском «Правительственном вестнике», чтобы «подданные бывшей Российской империи» не могли «укрыться под каким-либо иностранным подданством». В письме Карахан требовал остановить практику перехода русских в китайское гражданство²⁸. Но на деле юридические процедуры принятия китайского гражданства в Маньчжурии не соблюдались, так как правитель Маньчжурии Чжан Цзолин не признавал республиканское правительство в Пекине и его установлений²⁹.

Китайские паспорта (по сути, виды на жительство в Маньчжурии) для иностранцев были одинаковыми. В графе «подданство» у русских эмигрантов значилось «китайский подданный». В официальных документах (например, в статистике КВЖД), они значились в графе «китайцы» и выделялись в отдельную строку «русские китподданные» или «китподданные (европейцы)». Но никаких прав и обязанностей новые китайские граждане не получали и ничем не отличались от эмигрантов. У тех же эмигрантов, кто отказался принять какое-либо гражданство, в графе «подданство» китайского вида на жительство (паспорта) значилось «русский эмигрант»³⁰. В 1925 г. на КВЖД работало около 2 тыс. «китподданных», в 1929 г. (до советско-китайского конфликта) – 1 163 человека, к концу конфликта – 3 340³¹.

К 1932 г. в Харбине насчитывалось около 7 тыс. «китподданных»³². Почти вся железнодорожная полиция на КВЖД, а также городская полиция Харбина состояла из русских эмигрантов-«китподданных». Они же занимали места в канцеляриях практически всех китайских административных учреждений, где работали делопроизводителями, столоначальниками, паспортистами, советниками в китайских судах, инспекторами отдела народного образования. Если за советскими гражданами в Маньчжурии закрепилось название «совы», то за китайскими подданными русского происхождения – «киты». Все прочие считались «бесподданными» или эмигрантами. В отличие от стран Европы нансеновские паспорта не получили в Маньчжурии широкого распространения³³.

Часто принятие китайского гражданства не спасало служащих КВЖД от гонений со стороны советских представителей на дороге, особенно Дорпрофсожа – профессионального союза железнодорожников, который распоряжался приемом на работу и увольнением на КВЖД. Положение русских китайских подданных было неравным, их притесняли по службе, они жили под угрозой увольнения. Многие «киты» из опасения потерять работу пытались получить еще и советское гражданство.

Так, в 1926 г. телеграфист станции Харбин-Пристань И. Авдошков, «китподданный», письменно обратился к начальнику Службы телеграфа КВЖД А.А. Затеplinскому с просьбой оставить его на службе в Харбине, так как «товарищи» собирались перевести его на ст. Пограничная: «Если же это... не представляется возможным сделать для меня, то я готов, хотя и

страшно не хочется, перейти в советское подданство до более благоприятного времени для русских, патриархальных людей, беспредельно любящих свою Отчизну. В случае перехода в подданство СССР, из опасения слежки сыщиков советских, вероятно, придется на время прекратить кое-где сотрудничество, или же работать под псевдонимом, лишь бы опять-таки сохранить за собою старое место»³⁴.

Таким образом, лица, принявшие советское гражданство, не всегда оказывались лояльными новой власти. Более того, советские консульства не имели никаких рычагов влияния на советских граждан, не работавших на КВЖД, кроме лишения гражданства. Советский консул ст. Пограничная Д.А. Егоров писал Л.М. Карахану в письме от 14 марта 1931 г. о советских гражданах: «У тех, чья антисоветская деятельность определенно известна, мы отбираем советские паспорта. Несколько десятков таких паспортов нами отправлены в центр на предмет лишения гражданства. Много паспортов нами придержаны для точного выяснения деятельности их владельцев и находятся в консульстве... Мы лишены здесь почти всех тех возможностей, при помощи которых воздействуем на воспитание и перевоспитание масс внутри СССР»³⁵.

Чтобы лишить советского гражданства, Генконсульство СССР в Харбине обращалось в Подотдел въезда и гражданства НКВД с объяснением всех обстоятельств дела и просьбой направить материалы дела о лишении гражданства на рассмотрение ЦИК СССР. Так, решением ЦИК СССР от 14 ноября 1928 г. были удовлетворены ходатайства Генконсульства СССР в Харбине о лишении гражданства СССР Е.С. Кауфмана, С.Г. Полонского, С.Э. Мисюк³⁶.

На примере этих ходатайств можно проследить процесс лишения гражданства, который мог тянуться месяцы и даже годы.

Дело о лишении гражданства С.Г. Полонского длилось почти два года. Из материалов дела выяснилось, что Полонский, владелец ателье и салона в Харбине, «издевавшийся над работницами» (задержки в выплате зарплаты, оскорбления, угрозы увольнения), не считал себя советским гражданином и обратился даже в китайскую полицию с просьбой защитить его от «травли профсоюзов»³⁷.

Е.С. Кауфмана как редактора «белогвардейской», враждебной СССР газеты «Рупор» несколько раз в 1927 г. вызывали для переговоров в советское консульство в Харбине, но он так и не явился. После нескольких неудачных попыток вызвать Кауфмана в консульство, ему было послано по почте извещение от 18 апреля 1928 г. с предложением вернуться в СССР в течение месяца с момента получения извещения. Ответа на это извещение также не последовало. И, в конце концов, в Москву было отправлено ходатайство о лишении его советского гражданства³⁸.

С.Э. Мисюк, 1902 года рождения, безработный, должен был выехать в СССР в 1924 г. для призыва в армию. Но он остался в Харбине, объяснив позже, что причиной тому была болезнь. Консульство несколько раз вызывало его повестками, но он не явился, что было расценено как отказ от выезда в СССР. И лишь в марте 1928 г. консульство возбудило ходатайство о лишении его гражданства³⁹.

Эти частные случаи показывают, по сути, беспомощность советских учреждений на территории Маньчжурии и уязвимость их позиций. Нахождение на территории иностранного государства, поддержка китайских властей и возможность выбора гражданства давали русскому населению шанс сохранять относительную независимость.

* * *

Советско-китайский конфликт 1929 г. показал, что «надежность и преданность» большинства «новосоветских» граждан была весьма условной.

Вместо того чтобы поддержать кампанию по увольнению, которая была объявлена Дорпрофсоюзом с целью остановить работу КВЖД, большинство советских граждан осталась работать, невзирая на угрозы. Из 12 тыс. служащих и рабочих с паспортами СССР уволилось около 4 тыс.⁴⁰

Более того, многие улучшили свои материальные условия за счет уволившихся, заняв более высокие должности. Некоторые должности заняли русские эмигранты, подавшие ходатайства о принятии китайского подданства. Движение на дороге так и не было парализовано.

Рабочие и служащие, «совы», оставшиеся работать на дороге, были объявлены «врагами Советской власти», против них была развернута кампания: они получали анонимные письма с угрозами расправы, их терроризировали местные комсомольцы. Именно во время конфликта началось сокращение советской колонии. Многие поспешили отречься от советского гражданства и подтвердить лояльность новому составу Управления и Правления КВЖД, состоявшему преимущественно из китайцев, которые теперь распоряжались на дороге.

Когда после успешных действий Особой Дальневосточной армии 22 декабря 1929 г. был подписан Хабаровский протокол, и на КВЖД было восстановлено статус-кво, началась «чистка» от «чуждого элемента» на КВЖД. Помимо вновь принятых на дорогу эмигрантов, увольнялись и советские граждане, оставшиеся работать в период конфликта. Формально увольнение советских граждан, работавших во время конфликта, было связано с отказом ЦИК СССР в ходатайстве о принятии в советское гражданство (для «квитподданных»). Их увольняли как «бесподданных», без выплаты «заштатного пособия» («заштатное пособие» выплачивалось на

КВЖД при упразднении штатной должности или при выходе на пенсию из расчета по месячному окладу за каждый год непрерывной службы⁴¹).

Так, приказом по КВЖД № 62 от 14 октября 1930 г. были уволены от службы на дороге с 9 октября 1930 г. вследствие «несостояния в гражданстве СССР или Китая» К.С. Голиков, Е.Х. Нилус, П.П. Никольский, А.Н. Писарев, Б.Г. Модин, Л.М. Терехов, М.Г. Горшков, В.А. Барри, Е.В. Кузнецова, И.В. Пятков, А.В. Юрьев, К.Н. Альтман, В.Н. Львова⁴². К приказу было приложено письмо из Генконсульства СССР в Харбине от 4 октября 1930 г., в котором сообщалось, что «ходатайство нижеуказанных граждан о принятии их в гражданство СССР постановлением Президиума ЦИКа СССР отклонено».

Многие «квитподданные» подали ходатайства о переходе в китайское подданство. Например, Н.Н. Афанасенко, работавший на КВЖД заведующим Отдела происшествий, «квитподданный» с 1925 г., во время конфликта не уволился, а пошел на повышение, заняв 11 июля 1929 г. место начальника Службы общих дел КВЖД (с повышением оклада в два раза). 9 января 1930 г. он был уволен от службы на дороге, после чего подал прошение в Правление КВЖД о неправомерности его увольнения, «ввиду перехода в гражданство Китайской Республики, о чем имеется квитанция»⁴³. Подобных случаев было немало. Новый управляющий КВЖД Ю.В. Рудый обосновывал эти увольнения как «за двуподданство». Все попытки уволенных оправдаться тем, что советские консульства на территории Маньчжурии во время конфликта были закрыты, в расчет не принимались⁴⁴.

Агент Службы эксплуатации Р.Л. Стрижевский за короткое время сумел три раза поменять гражданство. До конфликта у него имелся советский паспорт, в период конфликта он представил в свою службу квитанцию о принятии им китайского гражданства, а после конфликта, в конце июня 1930 г., пролонгировал оставшийся у него советский паспорт. После чего был уволен за «двуподданство»⁴⁵.

С подданством – квитанциями и паспортами – после конфликта была полная неразбериха. Во время конфликта многие советские граждане, не зная его исхода, постарались избавиться от своих паспортов – «теряли» их, уничтожали, сжигали. Паспорта СССР требовали ежегодной пролонгации, но многие не сделали этого. Заведующий Паспортным отделением Генконсульства СССР в Харбине А.М. Дрибинский в ноябре 1930 г. выступил в печати с заявлением: «В настоящее время в консульстве скопилось большое количество паспортов советских граждан, не являющихся за ними в течение весьма продолжительного времени: тут паспорта лиц, выехавших из Харбина и не снявшихся с учета; сданные для пролонгации и не затребованные обратно, скончавшихся граждан и т.д. С 4 декабря в газетах

будут помещаться списки лиц, не являющихся за получением паспортов, и по истечении месячного срока невыбранные паспорта будут пересланы в Москву, где будет решен вопрос об их гражданстве»⁴⁶.

* * *

С оккупацией Японией Маньчжурии в 1931 г. перед русской эмиграцией встал, как жизненно важный, вопрос о демонстрации лояльности новой власти.

В январе 1932 г. в Мукдене была создана инициативная группа из 26-ти русских эмигрантов, которая объявила 14 января 1932 г. об образовании Общества русских в Маньчжурии и Монголии, объединившего около 200 эмигрантов. Эта организация развернула кампанию за приобретение подданства нового государства, созданного Японией в Маньчжурии, – Маньчжоу-Го. Часть эмиграции осудила эту группу, посчитав, что общество не может выступать от имени всей эмиграции, и что принятие гражданства Маньчжоу-Го равносильно отказу от национальности и Родины. Однако многие русские, имевшие китайские паспорта (виды на жительство в Маньчжурии), перешли в подданство Маньчжоу-Го. Японская газета «Харбин Нициници» от 6 июня 1933 г. сообщала о переходе советских граждан в подданство Маньчжоу-Го по случаю ухода из «красного ада в обетованную страну царственного пути». По данным газеты, за год (с 1 июня 1932 г.) подданство приняло 1 875 человек (газета не уточняла, были это эмигранты или советские граждане)⁴⁷.

В 1933 г., с началом переговоров о продаже КВЖД, когда стало понятно, что дни советского присутствия в Маньчжурии сочтены, начался обратный переход из советского гражданства в эмигрантское состояние. Если желающих перейти в подданство Маньчжоу-Го было сравнительно немного, то количество советских граждан, желавших перейти в эмигрантское состояние, значительно увеличилось после образования нового государства. Бывшее Полицейское управление ОРВП, в 1933 г. преобразованное в Департамент полиции Маньчжоу-Го, получало большое количество прошений от советских граждан с ходатайствами об изменении гражданства на эмигрантское состояние, после чего посылало запросы в советское Генконсульство со списками лиц, возбудивших ходатайства об изменении гражданства.

Эти списки отложились в фонде Генконсульства СССР в Харбине. Списки были составлены на русском языке русскими полицейскими. В них указывались фамилии лиц, «возбудивших ходатайства об изменении в видах на жительство, выданных полицейским управлением, подданства СССР на эмигрантское состояние», возраст, номер квитанции или паспорта СССР,

кем и когда они были выданы, их состояние. Согласно спискам, у многих советские паспорта и квитанции были утеряны, уничтожены, сданы в консульство. У иных квитанции и паспорта были отобраны в Генконсульстве СССР⁴⁸. Получалось, что многие «новосоветские» граждане не имели никаких официальных документов, подтверждающих их советское подданство.

Процедура перехода из советского гражданства в эмигрантское состояние была несложной. Советские граждане должны были подать заявление в Департамент полиции Маньчжоу-Го с подробными сведениями о своей личности и представить поручительства двух эмигрантов, проживавших в одной местности свыше двух лет. Позднее процедура перехода в эмигрантское состояние оформлялась уже через Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), созданное 28 декабря 1934 г. по инициативе японских властей и состоявшее из русских эмигрантов. Трудно подсчитать точно число советских граждан, перешедших в эмигрантское состояние, но, судя по длинным спискам фамилий людей, печатавшимся в местных газетах, их поток был многочисленным. В «подвалах» харбинских и шанхайских газет давались также следующие объявления: «Я (фамилия, имя, занятие), состоял в совподданстве (указан период), после чего ничего общего с советской властью не имел и иметь не желаю»⁴⁹.

Новые маньчжурские и оккупационные японские власти поддерживали процесс «десоветизации» эмигрантов. И наоборот: всех «подозрительных» лишали эмигрантского статуса. Например, сотрудники просоветской газеты «Новости Востока» эмигранты Р.Е. Колпакчи и А.П. Маньковский были вызваны в ноябре 1934 г. в Департамент полиции, где им было объявлено, что они лишаются эмигрантского вида на жительство и будут рассматриваться как состоявшие в советском подданстве⁵⁰.

23 марта 1935 г. в Токио было подписано Соглашение между СССР и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД. Фактически КВЖД (японцы переименовали ее в СМЖД) продали Японии за 140 млн иен⁵¹. После этого события многие эмигранты стали хлопотать о советском паспорте, не видя для себя будущего в Маньчжурии. Транспортная комиссия ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановлением от 10 марта 1935 г. разрешила производить прием в гражданство СССР бывших работников КВЖД по телеграфному представлению генерального консула СССР в Харбине М.М. Славуцкого, оформляя прием в ускоренном порядке через ЦИК СССР. Одновременно НКВД было поручено произвести тщательную проверку всех лиц, подавших документы на выезд из Маньчжурии в СССР, «для недопущения проникновения шпионов и диверсантов»⁵².

Многим в паспорте или визе было отказано ЦИК СССР и генконсульством СССР в Харбине, что стало причиной раскола семей. С другой сто-

роны, некоторые «кавежедэки» – служащие КВЖД, советские граждане, намеченные к выезду в СССР и включенные в эвакуационные списки, – решили не возвращаться в СССР. Согласно копиям эвакуационных списков «бывших служащих СМЖД», «маньчжурскими невозвращенцами» стали В.А. Рязановский, А.И. Погребецкий, К.А. Штенгель, В.С. Фаворский, А.И. Горшенин, В.А. Кормазов, Е.И. Зарудная и другие. Они получили от КВЖД значительные «заштатные деньги», зарегистрировались в БРЭМ. Часть их осталась в Харбине, часть переехала на юг Китая, в Европу и Америку⁵³.

После отъезда в СССР в 1935 г. около 25 тыс. советских граждан в Маньчжоу-Го все еще оставалась значительная советская колония, на которую оказывали давление местные власти. Многие из советских граждан предпочли перейти в эмигрантское состояние или уехать из Маньчжурии. По данным БРЭМ, в 1935 г. в Маньчжоу-Го было зарегистрировано более 42 тыс. эмигрантов в возрасте старше 18 лет, а в 1939 г. таковых было уже 46 тыс.⁵⁴ Прирост эмигрантов происходил за счет советских граждан, перешедших в эмигрантское состояние.

С началом Второй мировой войны, особенно после 22 июня 1941 г., наступил очередной перелом в настроениях эмиграции. В советское генконсульство и на имя командования Красной армии начали поступать тысячи заявлений от эмигрантов с просьбой о принятии в советское гражданство.

После войны, когда в ноябре 1945 г. был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Маньчжурии»⁵⁵, число заявлений о приеме в советское гражданство в Маньчжурии возросло до 50 тыс.⁵⁶

В завершение уместно вспомнить о судьбе Устрялова и его сторонников, активно проповедовавших «совпаспортизацию» русских в Маньчжурии. Сам Устрялов и Устругов после продажи КВЖД в 1935 г. вернулись в СССР, были расстреляны в 1937 г. Нилус, Бутов и Зефилов остались работать во время советско-китайского конфликта, были уволены с КВЖД в 1930 г. Дикий во время конфликта перешел в эмигрантское состояние, переехал в Шанхай, а в 1930 г. – в Европу. Нилус в 1935 г. перебрался в Тяньцзинь, потом в Шанхай, последние годы жил в Бразилии. Бутов в дальнейшем перешел в литовское гражданство, после Второй мировой войны переехал в США. Зефилов перебрался в Шанхай, в 1947 г. репатриировался в СССР, был осужден на 25 лет ИТЛ, умер в лагере. Яшнов в 1934 г. уволился с КВЖД, отказался от советского гражданства и переехал в Шанхай, где умер в 1943 г.

Русская эмиграция в Маньчжурии в 1920–1930-е гг. являлась как объектом, так и субъектом манипуляций с гражданством. Ради своего физического выживания и национально-культурного самосохранения, русские эмигранты вынуждены были брать советское, китайское, маньчжурское гражданство по идеологическим, политическим, экономическим и другим соображениям. Кроме того, на их выбор влияла внешнеполитическая конъюнктура и военная обстановка.

Массовая советизация 1920-х гг. была связана в большей степени с прагматическим подходом: сохранением рабочих мест, коммерческих заведений, защиты от китайских властей. Однако с потерей советского влияния в Маньчжурии начался обратный процесс перехода из советского гражданства в эмигрантское состояние или принятие маньчжурского гражданства. Специфическая обстановка в Маньчжурии, определявшаяся колебаниями внешнеполитического курса СССР, Китая и Японии, зависевшая от всплесков и итогов военных конфликтов на Дальнем Востоке, позволяла российским эмигрантам менять гражданство, сохраняя относительную «самостоятельность» и условия для выживания до середины 1940-х гг.

Примечания

- ¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 455. Д. 62233. Л. 13.
Archive of Foreign Policy of Russian Federation (AVP RF). F. 04. Op. 22. P. 455. D. 62233. L. 13.
- ² Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1963. С. 461.
Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol. 7. Moscow, 1963. P. 461.
- ³ Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802–2002. Т. 2. М., 2002. С. 174.
Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii, 1802–2002. Vol. 2. Moscow, 2002. P. 174.
- ⁴ Известия (Москва). 1921. 3 нояб.
Izvestiya (Moscow). 1921. Nov. 3.
- ⁵ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. М., 1924. С. 365.
Sobranie zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krestyanskogo Pravitelstva Souza SSR. Moscow, 1924. P. 365.
- ⁶ Декрет ВЦИК РСФСР от 15 декабря 1921 г. «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 1.
Dekret VTSIK RSFSR ot 15 dekabrya 1921 g. «O lishenii prav grazhdanstva nekotorykh kategoriy lits, nahodyashchihся za granitsey» // Sobranie uzakoneniy RSFSR. 1922. No. 1.
- ⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 166. Д. 48. Л. 8.
AVP RF. F. 04. Op. 22. P. 166. D. 48. L. 8.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 270. Оп. 4. П. 5. Д. 6. Л. 25.

- AVP RF. F. 270. Op. 4. P. 5. D. 6. L. 25.
- ⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1236. Л. 16.
Russian State Historical Archive (RGIA). F. 323. Op. 9. D. 1236. L. 16.
- ¹⁰ Молва (Харбин). 1927. 4 сент.
Molva (Harbin). 1927. Sept. 4.
- ¹¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5480. Л. 1.
RGIA. F. 323. Op. 9. D. 5480. L. 1.
- ¹² РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 32.
Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). F. 1337. Op. 5. D. 10. L. 32.
- ¹³ Устрялов Н.В. Россия возвращается // Новости жизни (Харбин). 1924. 5 окт.
Ustryalov N.V. Rossiya vozvrashchaetsya // Novosti shizni (Harbin). 1924. Oct. 5.
- ¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 42.
RGALI. F. 1337. Op. 5. D. 10. L. 42.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 268. Л. 117об.
RGIA. F. 323. Op. 4. D. 268. L. 117v.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 308. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 66–67.
AVP RF. F. 308. Op. 1. P. 1. D. 3. L. 66–67.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 14. П. 24. Д. 19. Л. 67.
AVP RF. F. 100. Op. 14. P. 24. D. 19. L. 67.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1243. Л. 2.
RGIA. F. 323. Op. 5. D. 1243. L. 2.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 879. Л. 204.
RGIA. F. 323. Op. 9. D. 879. L. 204.
- ²⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4840. Л. 17.
RGIA. F. 323. Op. 9. D. 4840. L. 17.
- ²¹ Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 55.
Ablazhey N.N. S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitae. Novosibirsk, 2007. P. 55.
- ²² Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М., 2010. С. 356–357.
Alekseev M. Sovetskaya voennaya razvedka v Kitae I hronika «kitayskoy smuty» (1922–1929). Moscow, 2010. P. 356–357.
- ²³ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 15. Л. 102.
AVP RF. F. 0100. Op. 12. P. 18. D. 15. L. 102.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1473. Л. 144–145.
State Archive of Russian Federation (GA RF). F. 8409. Op. 1. D. 1473. L. 144–145.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 128.
GA RF. F. R-6599. Op. 1. D. 9. L. 128.
- ²⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4077. Л. 1.
RGIA. F. 323. Op. 9. D. 4077. L. 1.
- ²⁷ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 83.
RGALI. F. 1337. Op. 5. D. 10. L. 83.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 166. Д. 48. Л. 21.
AVP RF. F. 04. Op. 22. P. 166. D. 48. L. 21.
- ²⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России... С. 157–160.
Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii... P. 157–160.
- ³⁰ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 85.
RGALI. F. 1337. Op. 5. D. 10. L. 85.
- ³¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1243. Л. 11об.
RGIA. F. 323. Op. 9. D. 1243. L. 11v.

- ³² Коммерческий Харбин (1931–1932). Харбин, 1932. С. 19.
Kommercheskiy Harbin (1931–1932). Harbin, 1932. P. 19.
- ³³ *Аурилене Е.Е.* Региональные особенности правового положения российских эмигрантов в Китае (Маньчжурия, Шанхай, Северный Китай), 1920–1940-е гг. // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб, 2006. С. 188–196.
Aurilene E.E. Regionalnye osobennosti pravovogo polozheniya rossiyskih emigrantov v Kitae (Manchzhuriya, Shanhay. Severnyy Kitay), 1920–1940-e gg. // Pravovoe polozhenie rossiyskoy emigratsii v 1920–1930-e gody. St. Petersburg, 2006. P. 188–196.
- ³⁴ РГИА. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2.
RGIA. F. 1679. Op. 1. D. 30. L. 1–2.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 81.
AVP RF. F. 0100. Op. 12. P. 18. D. 5. L. 81.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 308. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 65.
AVP RF. F. 308. Op. 1. P. 1. D. 3. L. 65.
- ³⁷ Там же. Л. 66–67.
Ibidem. L. 66–67.
- ³⁸ Там же. Л. 69–74.
Ibidem. L. 69–74.
- ³⁹ Там же. Л. 78.
Ibidem. L. 78.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6277. Л. 3–339.
RGIA. F. 323. Op. 9. D. 6277. L. 3–339.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 406. Л. 21.
RGIA. F. 323. Op. 4. D. 406. L. 21.
- ⁴² РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1097. Л. 127.
RGIA. F. 323. Op. 9. D. 1097. L. 127.
- ⁴³ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 209. Л. 28.
RGIA. F. 323. Op. 9. D. 209. L. 28.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 467. Л. 161.
RGIA. F. 323. Op. 4. D. 467. L. 161.
- ⁴⁵ Герольд Харбина (Харбин). 1930. 4 сент.
Gerold Harbina (Harbin). 1930. Sept. 4.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1253. Л. 46.
RGIA. F. 323. Op. 5. D. 1253. L. 46.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1437. Л. 148.
RGIA. F. 323. Op. 5. D. 1437. L. 148.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 308. Оп. 2. Д. 4. Л. 14–20.
AVP RF. F. 308. Op. 2. D. 4. L. 14–20.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. 10143. Оп. 44. Кор. 16. П. 1. Л. 36.
GA RF. F. 10143. Op. 44. Kor. 16. P. 1. L. 36.
- ⁵⁰ Харбинское время (Харбин). 1934. 23 нояб.
Harbinskoe vremya (Harbin). 1934. Nov. 23.
- ⁵¹ Документы внешней политики СССР. Т. 18. М., 1973. С. 204–213.
Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol. 18. Moscow, 1973. P. 204–213.
- ⁵² Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III. М., 2010. С. 402–403.
Russko-kitayskie otnosheniya v XX veke. Vol. III. Moscow, 2010. P. 402–403.

⁵³ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6299, 6300.

RGIA. F. 323. Op. 9. D. 6299, 6300.

⁵⁴ *Дубаев М.Л.* Харбинская тайна Рериха. М., 2001. С. 303.

Dubaev M.L. Harbinskaya tayna Reriha. Moscow, 2001. P. 303.

⁵⁵ Ведомости Верховного совета СССР. 1945. № 78. С. 3.

Vedomosti Verhovnogo soveta SSSR. 1945. No. 78. P. 3.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 59.

AVP RF. F. 100. Op. 34. P. 132. D. 48. L. 59.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

А.В. Ганин

МИХАИЛ АНТОНОВИЧ ДОРМАН: ГЕНЕРАЛ И ЕГО «ДЕЛО»*

Один из показательных примеров репрессивной политики большевиков в отношении офицеров русской армии в 1918 г. – раскрытие в Смоленске «контрреволюционной организации», возглавляемой генералом М.А. Дорманом. Материалы сохранившегося архивно-следственного дела раскрывают методы работы ЧК первых месяцев красного террора.

Советские историки и публицисты описывали «дело Дормана» как блестяще раскрытый чекистами Западной области (с сентября 1918 г. – Западная коммуна) заговор «смоленского филиала» («западного отделения») монархического союза «Наша Родина». Этот союз, созданный на немецкие деньги в августе 1918 г. в Киеве, ставил своей целью свержение Советской власти и восстановление монархии. Главными пунктами вербовки и сбора добровольцев стали Харьков, Полтава, Екатеринослав, Могилев. «Смоленский филиал» будто бы занимался вербовкой и отправкой добровольцев из западных губерний в Южную армию, формировавшуюся в Киеве¹.

По утверждению советских авторов, руководителем его был генерал Дорман, якобы «познавший милости царского двора»². Утверждалось также, что Дорман и его агенты признались в вербовке офицеров в Смоленской и Витебской губерниях. Иные авторы к этому добавляли связь организации с германской миссией майора В. Шуберта в Москве³.

Эти описания должны были создать у советского читателя впечатление о «смоленском филиале» «Нашей Родины» как о мощной антибольшевистской подпольной организации, умело и своевременно ликвидированной бдительными чекистами. Их, кстати, некритически восприняли отдельные современные исследователи, склонные преувеличивать размах антибольшевистского сопротивления в Советской России⁴.

Истинная же картина событий далека от легенды, сотворенной ведомственной историографией и мастерами советского агитпропа.

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350a2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

Материалы «дела Дормана» уже были компетентно и объективно освещены бывшим сотрудником УФСБ по Смоленской области Н. Илькевичем в 1993 г.⁵ Однако необходимо взглянуть на те события шире: в контексте репрессивной политики большевиков в отношении генштабистов в период Гражданской войны, очищая при этом реальные события от искажений и домыслов советских времен, по-новому анализируя как уже опубликованные, так и вновь найденные документы.

* * *

Михаил Антонович Дорман – боевой генерал Первой мировой войны. Последняя его должность – командир XXI армейского корпуса. 24 января 1918 г. в этой должности его утвердил армейский комитет, и с 27 января он приступил к исполнению своих обязанностей⁶.

В конце февраля по приказу начальника штаба 1-й армии бывшего Генштаба генерал-майора Н.В. Пневского корпус должен был сосредоточиться в районе станций Дно и Вязье, причем требовалось не допускать бегства солдат в тыл⁷. Части корпуса предполагалось использовать для отражения немецкого наступления. Однако долго командовать корпусом Дорману не пришлось: уже началась демобилизация армии. Жалованье при демобилизации ему было выплачено по 1 апреля исходя из его годового оклада в 8 400 руб. и 2 940 руб. добавочных в год. Кроме того, он получил двухмесячное пособие исходя из месячного оклада в 940 руб.⁸

Перед демобилизацией 49-летний Дорман 16 февраля был освидетельствован медицинской комиссией при 2-м лазарете 33-й пехотной дивизии. Согласно заключению врачей, он обладал средним ростом и питался удовлетворительно. Его мучила опухоль левого бедра – результат травмы на маневрах 1909 г., когда он получил ушиб лукой седла из-за прыжка испугавшейся залпа лошади. Из-за этого он с трудом сидел и передвигался, не мог ездить верхом, вынужден был при ходьбе опираться на палку. На фронте, в 1916–1917 гг., он дважды перенес воспаление левого легкого, и при освидетельствовании врачи обнаружили сухой плеврит. С 1917 г. он страдал геморроем и диареей вследствие хронического катара кишок. В итоге медицинской комиссией Дорман был признан негодным к службе и даже нуждающимся в уходе⁹.

Тем не менее семь месяцев спустя Дорман попытался вступить в Красную армию: 16 августа по месту жительства в Смоленске он подал прошение о поступлении на военную службу в резерв чинов на должность начальника дивизии. На следующий день оно было рассмотрено на заседании Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района обороны в составе военного руководителя бывшего Геншта-

ба полковника С.С. Каменева и военного комиссара В.С. Селезнева. 20 августа начальник штаба Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района бывший Генштаба подполковник А.Н. де Лазари сообщал Дорману принятое ими решение: «Признавая полную желательность принять гр. Дормана на службу, Военный Совет все же отказывается в принятии гр. Дормана на службу в виду его болезненного состояния»¹⁰.

* * *

После покушения на В.И. Ленина ВЦИК 2 сентября 1918 г. объявил «массовый красный террор против буржуазии и ее агентов». В тот же день был издан приказ ВЧК «арестовать, как заложников, крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных Советской власти офицеров» и «при всякой попытке» их «организоваться, поднять восстание» – «немедленно расстреливать»¹¹.

По Смоленску прокатилась волна арестов и расстрелов.

3 сентября расстреляли членов общества «Защита Временного правительства»¹². На следующий день – группу помещиков.

В ночь на 6 сентября в городе были взяты 13 заложников из буржуазии и офицерства. Под стражей оказались Николай Феликсович Реут, Николай Митрофанович Энгельгардт, Юлиан Мацкевич, братья Владимир и Вадим Николаевичи Возненко, Борис Урядов, Наум Владимирович Шварц, Станислав Иосифович Жданович, Яцевич, Павел Васильевич Михайлов, Евгений Николаевич Кордо-Сысоев и генерал Дорман с сыном Владимиром. 9-го был арестован Александр Николаевич Захаров. 10-го – Виктор Александрович Фен-Раевский.

В заложниках оказались самые разные люди.

Энгельгардт с июля 1918 г. служил в штабе Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района обороны, выполняя мелкие поручения начальства. Захаров состоял в должности фельдгегера штаба Западного фронта, а позднее – помощника коменданта штаба Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района обороны (советские авторы объявили его бывшим офицером Генерального штаба, желая, вероятно, подчеркнуть его заведомую контрреволюционность и «производя» его в чин то поручика, то штабс-капитана¹³). Реут служил рядовым на автоскладе. Шварц владел банкирской конторой. Жданович был присяжным поверенным. Владимир Возненко – временным служащим смоленской лечебницы № 1 имени Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области. Яцевич прежде заведо-

вал 1-м кирпичным заводом Западной области. Михайлов учительствовал в мужской гимназии. Кордо-Сысоев состоял агентом Службы движения Московско-Брестской железной дороги, проходящей через Смоленск.

Первоначально, при взятии заложников, ни о какой «контрреволюционной организации» речь не шла. По мнению Илькевича, имевшего служебную возможность ознакомиться со всеми сохранившимися делами арестованных «дорманцев» (так смоленские чекисты поименовали проходивших по «делу Дормана»), с большинством арестованных бывший генерал Дорман не был даже знаком¹⁴.

С годами история «заговора» обростала в публикациях советских авторов все новыми «подробностями». К фигурантам дела добавлялись арестованные по другим делам, их биографии искажались. Сегодня уже трудно отделить то, что было выдумано непосредственно при «раскрытии заговора», от позднейших домыслов.

Советские авторы назвали и других оказавшихся под арестом по этому делу. Арвед Лукстин (арестован 23 августа 1918 г.) будто бы помог организации деньгами в сумме 57 000 руб. Михаил Кац, бывший офицер, якобы занимался доставкой оружия в имение Энгельгардта. Стефан Иосифович Антоневиц – сотрудник совнархоза облисполкома Западной области (арестован 6 сентября, в советских работах – «адъютант военрука западной Завесы, бывший полковник»). Филипп Дюна (Дюн) – смоленский милиционер, «посыльный контрреволюционного штаба» и агент в советских органах власти. Бывший поручик Георгий Лятковский (арестован 7 сентября) – связной штаба и районных начальников. Борис Урядов – бывший штабс-капитан, будто бы направленный командованием Чехословацкого корпуса и Колчаком на подпольную работу. В июле 1918 г. Урядов якобы ехал к Дорману в Смоленск из Архангельска с шифровками, спрятанными в буханке хлеба¹⁵. О соблюдении хронологии событий советские авторы не заботились. А порой, видимо, попросту не знали ее. Помимо того, что поездка мифического эмиссара происходила за четыре месяца до прихода А.В. Колчака к власти в Омске, командование Чехословацкого корпуса в это время находилось далеко от Архангельска.

Среди причастных к делу были упомянуты также Николай Реут – крупный смоленский помещик, якобы снабжавший организацию средствами через иностранные банки, – и Николай Энгельгардт, тоже крупный помещик, будто бы финансировавший организацию и хранивший в своем имении оружие, взрывчатку и боеприпасы для организации. О Ждановиче писали, что он якобы был участником еврейских погромов 1907–1908 гг. в Белоруссии, переправлял польских добровольцев к Ю. Пилсудскому и содержал в Смоленске конспиративную квартиру. А Владимир Возненко в советском изложении из мелкого больничного служащего превратился в

полковника старой армии, вербовавшего добровольцев на территории Белоруссии. Причастным к делу был объявлен и помещик В. Таранковский (Тарновский), в имении которого в Поречском уезде нашли некий список лиц, стоявших на платформе защиты Временного правительства с именами крупных помещиков и капиталистов, финансировавших подпольную организацию. А также врач Борис Захарович Танцов – монархист, издававший в Смоленске в 1907–1910 гг. черносотенную газету. Вина врача заключалась в том, что заговорщики планировали назначить его после прихода к власти на руководящий пост¹⁶. На самом же деле Танцов был арестован 25 августа 1918 г. в центре Смоленска, в саду Блонье, по совершенно иной причине: за непризнание слова «товарищ»¹⁷.

Среди арестованных 27 августа 1918 г. перечислялись бывшие офицеры Михаил Васильевич Заичко, Петр Алексеевич Селянинов, Борис Иванович Огурецкий, Сергей Николаевич Крутиков¹⁸ (последний на самом деле был солдатом¹⁹).

Вообще, детали «заговора», состав «заговорщиков» и их «личный вклад в дело контрреволюции» в различных советских изданиях варьировались. Скажем, Д.Л. Голинков, автор наиболее полного советского труда о борьбе ЧК с контрреволюционным подпольем, утверждал, что организация Дормана была раскрыта после ликвидации контрреволюционной помещичьей группы Тарновского, а та, в свою очередь, ликвидирована после обнаружения в мае–июне 1918 г. писем у одного бывшего офицера, связанного с поречскими помещиками. Непосредственно на организацию чекисты, по его версии, вышли, проверяя контакты нотариуса Ильинского²⁰. Всего же по делу «дорманцев», по подсчетам советских авторов, прошло около 2 000 человек²¹.

Относительно раскрытия «смоленского филиала» утверждалось также, что Захаров и Антоневи́ч были причастны к антисоветским беспорядкам в Смоленске 2 мая 1918 г. Чекисты якобы получили документы о существовании крупной контрреволюционной организации и о том, что нити заговора ведут в штаб Западного участка отрядов Завесы. Его военспецы были взяты под наблюдение. По этой версии, к июню 1918 г. был собран материал на всех «главарей» организации. Также утверждалось, что Захаров находился под арестом с мая 1918 г. (по документам его дела, он оставался на свободе вплоть до начала сентября). Не соответствует действительности и указание на арест Антоневи́ча, Ждановича и Лятковского задолго до сентябрьских событий²².

В литературе утверждалось, что сам генерал Дорман и все остальные лица были арестованы якобы в ночь на 12 июня 1918 г. По этой версии, поводом к аресту стал донос, сделанный 10 июня бывшим поручиком 22-летним Виктором Фен-Раевским, которого заговорщики считали про-

вокатором. Он якобы сообщил о заговоре первому председателю ЧК Западной области Виктору Ивановичу Яркину, выдав имена 52-х заговорщиков, включая генерала Дормана, епископа Вяземского, vicария Смоленской епархии Макария (М.В. Гневушева), гомельского помещика Паскевича, членов Белорусского народного секретариата И. Макреева, И.Н. Середы, К.Б. Езовитова, И.Я. Воронко и других (упомянул он даже генерала И.Р. Довбор-Мусницкого). Оружие и снаряжение якобы целыми вагонами (утверждалось, что найдено 150 ящиков маузеров, 750 австрийских карабинов, 25 ящиков английских гранат, много патронов и разобранный автомобиль) по литерам штаба западной Завесы свозилось и складировалось в имении Энгельгардта в Духовщинском уезде²³.

Также, по различным советским версиям, заговорщики имели связи с границей, с вождями всероссийской контрреволюции, действовали по директивам Рады Белорусской народной республики и Пилсудского. У Дормана якобы нашли телеграмму руководства Рады кайзеру Вильгельму и составленный в апреле 1918 г. план борьбы за освобождение Белоруссии и прилегающих территорий до Вязьмы, предусматривавший создание армии по воинскому уставу польского государства, тогда еще не существовавшего. Кроме того, утверждалось, что заговорщики заранее распределили должности после захвата власти: диктатором должен был стать генерал Дорман, начальником главного штаба – Антоневи́ч, минским генерал-губернатором – Василий Сорокин (в прошлом – генерал-лейтенант, начальник Виленского губернского жандармского управления), смоленским генерал-губернатором намечался бывший смоленский полицеймейстер Владимир Карлович Гепнер (арестован 9 сентября 1918 г.), а полицеймейстером – бывший пристав Василий Кузьмич Гладышев (арестован 14 сентября 1918 г.)²⁴.

Эта версия является полнейшим вымыслом, ибо генерал Дорман и другие лица, проходившие по этому делу, были арестованы лишь в сентябре 1918 г., после объявления красного террора. Характерно, что ни в списках генералов по старшинству, ни в списке чинов Отдельного корпуса жандармов генерала Сорокина обнаружить не удалось²⁵. Дорман не состоял на военной службе у большевиков, однако советским авторам очень хотелось изобразить его ответственным военным работником – начальником штаба западной Завесы²⁶ или Смоленского района Завесы²⁷ (на самом деле должность начальника штаба Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района обороны занимал А.Н. де Лазари). Зато эта версия позволяла списать на «контрреволюционную организацию Дормана» множество антибольшевистских выступлений на территории Западной области (например, восстание 14 июля 1918 г. в городе Белом, якобы организованное полковником Велингом и Алексеем Бойковым по приказанию епископа Макария).

В архивно-следственном деле генерала Дормана, сохранившемся в архиве УФСБ по Смоленской области, подшиты адресные листки людей, носивших фамилию Дорман²⁸. Вероятно, чекисты поначалу не знали точно, какого именно Дормана они ищут, либо выявляли родственников. Имеются такие листки и на генерала с его супругой. При аресте у него изъяли 3 431 руб. 50 коп.²⁹, тогда же или перед расстрелом было изъято и золотое кольцо с бриллиантом³⁰.

Помимо генерала Дормана, враждебность которого в глазах чекистов предопределялась самим его чином и немецкой фамилией (генералы-немцы нередко воспринимались как заведомые контрреволюционеры и монархисты), наиболее «враждебным Советской власти» из всех арестованных они должны были посчитать Ждановича, члена партии кадетов и участника IX съезда партии, проходившего в июле 1917 г.³¹

В качестве соучастника был арестован сын генерала Владимир Дорман – 15-летний гимназист, родившийся в январе 1903 г. В 1918 г. он перешел из 4-го в 5-й класс Смоленской общественной гимназии³².

9 сентября супруга генерала, Лидия Александровна, попыталась воззвать к здравому рассудку смоленских чекистов, написав в ходатайстве об освобождении сына, что он «слишком молод и при его летах не может иметь никаких политических взглядов»³³.

11 сентября она обратилась в облисполком Западной области (в структурное подразделение, формально контролировавшее работу ЧК) с заявлением: «Имея сведения о том, что сын мой, Владимир Дорман, арестован по недоразумению, так как предполагают, что он старше, чем на самом деле, прошу обратить особенное внимание на его метрическое свидетельство и на заявление [Здесь и далее подчеркнуто красными чернилами, документ написан синими. – А.Г.] Директора Обществ[енной] Гимназии, г[осподи]на Коростелева. Эти документы поданы мною вчера товар[ищу] Аскольдову [Аскольдов Яков Лазаревич (1893–1937) в 1918 г. занимал один из руководящих постов в ЧК Западной области. – А.Г.]. Умоляю сделать все возможное для его скорейшего освобождения и возвращения ребенка в семью. Лидия Дорман. Смоленск. 11 сент. 1918 г.»³⁴.

Не найдя справедливости в Смоленске, жена Дормана отправилась искать помощи в Москву.

Смоленскую общественность, непривычную к произволу властей и взятию заложников, всколыхнули несправедливые аресты многих известных в городе людей. Общее собрание рабочих и служащих 1-го кирпичного завода 7 сентября заявило, что бывший заведующий Яцевич не виновен³⁵. С похожими заявлениями в защиту учителя Михайлова выступили

педагогический совет Смоленской общественной гимназии и собрание педагогов всех средних учебных заведений Смоленска. Они указывали, что Михайлов – честный и добросовестный работник³⁶. За Кордо-Сысоева вступился профсоюз железнодорожников³⁷.

Массовые аресты в Смоленске вызывали обеспокоенные вопросы в Москве. Особенно среди бывших офицеров-генштабистов, поступивших на службу в Красную армию.

Так, разобраться в происходящем в Смоленске попыталось руководство штаба Реввоенсовета Республики. В итоге состоялся следующий разговор по прямому проводу (точная дата его неизвестна, но не позже 10 сентября).

«[Из Смоленска:] У аппарата комиссар Алибеков [И.Я. Алибегов. – А.Г.].

[Из Москвы:] Здравствуйте, у аппарата комиссар Шарманов и начальник штаба Раттэль. Будьте добры сообщить о характере последних событий в Смоленске в связи с массовыми [арестами].

[Из Смоленска:] Здравствуйте, товарищи, [в] последнее время в связи с обнаружением целых организаций, имеющих план, систематический план [со] свержением Советской власти, обнаружено Чрезвычайной комиссией чрез посредство члена же этих организаций масса участников, в связи с чем произошли массовые аресты. Чрезвычайная комиссия, членом которой я состою, по обсуждении вопроса об арестованных вынесет окончательное суждение о них на основании собранных следствием данных. Нужно полагать, что невинных жертв не будет. Все. Без всякого снисхождения, конечно, но с возможной полнотой обстоятельности. Я понимаю, что миловать теперь – время не подходящее, но чтобы не давать нашим врагам права обвинять нас в невнимательном отношении к такому серьезному делу, которое лежит на чрезвычайных комиссиях, согласен, что нужна тщательность.

[Из Москвы:] Здесь как раз находится у нас в приемной жена Дормана, которая просит произвести у нее в доме обыск, которого как следует не сделали и кроме того умоляет установить личность ее сына, 15-летнего, которого будто бы приняли за поручика. Что вы можете сказать по этому поводу?

[Из Смоленска:] Повторяю, речь идет не о снисхождении. По имеющимся у меня пока сведениям, Дорман причастен к этой организации, [в] какой предполагался он диктатором военной власти [в] момент свержения облискомзапа. Дело будет разбираться и все возможное [в] пределах законности будет сделано. Ваш разговор передам в Чрезвычайную комиссию.

[Из Москвы:] Дело в том, что последнее время нам очень надоедают семьи арестованных, в особенности сегодня был целый ряд подобных просьб о том, чтобы следствие производилось с возможной тщательнос-

тью. Жена Дормана сказала, что вы дали ей пропуск в Москву с тем, чтобы она обратилась к нам. Думаю, что с нашей стороны никаких советов по вашему адресу быть не может. Что касается Дормана, то это было сказано ввиду того, что его жена уверяла, что приехала по вашему совету, верно ли это?

[Из Смоленска:] Я в приеме всех господ, подобных Дорману, очень корректен и деликатен. Когда они ко мне направляются как к спасителю якобы невиновных, то я им отвечаю, что все возможное сделаю, если не виноваты, будут освобождены. Жена же Дормана бомбардировала меня сперва насчет сына, будто бы о муже она не беспокоится, потом, когда узнала, что ищут поручика, стала настаивать об освобождении мужа ввиду его невиновности и начала указывать, что его знает Бонч-Бруевич, Свечин и др., от которых она может привезти всевозможные сведения. Я ей сказал, что это ваше дело отправиться [в] Москву, в Высший совет я ее не посылал.

Вечером она просила пропуск, но пропуска я не имею права давать, но из любезности перед женщиной я просил военного представителя станции помочь ей отправиться [в] Москву, если это возможно. Думаю, [в] этом плохого ничего нет.

[Из Москвы:] Конечно, товарищ, ничего плохого, но ведь эти дамы ссылаются к месту и не к месту на наши имена, поэтому [в] будущем придется их не принимать, о чем я и распоряжусь по отношению к нашему учреждению завтрашнего дня. Думаю, что ни я, ни вы особой ошибки не сделали поговорить на этот счет. Извиняюсь за беспокойство и желаю всего хорошего.

[Из Смоленска:] Я очень рад беспокоиться для товарищей из центра»³⁸.

* * *

В «деле Дормана», с резолюцией о приобщении материалов «к делу», имеются в нескольких экземплярах разрозненные документы сформированной в Киеве Южной армии, датированные августом 1918 г.: программа союза «Наша Родина» и приказы по главному бюро Южной армии в Киеве. Как эти материалы оказались у смоленских чекистов, неизвестно. Можно только предполагать, что они были обнаружены у кого-то из арестованных или же присланы из центра, так как сведений об этом в деле не имеется. Никто из арестованных в этих документах не упомянут, как нет в них упоминаний о Смоленске или Западной области, вообще в них нет никакой реальной связи «делом Дормана». Скорее всего, эти документы попали к чекистам случайно. Однако они сыграли роковую роль в судьбе генерала Дормана и всех «дорманцев»: именно они были использованы

смоленскими чекистами для фабрикации дела о раскрытии несуществующего заговора.

В программном документе «Южная армия» охарактеризованы ее цели и структура. Основной задачей указана борьба с большевиками, причем во главе ее корпуса должен был стать генерал, находившийся во власти большевиков (возможно, именно эти слова были использованы как основание для подозрений в адрес Дормана). Имена двух кандидатов в освободители от большевизма были зашифрованы цифровым кодом (5327135721805496 и 5243337738996114385454). «Известия» в октябре 1918 г. писали по этому поводу: «Любопытно было бы узнать скрытую под шифром фамилию генерала. Как известно, украинские монархисты тратили громадные суммы денег на освобождение одного известного генерала, арестованного на западной границе»³⁹. Таким образом, прямых указаний на то, что речь шла о Дормане, даже после ликвидации «заговора» не появилось.

В документе объявлялось о создании, в целях восстановления монархии, союза «Наша Родина», начальником штаба которого стал бывший командир XXIII армейского корпуса Генштаба генерал-лейтенант К.К. Шильдбах-Литовцев. На театре военных действий должен был находиться начальник 1-й дивизии генерал В.В. Семенов. Представители Южной армии работали, судя по документам, в основном, на Украине. Кроме того, представитель армии, полковник Бучинский, работал в оккупированном немцами Пскове⁴⁰, а представителем в оккупированном Могилеве и окрестностях был полковник Зубржицкий. Никаких указаний на связь с ними кого-то из смоленских арестантов-заложников в деле нет.

Помощник коменданта штаба Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района обороны Захаров по служебным делам ездил в Москву, по должности имел право на ношение холодного и огнестрельного оружия, как и на свободное перемещение по Смоленску в любое время⁴¹. В его деле отложилась записка с телефоном канцелярии начальника Всероссийского главного штаба А.А. Свечина⁴².

Некоторые арестанты едва ли могли участвовать в какой-либо нелегальной деятельности по причине плохого здоровья. Так, учитель Михайлов страдал склерозом (в других документах – неврозом) сердца и туберкулезом. Сам генерал Дорман из-за своих многочисленных недугов совершенно не был в состоянии руководить каким-либо заговором.

В ходатайстве от 10 сентября Лидия Александровна писала: «В феврале месяце муж вышел в отставку по сильно расшатанному здоровью – физическому и нервному. В бумаге об отставке указано, что он без посторонней помощи обходиться не может.

Такой сестрой милосердия неотлучно была при нем я, его жена. Без моего ведома он никуда не уезжал, ни с кем не виделся, никому не писал.

На основании этого я убедительно прошу, чтобы меня допросили самым строжайшим образом»⁴³.

Дочь генерала Зинаида 13 сентября просила за отца, обращая внимание чекистов на наличие у него тяжелой желудочной болезни, ходатайствовала о переводе отца в тюремную больницу и просила разрешения приносить ему из дома горячую пищу⁴⁴.

Ходатайства жены и дочери возымели действие, и на обращение от 13 сентября была наложена резолюция о переводе генерала в железнодорожную больницу и содержании его там под охраной⁴⁵. Однако участи генерала это не смягчило.

Несмотря на аресты множества людей, в деле не содержится ни одного протокола допросов. Нет в нем ни одного документа, подтверждающего или хотя бы косвенно указывающего на участие арестованных в заговоре. Никому из них не было предъявлено обвинений. Большую часть дела занимают принадлежавшие арестованным дореволюционные финансовые и хозяйственные документы, к событиям 1918 г. отношения не имеющие, но, видимо, послужившие подтверждением принадлежности арестованных к числу «крупных представителей буржуазии».

Тем не менее, на 3-м областном съезде Советов Западной области 13 сентября 1918 г. председатель ЧК Западной области В.И. Яркин отразил о раскрытии «опаснейшего заговора»⁴⁶.

* * *

17 сентября на заседании ЧК Западной области участь арестованных «дорманцев», превращенных усилиями чекистов из заложников в «заговорщиков», была решена. Председательствовал один из инициаторов этого превращения и фабрикация дела, руководитель смоленских чекистов Яркин. На заседании в качестве членов ЧК присутствовали Я.Л. Аскольдов, заместитель председателя Северо-Западного областного комитета РКП(б) И.Я. Алибегов, И.И. Рейнгольд, Д.М. Гуревич, Козопольский, Попов, а также секретарь А. Варнилов.

Чекисты руководствовались прежде всего политической целесообразностью и, как тогда говорили, революционной совестью. Эта «целесообразность» учитывала как общероссийские, так и местные реалии разгоравшейся Гражданской войны. Приговоры выносились, как правило, в двух вариантах – расстрелять или освободить. При вынесении приговоров учитывалось главным образом социальное происхождение и служебное положение арестованных.

Захаров как активный участник заговора «дорманцев» был приговорен к расстрелу⁴⁷. Популярный в городе учитель Михайлов был освобожден ввиду того, что не участвовал в заговоре, а «при царизме выступал против реакции и антисемитизма»⁴⁸. Реут и Энгельгардт как крупные помещики Смоленской губернии и участники заговора «дорманцев» были приговорены к расстрелу⁴⁹. Банкир Шварц был освобожден якобы за неимением улик⁵⁰ (какие имелись улики против приговоренных к расстрелу, осталось загадкой). Освобожден был и Яцевич⁵¹. Борис Урядов как член боевой организации был приговорен к расстрелу⁵². Расстрелять постановили и Ждановича как кадета и заговорщика, снабжавшего штаб крупными суммами⁵³. Братьев Возненко и Фен-Раевского также приговорили к расстрелу⁵⁴. Сын генерала Дормана Владимир был освобожден за малолетством⁵⁵.

Самого же генерала обвинили в контрреволюционном заговоре с целью установления военной диктатуры и постановили расстрелять.⁵⁶

У генерала Дормана остались пятеро детей. Старшей дочери, Ольге, был 21 год, а младшей, Елене, – 12.

В советской литературе утверждалось, что постановление ЧК было приведено в исполнение в тот же день⁵⁷. Документы на этот счет в архивно-следственном деле отсутствуют. Всего было расстреляно 42 человека⁵⁸.

В постсоветские времена, в 1993 г., «заговорщики» были признаны невиновными и реабилитированы посмертно.

* * *

В общей сложности в 1918 г. смоленские чекисты репрессировали по политическим причинам (ныне реабилитированных) 301 человека, из которых 85 было приговорено к расстрелу, 73 направлены на общественные работы, 47 оштрафовано, 17 выслано, а в 53 случаях дела прекращены⁵⁹.

Для сравнения: в 1919 г. был репрессирован по тем же причинам 181 человек, из которых 15 приговорены к расстрелу. В 1920 г. – репрессировано еще меньше: 124 человека, из них 3-х приговорили к расстрелу. В 1921 г. – 157 человек, причем расстрельных приговоров не было вообще, в 1922 г. – 12 человек, расстрельных приговоров также не было⁶⁰.

Таким образом, год 1918-й, когда и развернулись репрессии по «делу Дормана», стал наиболее кровавым годом объявленного красного террора на Смоленщине за весь период Гражданской войны. На этот год пришлось 39 % политических репрессий на Смоленщине, проводимых ЧК в 1918-1922 гг., и 82,5 % расстрельных приговоров. Репрессивными полномочиями обладал и Смоленский революционный трибунал, но в 1918-1922 гг. по политическим мотивам он репрессировал всего 15 человек, причем

без расстрельных приговоров, в основном же, боролся с уголовной преступностью.

* * *

«Дело Дормана» представляется целиком сфабрикованным, так как доказательств существования заговора в документах архивно-следственного дела не обнаружено. Между тем, по делу были арестованы и расстреляны десятки невинных людей. Авторы фабрикации не утруждали себя сбором доказательств и выстраиванием логичной версии заговора. В этом суровая реальность Гражданской войны, беспощадного красного террора.

Военное руководство не вступилось за Дормана, не служившего в РККА, хотя специалисты Генерального штаба Советской России были жизненно необходимы, а вопрос о Дормане обсуждался на высоком уровне в Москве. Следует признать, что особое отношение большевиков к генштабистам не давало никаких гарантий защиты последних от произвола ЧК на местах. Впрочем, не защищало оно бывших офицеров и от произвола в центре.

Самый важный и сложный вопрос: каковы были причины и цели фабрикации «заговора» смоленскими чекистами? Думается, они действовали на упреждение и явно хотели отчитаться перед Москвой раскрытием крупного дела. Не иначе как «классовое чутье», стремление поставить ЧК выше всех советских учреждений и упрочить собственное руководящее положение в Западной области надумили их: крупная контрреволюционная организация должна быть вымышлена, а затем стремительно и эффективно «разоблачена». Одновременно наносился удар по потенциальным противникам большевистской власти: бывшим офицерам, землевладельцам, интеллигенции. Это была, помимо прочего, и акция устрашения. Смоленские обыватели оказались напуганы. Едва ли кто-то из них после этого мог думать о сколачивании реальных антисоветских заговоров. Идея превентивного террора вполне объясняет произвол ЧК в годы Гражданской войны.

По итогам разоблачения «организации» Дормана местное чекистское начальство успешно отчиталось перед руководством ВЧК о проделанной работе. Большевистское руководство, в свою очередь, получило еще один довод в пользу надежности и эффективности недавно созданного «карающего меча революции». На фоне бурного партийного обсуждения роли и полномочий ЧК осенью 1918 г. подобные аргументы были не лишними. Видимо, не случайно сфабриковавший дело чекист Яркин вскоре был поощрен избранием заместителем председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского на 2-й Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий в

ноябре 1918 г., а затем и вовсе пошел на повышение, став в самом конце 1918 г. председателем Белорусской ЧК. Наконец, материалы о «разоблачении контрреволюционеров» в Смоленске были опубликованы в центральной печати – в «Известиях ВЦИК»⁶¹ и в «Еженедельнике ВЧК» в октябре 1918 г.⁶² что, несомненно, имело пропагандистское значение.

Упреждающие репрессии и провокации практиковались с первых лет существования ВЧК. «Дело Дормана» было лишь звеном в цепи этих событий. Такие меры не имели под собой строгих юридических оснований, но с точки зрения «революционной целесообразности» проще и разумнее было заранее расстрелять потенциальных врагов, чем ждать, когда они организуют реальный заговор. Со временем очевидным стало и то, что развитие заговоров проще контролировать, если во главе подпольных организаций поставить агентов ЧК. Потому-то современным исследователям порой нелегко определить, идет ли речь о подлинной антибольшевистской подпольной организации или об организованной чекистами изощренной ловушке для наивных антибольшевиков.

Примечания

¹ Хацкевич А.Ф. Солдат великих боев: Жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского. Минск, 1982. С. 261.

Khatskevich A.F. Soldat velikikh boev: Zhizn i deyatelnost F.E. Dzerzhinskogo. Minsk, 1982. P. 261.

² Комиссаров А. Революция защищается! // Продолжение подвига: Книга о смоленских чекистах. Смоленск, 1988. С. 43.

Komissarov A. Revolyutsiya zashchishchaetsya! // Prodolzhenie podviga: Kniga o smolenskikh chekistakh. Smolensk, 1988. P. 43.

³ Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960. С. 116.

Sofinov P.G. Ocherki istorii Vserossiyskoy Chrezvychaynoy komissii (1917–1922 gg.). Moscow, 1960. P. 116.

⁴ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 281.

Volkov S.V. Tragediya russkogo ofitserstva. Moscow, 2001. P. 281.

⁵ Илькевич Н. Расстреляны за заговор, которого не было (Еще раз о деле генерала М. Дормана, 1918 год) // Край Смоленский. 1993. № 7-8. С. 26–53.

Ilkevich N. Rasstrelyany za zagovor, kotorogo ne bylo (Eshche raz o dele generala M. Dormana, 1918 god) // Kray Smolenskiy. 1993. No. 7-8. P. 26–53.

⁶ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 65.
Smolensk Oblast Department of Federal Security Service of Russian Federation Archives (ASOD FSB). D. 26958. L. 65.

⁷ Там же. Л. 75.

Ibidem. L. 75.

⁸ Там же. Л. 69.

Ibidem. L. 69.

⁹ Там же. Л. 82.

Ibidem. L. 82.

¹⁰ Там же. Л. 81.

- Ibidem. L. 81.
- ¹¹ История сталинского Гулага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 2. М., 2004. С. 523.
История сталинского Гулага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Vol. 2. Moscow, 2004. P. 523.
- ¹² Илькевич Н. Указ. соч. С. 28.
Pkevich N. Op. cit. P. 28.
- ¹³ Почанин С.З. Историей обреченные. Минск, 1977. С. 237, 244; Трофимов А. Защищая Советскую власть // Политическая информация: Журнал отдела пропаганды и агитации смоленского обкома КПСС. 1987. № 15. С. 19.
Pochanin S.Z. Istoriey obrechennye. Minsk, 1977. P. 237, 244; Trofimov A. Zashchishchaya Sovetskuyu vlast // Politicheskaya informatsiya: Zhurnal otдела propagandy i agitatsii smolenskogo obkoma KPSS. 1987. No. 15. P. 19.
- ¹⁴ Илькевич Н. Указ. соч. С. 46.
Pkevich N. Op. cit. P. 46.
- ¹⁵ Почанин С.З. Указ. соч. С. 244, 245, 248; Трофимов А. Указ. соч. С. 21–22.
Pochanin S.Z. Op. cit. P. 244, 245, 248; Trofimov A. Op. cit. P. 21–22.
- ¹⁶ Почанин С.З. Указ. соч. С. 245; Трофимов А. Указ. соч. С. 22; Комиссаров А. Указ. соч. С. 43.
Pochanin S.Z. Op. cit. P. 245; Trofimov A. Op. cit. P. 22; Komissarov A. Op. cit. P. 43.
- ¹⁷ Илькевич Н. Указ. соч. С. 51.
Pkevich N. Op. cit. P. 51.
- ¹⁸ Почанин С.З. Указ. соч. С. 244–245.
Pochanin S.Z. Op. cit. P. 244–245.
- ¹⁹ Илькевич Н. Указ. соч. С. 49.
Pkevich N. Op. cit. P. 49.
- ²⁰ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1980. С. 141–142.
Golinkov D.L. Krushenie antisovetskogo podpolya v SSSR. Book 1. Moscow, 1980. P. 141–142.
- ²¹ Трофимов А. Указ. соч. С. 22.
Trofimov A. Op. cit. P. 22.
- ²² Почанин С.З. Указ. соч. С. 239.
Pochanin S.Z. Op. cit. P. 239.
- ²³ Там же. С. 243, 249.
Ibidem. P. 243, 249.
- ²⁴ Почанин С.З. Указ. соч. С. 244, 247.
Pochanin S.Z. Op. cit. P. 244, 247.
- ²⁵ Список генералам по старшинству: Исправлен по 10-е июля 1916 г. Пг., 1916; Список общего состава чинов отдельного корпуса жандармов: Исправлен по 1 июля 1915 г. Пг., 1915.
Spisok generalam po starshinstvu: Ispravlen po 10-e iyulya 1916 g. Petrograd, 1916; Spisok obshchego sostava chinov ot delnogo korpusa zhandarmov. Ispravlen po 1 iyulya 1915 g. Petrograd, 1915.
- ²⁶ Почанин С.З. Указ. соч. С. 247.
Pochanin S.Z. Op. cit. P. 247.
- ²⁷ Трофимов А. Указ. соч. С. 17.
Trofimov A. Op. cit. P. 17.
- ²⁸ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 49, 50, 52, 53, 54, 56, 58. ASOD FSB. D. 26958. L. 49, 50, 52, 53, 54, 56, 58.
- ²⁹ Там же. Л. 1.
- Ibidem. L. 1.
- ³⁰ Илькевич Н. Указ. соч. С. 52.
Pkevich N. Op. cit. P. 52.
- ³¹ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 31. ASOD FSB. D. 26958. L. 31.
- ³² Там же. Л. 30.
Ibidem. L. 30.
- ³³ Там же. Л. 28.
Ibidem. L. 28.
- ³⁴ Там же. Л. 26.
Ibidem. L. 26.
- ³⁵ Там же. Л. 8.
Ibidem. L. 8.
- ³⁶ Там же. Л. 16, 19.
Ibidem. L. 16, 19.
- ³⁷ Там же. Л. 43.
Ibidem. L. 43.
- ³⁸ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 126–129.
Russian State Military Archives (RGVA). F. 3. Op. 1. D. 92. L. 126–129.
- ³⁹ Известия ВЦИК. 1918. 29 окт. С. 5.
Izvestiya VTsIK. 1918. Oct. 29. P. 5.
- ⁴⁰ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 112об. ASOD FSB. D. 26958. L. 112v.
- ⁴¹ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26792. Л. 14, 15. ASOD FSB. D. 26792. L. 14, 15.
- ⁴² Там же. Л. 12.
Ibidem. L. 12.
- ⁴³ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 80. ASOD FSB. D. 26958. L. 80.
- ⁴⁴ Там же. Л. 77.
Ibidem. L. 77.
- ⁴⁵ Там же. Л. 78.
Ibidem. L. 78.
- ⁴⁶ Илькевич Н. Указ. соч. С. 31, 35.
Pkevich N. Op. cit. P. 31, 35.
- ⁴⁷ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26792. Л. 16. ASOD FSB. D. 26792. L. 16.
- ⁴⁸ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 528. ASOD FSB. D. 26958. L. 528.
- ⁴⁹ Там же. Л. 529.
Ibidem. L. 529.
- ⁵⁰ Там же. Л. 531.
Ibidem. L. 531.
- ⁵¹ Там же. Л. 530.
Ibidem. L. 530.
- ⁵² Там же. Л. 532.
Ibidem. L. 532.
- ⁵³ Там же. Л. 533.
Ibidem. L. 533.
- ⁵⁴ Там же. Л. 534.
Ibidem. L. 534.
- ⁵⁵ Там же. Л. 535.

ФИЛЬМ «ОРДА»:

РЕАЛИИ И МИФЫ РУССКО-ТАТАРСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ханша Тайдулла неожиданно слепнет. Ее сын хан Джанибек вызывает в Орду московского митрополита, «колдуна Алексея», чтобы тот вернул ей зрение. В противном случае Русь ждет новое монголо-татарское нашествие...

Такова вкратце завязка фильма «Орда» (2012 г.) режиссера А. Прошкина и сценариста Ю. Арабова.

Нельзя не восхититься смелостью кинематографистов: они взялись за реконструкцию эпохи, от которой осталось не так уж и много достоверных свидетельств, а сама тема находится на острие научных и политических дискуссий. Историк В. Рудаков, один из научных консультантов, отказался сотрудничать с создателями картины. В интервью татарскому радио «Азалтык» он утверждал, что авторы собрали «жуткие мифы и небылицы о Золотой Орде», особенно по части городской архитектуры, которая к «историческому Сарая не имеет никакого отношения». Словно соглашаясь с этой оценкой, на премьерной пресс-конференции режиссер заявил, что легендарная ордынская столица в фильме предстает «почти марсианским» городом.

Однако, на наш взгляд, главная ценность фильма-притчи (очередного, заметим, фильма-притчи «на историческую тему») все же не в точном следовании букве всем знакомых учебников и мало кому известных монографий.

Рабочий вариант названия – «Святитель Алексей» – выдает первоначальную идею авторов: создать биографический эпос о великом деятеле русского православия. Действительно, реальный митрополит Алексей, происходивший из богатого боярского рода, – крайне интересная и незаслуженно забытая фигура. Он был вовлечен во все хитросплетения политической жизни русских земель второй трети XIV в. Не раз бывал в Орде и в Константинополе. При трех московских князьях фактически руководил внешней политикой Московского княжества, способствовал введению на Руси общежительного монашеского устава, с которым начался расцвет русских монастырей.

Ibidem. L. 535.

⁵⁶ Там же. Л. 536.

Ibidem. L. 536.

⁵⁷ Почанин С.З. Указ. соч. С. 254.

Pochanin S.Z. Op. cit. P. 254.

⁵⁸ ВЧК уполномочена сообщить... 1918 г. Жуковский; М., 2004. С. 226–229.

VChK upolnomochena soobshchit... 1918 g. Zhukovskiy; Moscow, 2004. P. 226–229.

⁵⁹ Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция: Смоленщина, 1917–1953 гг. М., 2011. С. 43.

Kodin E.V. Repressirovannaya rossiyskaya provintsiya: Smolenshchina, 1917–1953 gg. Moscow, 2011. P. 43.

⁶⁰ Там же. С. 44–48.

Ibidem. P. 44–48.

⁶¹ Известия ВЦИК. 1918. 29 окт. С. 5.

Izvestiya VTsIK. 1918. Oct. 29. P. 5.

⁶² ВЧК уполномочена сообщить... С. 226–229, 244–246.

VChK upolnomochena soobshchit... P. 226–229, 244–246.

Но вот только фильм А. Прошкина – совсем о другом. На маленьком, пусть и самом знаменитом эпизоде из биографии митрополита, авторы показали свою версию инвариантного мифа об отношениях государства Российского и Русской церкви. Даже шире: светской власти и духовной культуры.

Великий князь Московский Иван Красный (В. Хаев) на коленях молит митрополита Алексия (М. Суханов) отправиться в Орду к хану Джанибеку (И. Дакаяр) ради спасения Москвы. Сразу после отъезда Алексия и его келейника Федьки (А. Яценко) князь приказывает найти нового митрополита и собирать в казну деньги для откупа от ордынцев: не верит князь в чудо. Таким же прагматичным предстает в картине хан Джанибек. Он не видит «толк» в боге христиан, который даже себя не смог защитить. Но так и не дождавшись чуда исцеления от брахмана и шамана, все же обращается к православному митрополиту.

Хан создает для чуда «под заказ» все условия и в случае успеха готов щедро вознаградить исцелителя. Неудача, естественно, повлечет за собой суровое наказание.

Первая попытка Алексея вернуть зрение Тайдулле (за свое прекрасное исполнение актриса Р. Хайруллина получила приз Московского кинофестиваля) не удалась – хан с позором изгоняет его из Сарая. И приказывает убивать ежедневно каждого третьего русского раба на глазах митрополита, чтобы пробудить в нем желание творить чудеса.

«Власть – это азиатчина. Не в географическом смысле, а в смысле методов. И подобные методы борьбы имеют тенденции к самоуничтожению», – заметил в интервью газете «Известия» сценарист Ю. Арабов. В первом эпизоде фильма претендент на ханский престол душил своего родного брата на глазах вельмож и иностранных послов, замерших в оцепенении. В финале картины недавний убийца будет отравлен собственным сыном. Смерть в Орде показана как обычное дело, которое никого особо не волнует. Когда хан Джанибек потребует «убрать» шамана, не справившегося с исцелением матери, стражник сразу за порогом просто перережет ему горло. На что хан, слегка смутившись, заметит: «Что за народ! Я не просил его убивать».

Азиатско-кафкианской власти в фильме противостоит митрополит Алексей (в великолепном исполнении М. Суханова). В начале картины митрополит кажется человеком слабым и сомневающимся. В свою способность исцелить ханшу не верит, считая требование совершить чудо страшным грехом. На слова Ивана Красного о чуде, которым он избавил город от чумы, отвечает: «Может, случайность. Нам не ведомо».

В Орде Алексей пройдет весь путь унижений и мытарств, опустится на самое дно: вместе с рабами будет собирать кизяк в степи. И едва не

сгорит в адском огне ханской бани. Пока в кульминации фильма не превратится в святителя.

Режиссер не показал момент чуда – исцеление Тайдуллы. Сам Алексей, перед которым склонится хан, отрицает свою связь со свершившимся: «Я ничего не сделал». Хотя в историографии считается, что за это чудо Русская церковь была избавлена от всех даней и поборов. Алексей в фильме откажется от любой награды, лишь попросит лисью шубу для своего путанного спутника – келейника Федьки, едва не перешедшего в ислам.

Фильм заканчивается лаконичным титром: Орда распалась, а объединившаяся Русь ее поглотила.

Причины распада монголо-татарского государства для зрителя очевидны. Каждый следующий хан выглядит все более слабым и порочным (от brutального батыра до юнца с подкрашенными глазами): в потомках Батые утрачен дух воинов, верх взяли политиканство и стяжательство.

А вот в чем причина возвышения Москвы, объединения русских земель под властью Великого князя Московского? Ведь никаких воинских побед не показано. Наоборот, русские предстают какими-то отрешенными и принимающими без упреков и беды, и саму смерть.

В Орде А. Прошкина и Ю. Арабова «политкорректно» приветают все религии: от шаманизма до православия (исторически к тому времени монголо-татарскими завоевателями был принят ислам). С другой стороны, когда ордынские послы прибывают в Москву, чтобы передать послание хана, улицы ее пустынные: все жители вместе с князем молятся в храме.

С идеей фильма об Алексии выступила продюсерская компания «Православная энциклопедия». Известные режиссер и сценарист были специально приглашены на этот проект. Уже после премьеры А. Прошкин в интервью изданию «Газета.ру» признавал факт обсуждения с продюсерами возможного «пропагандистского» характера фильма. По его словам, заказчики заверили его в том, что это – «художественный проект».

В итоге фильм был профинансирован государственным кинофондом Н.С. Михалкова. Не чудо ли?

И митрополит Филипп из фильма «Царь», и отец Александр Ионин из фильма «Поп» (тоже проект «Православной энциклопедии»), и, наконец, святитель Алексей – все эти экранные герои должны подтвердить независимую роль священства и продемонстрировать акты духовного сопротивления Русской церкви даже перед лицом безбожной или осквернившей себя государственной власти. Это что, зародилась и крепнет новая тенденция в «государственном заказе» в сфере культуры?

Однако независимо от «высокой» духовной политики, фильм «Орда» производит сильное впечатление. Мастеровитые и талантливые авторы раскрыли тему оригинально, создав произведение глубокое и неоднознач-

ное. Так, протоиерей и историк Г. Митрофанов увидел в фильме «церковно-общественный поступок», показывающий, «как легко потерять Христа в современной жизни». Напротив, отдельные татарские критики полагают, что авторы встали на «путь исторического обмана». На наш же взгляд, рассказ о распадающейся державе, где никто не понимает цену подлинному чуду, а от святителей требуют лицемерия и ханжества, звучит в нынешней России очень уж современно.

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Коротеева Н.Н. Государственная политика в сфере российской фармации XVI–начала XX в. Курск: Курский государственный университет, 2010. – 451 с.

«НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ» ИСТОРИИ ФАРМАЦИИ В РОССИИ

Вышедшая в 2010 г. монография Н.Н. Коротеевой представляет собой повторение ее ранее опубликованных работ: «История фармации (XVI–начало XX вв.)» (Курск, 2006. – 303 с.) и «Российская фармация, XVI–начало XX в.: вопросы историографии и источниковедения» (Курск, 2009. – 59 с.).

Что сразу обращает на себя внимание – несоответствие названия книги (а также 3-й и 4-й глав) содержанию. Речь идет об истории аптечного дела, а «фармация» – гораздо более широкое понятие. «Медицинский толковый словарь» определяет фармацию как отрасль знаний и практической деятельности по изысканию, исследованию, изготовлению, стандартизации, хранению и отпуску лекарственных средств (М., 2005. С. 231). Есть и другие определения, значительно расширяющие значение термина. Автор же в постановке задач и содержании монографии концентрирует внимание на становлении и развитии аптечного дела в России, а не фармации.

Слишком широкие хронологические рамки предопределили поверхностное рассмотрение темы. Не обозначен четко круг исследуемых вопросов: основное внимание уделяется лекарственному обеспечению гражданского населения, попутно рассматривается лекарственное обеспечение армии. Эпизодически «всплывают» вопросы развития фармацевтических наук «как фактора развития фармацевтической отрасли». Расплывчаты территориальные границы исследования.

1-я глава, посвященная историографии и источниковедению, дублирует вышеупомянутую брошюру. У автора отсутствует четкое представление о том, что является историческим источником, а что – историческим исследованием. Так, к исследованиям по истории фармации отнесены лечебники, сборники законодательных и нормативных актов и т.п. Историографический обзор носит описательный характер, исторический подход отсутствует. Нет аргументированных оценок упомянутых работ.

Не выявлены особенности дореволюционной, советской и постсоветской историографии. В частности, авторы, писавшие в пореформенный период, основное внимание обращали на организацию медицинской помощи в деревне. В советское же время – на социально-экономическое положение аптекарских служащих, участие фармацевтов в классовой борьбе и т.п.

Упрек автора в адрес исследователей досоветского периода в том, что в их работах история фармации всегда рассматривалась вместе с историей медицины, лишен оснований. Иначе и быть не могло: в России, как и в других странах, фармация возникла и длительное время развивалась как составная часть медицины.

Ряд монографий и учебников, посвященных истории отечественной фармации XVI – начала XX вв. (В.М. Сало, В.Ф. Семенченко, В.А. Егорова и Е.Л. Абдулмановой), и фундаментальное исследование М.Б. Мирского по истории медицины в России не получили должной оценки. Вне поля зрения автора остались работы А.Н. Шамина, создавшего курс по истории фармации в ММА им. И.М. Сеченова (2002–2004 гг.), и монография И.В. Зимина «Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX вв.)» (СПб, 2004. – 368 с.), где изучены вопросы истории фармацевтического образования. Не рассмотрены автором и работы А.П. Нелюбина, который одним из первых начал читать курс истории фармации (XIX в.).

А с профессорами из Германии Т. Мейер-Штейнегом и К. Зудгофом и вовсе вышел конфуз: они попали в число советских исследователей.

Вызывает недоумение положенный автором в основу классификации источников «проблемно-хронологический принцип» (с. 45), а также объединение в § 1.2 источниковой базы и вопросов методологии. Автор не рассмотрела нормативные акты Медицинской коллегии: фармакопеи, первый Аптекарский устав и таксу (1789 г.). Не включены в источниковую базу важнейшие материалы: Устав Воинский (1716 г.), «Генеральный регламент о госпиталях» (1735 г.), «Инструкция коллегии медицинской» (1763 г.), «Высочайше утвержденное Учреждение Департамента казенных врачебных заготовлений» (1836 г.), отчеты Медицинского департамента МВД и официальный орган МВД «Архив судебной медицины и общественной гигиены» (последнее название: «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый при Управлении главного врачебного инспектора МВД») и другие. Без привлечения этих материалов невозможно исследование заявленной темы. Не рассмотрен и такой важный вид источников, как работы отечественных фармацевтов и медиков XVIII – XIX вв. (Н.М. Максимовича-Амбодика, Т.Е. Ловица, Ю.К. Траппа и других).

Из широкого круга медицинской периодики автор использовала лишь журналы фармацевтического профиля, оставив в стороне такие издания,

как «Земская медицина», «Московская медицинская газета» и другие. В последнем еженедельнике, в частности – в 1860-е гг., был помещен ряд полемических статей об устройстве сельской медицины, в том числе и аптечного дела.

В общем-то, собственно источниковедческий анализ отсутствует.

2-я глава «Становление и государственное реформирование фармации (XVI – XVIII вв.)» объединяет два различных по содержанию этапа в развитии аптечного дела и медицины в целом. Реформирование, кстати, имело место не только в XVIII в., но и в XIX–XX вв. Рассмотрев предпосылки организации аптек и сделав вывод о том, что «дальнейшее развитие фармации шло эволюционным путем» (с. 100), автор переходит к рассмотрению достижений в науке и образовании в XVIII в.: § 2.2 содержит бессистемно скомпонованный материал об использовании природного сырья в фармации, развитии ремесленных химических производств, оплате труда служащих, организации обучения в Аптекарском приказе, вкладе М.В. Ломоносова, С.П. Крашенинникова, П.С. Палласа и других в развитие отечественной фармации. В последующих главах автор также уделяет внимание развитию науки и образования, но, как и в первом случае, повторяет хрестоматийный материал, не являющийся результатом собственных исследований.

Центральное место во 2-й главе занимает история создания органов управления медицинским делом и правовой базы аптечного дела. Сразу заметим: государственных органов управления аптечным делом, о которых пишет автор (с. 124, 403 и другие), в рассматриваемый период не существовало. Это были органы управления медициной, и первым из них стал Аптекарский приказ. В XVIII в. управление медициной реформировалось неоднократно. В этой связи на с. 134–135 автор пространно размышляет: «Остался ли Аптекарский приказ в Москве или же он был переведен в столицу и переименован в канцелярию? Тогда какой орган управления медицинским делом функционировал в Москве? Можно предположить, что Аптекарский приказ существовал параллельно с Аптекарской канцелярией в течение нескольких лет...»

Ничего предполагать не нужно: этот вопрос уже досконально изучен А.А. Будко и А.В. Шабуниным («История медицины Санкт-Петербурга, XVIII век.» СПб., 2003. С. 60–61), а также М.Б. Мирским («Медицина России X – XX веков» М., 2005. С. 138–139).

В схеме «Структура управления аптечным делом...», предложенной Н.Н. Коротеевой (с. 136), в одно целое объединены Аптекарский приказ и Медицинская коллегия (а также Медицинская контора и Аптекарская канцелярия), обозначена их функция («обучение аптекарскому искусству; организация лекарственной помощи населению и наблюдение за деятель-

ностью аптек») и штаты. Но это были различные по своей структуре, задачам, функциям, объему властных полномочий органы. Соответственно, различными были и штаты.

Рассмотрение вопроса о создании правовой базы аптечного дела ограничивается перечислением указов об открытии вольных аптек в Москве и запрете на внеаптечную торговлю медикаментами, причем эта информация многократно повторяется. Между тем отсутствует даже упоминание о таких важнейших документах, как Устав Воинский (гл. 33 «О аптеке, о полевых докторях, аптекарях и лекарях и их должностях»), «Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи и часть вторая Регламента Морского» 1722 г. (гл. LI «О должности аптекаря у госпиталя»), «Инструкция Коллегии медицинской» (1763 г.). Не проанализирован «Генеральный регламент о госпиталях» 1735 г. (гл. I ст. 9 и гл. VII «О должности аптекаря у госпиталя»).

Сведения об Аптекарском уставе и аптекарской таксе (1789 г.) почему-то попали в 3-ю главу.

В § 2.4 «Мероприятия государства по расширению аптечной сети» смешаны сведения о вольных и казенных аптеках, их устройстве, заготовке лекарственного сырья, традициях народной медицины.

Авторские «положения» и «выводы» представляют собой набор не связанных между собой, нелепо сформулированных тезисов, подчас довольно надуманных и мало соответствующих историческим реалиям. Приведем два из них: «Оценивая возможности фармации данного исторического периода, важно учитывать тот факт, что она позволила народу использовать и применять на практике опыт народной медицины для выживания в условиях несовершенного медицинского знания» (с. 159); «Специфичность аптечного дела: случаи отравлений, злоупотребления лекарствами как ядами, стремление к монополизации торговли лекарствами со стороны властей требовала особого контроля и вмешательства со стороны государства. Вследствие чего был создан орган контроля – Аптекарский приказ» (с. 159). Неуместен тезис о планомерном расширении аптечной сети в XVIII в. (с. 162).

3-я глава названа с немалой претензией на «новизну»: «Развитие фармации в период деятельности приказов общественного призрения (конец XVIII – середина XIX вв.)». Здесь нужно вспомнить мысль автора о том, что «предпосылкой научного исторического исследования фармации является правильная периодизация» (с. 9). Споры нет. Вопрос в том, какие выбирать вехи. Логично считать рубежом 1803 г.: было создано Министерство внутренних дел, в ведение которого и перешли дела упраздненной Медицинской коллегии. Н.Н. Коротева выбрала 1775 г.: «Создание приказов общественного призрения стало шагом к децентрализации управления аптечным делом, отстранению Медицинской коллегии от не-

посредственного руководства этими приказами, хотя она и продолжала осуществлять общее руководство фармацией в России посредством созданных в 1797 г. врачебных управ» (с. 163). И ниже: «Создание врачебных управ имело целью усиление контроля за деятельностью аптечных учреждений» (с. 170).

В действительности приказы общественного призрения создавались как учреждения государственной благотворительности (с участием представителей от сословий). Они занимались организационными и административно-хозяйственными вопросами. Естественно, Медицинская коллегия и не претендовала на руководство приказами. Но *вся* медицинская часть находилась в ведении Медицинской коллегии и только Медицинской коллегии. В «Инструкции Коллегии медицинской» читаем: «Никакой иной в государстве департамент, кроме сей Коллегии власти иметь не должен...» (ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XVI. № 11964). Коллегии были подчинены местные органы – врачебные управы, а контроль аптечной деятельности являлся лишь одной из функций врачебных управ.

Как можно понять, смысл выбора 1775 г. и вышеприведенного пассажа Н.Н. Коротеевой состоял в «открытии нового явления» в истории аптечного дела – «приказной фармации» (с. 163). Введение автором этого понятия ничем не оправдано. Доля аптек приказов общественного призрения в аптечной сети – менее 5 %: 31 аптека из 660-ти в 1840 г. (с. 207). В подавляющем большинстве аптеки были частными. Аптеки больниц приказов – структурные подразделения этих учреждений – не имели специалистов-фармацевтов (к середине XIX в. фармацевты появляются только в губернских больницах), аптеки в уездных лечебницах зачастую не имели специального помещения и не располагали производственной базой.

Впрочем, при дальнейшем изложении автор уже не фиксирует свое внимание на аптеках приказов.

Н.Н. Коротева утверждает, что в период «приказной фармации» происходило укрепление «ведомственной фармации» (с. 173). Доказательство: в 1851 г. при Министерстве государственных имуществ была устроена аптечная часть (с. 254). А вот это – уже фальсификация. «Положение о медицинской части Министерства государственных имуществ» не предусматривало организации аптечной части. По «Положению» при главном медике МГИ состоял фармацевт, а лекарственным снабжением занимались губернские врачи МГИ (ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXVI. Отд. 2. № 25850).

Неясен вопрос об аптечной монополии: то она оценивается автором положительно, то негативно. Роль аптечной монополии действительно менялась, и ее необходимо рассматривать аргументировано, в динамике.

Глава содержит противоречивые утверждения. Обратим внимание на главные.

«Таким образом, – пишет Н.Н. Коротеева, – в этот период [Начало XIX в. – Е.С.] произошла децентрализация управления и дробление аптечного дела...» (с. 173). Чуть ниже: «Таким образом, в управлении фармацевцией восстанавливается тенденция к централизации аптечного дела» (с. 174). И, наконец, заключительная фраза § 3.1, потрясающая воображение читателя: «Таким образом, аппарат управления в этот исторический период еще более централизовался, что было вполне оправдано особым характером аптечной деятельности, направленной как на сохранение здоровья людей, так и на возможность различного рода злоупотреблений» (с. 187).

В период «приказной фармации», считает автор, происходит незначительный рост аптечной сети в России (с. 213, а также с. 8, 262). Однако опровергает самое себя, приводя следующие данные: около 100 аптек – в конце XVIII в. (с. 139), а в 1848 г. – 689 (с. 211).

Резюмирует содержание главы утверждение, что «аптечное дело в России исследуемого периода представляло собой, на столичном уровне, высокоорганизованную отрасль медицины, в которой важное место занимала проблема “не причинения вреда” больному, а, с другой, – на провинциальном уровне – отсталую, “зеленую” форму оказания лекарственной помощи населению» (с. 263). И ни слова о «приказной фармации».

4-я глава «Фармация в условиях индустриальной модернизации середины XIX – начала XX вв.» открывается тезисом, который отражает позицию автора по данному вопросу: «...Аптечное дело с 1864 г. оказалось в ведении земского самоуправления. В России родилась земская фармация – оригинальная прогрессивная форма организации бесплатной лекарственной помощи всем слоям населения» (с. 264). Тезис неверен от начала до конца. Казенные и вольные аптеки не состояли в ведении земств. Губернские и уездные земства ставили задачу оказания доступной лекарственной помощи крестьянам, а не всем слоям населения. Только в 1893 г. земства добились на определенных условиях права продажи лекарств с 50-процентной скидкой. Практика бесплатного снабжения лекарствами получила распространение в начале XX в.

Неверно использование термина «земская фармация» (автор имеет в виду земское аптечное дело) как понятия, отражающего специфику развития аптечного дела в 1864–1917 гг. Н.Н. Коротеева пишет: «Интересен факт, что в основном, по стране все аптечные учреждения находились в частной собственности» (с. 250). Действительно интересно: в начале XX в. в России насчитывалось 3 373 аптеки, из них земских аптек – 160 (*Веселовский Б.* История земства за сорок лет. Т. 1. СПб., 1909. С. 400), то есть 4,74 % (кстати, автор не приводит данных о количестве земских аптек). Аптеки при земских больницах, врачебных участках и фельдшерских пунктах не являлись самостоятельными учреждениями, а потому не учитывались ста-

тистикой. На каком же основании автор характеризует вторую половину XIX – начало XX вв. как период «земской фармации»? Непонятно.

Автор пытается разобраться в структуре управления врачебной частью в России (§ 4.1), что следовало сделать ранее (как и рассмотреть вопрос о типах аптек): эта структура сложилась в первой половине XIX в.. По схеме на с. 265 Главное военно-медицинское управление Военного министерства оказалось подчиненным Министерству внутренних дел, что само по себе абсурдно. А его функцией объявлена заготовка аптечных припасов для армии и флота. Также заботами о развитии аптечной сети, по Н.Н. Коротеевой, ограничены функции всех органов управления медициной. Как же управлялись казенные аптеки? Непонятно.

Цель «земской фармации», – пишет Н.Н. Коротеева в § 4.3, – «оказание качественной бесплатной лекарственной помощи» (с. 341), чему власти оказывали противодействие. Действительно, земства сталкивались с препятствиями административного и законодательно-нормативного порядка. Но нелепо объяснять «ограничение деятельности земств по вопросу бесплатного лекарственного обслуживания» «отсутствием в штате Медицинского департамента специалистов – фармацевтов» (с. 340). Сами земства, располагая ограниченными возможностями, отнюдь не всегда поддерживали идею раздачи лекарств. Представление о том, сколь сложными были решения по вопросам бесплатного медицинского обслуживания, дает дискуссия 1860-х – 1870-х гг., развернувшаяся на страницах медицинской печати с участием таких крупных деятелей земской медицины, как Л.Ф. Змеев, М.Я. Капустин, В.О. Португалов.

В параграф, посвященный земским аптекам, помещены сведения о социальной защите фармацевтов, создании профессиональных объединений и участии в классовой борьбе, что совершенно неоправданно.

Нелогичным выглядит § 4.4, где объединены частное аптечное дело и «военная фармация». Сведения о «военной фармации» разбросаны автором по разным параграфам, базовые документы не изучены, и целостная картина о лекарственном обеспечении армии и флота не вырисовывается.

Серьезным упущением Н.Н. Коротеевой является отсутствие раздела о фармацевтических кадрах. Каков был их социальный, национальный состав, образовательный статус, права, привилегии, условия труда? Как менялось их положение на протяжении исследуемого периода? Эти важнейшие вопросы остались вне поля ее зрения.

Монография изобилует фактическими ошибками. Укажем на самые грубые и поразительные.

«Шестоднев» не является лечебником (с. 75) – это произведения философско-богословского характера (существует несколько вариантов «Шестоднева»).

Должность архиатра была упразднена не в 1730 г. (с. 138), а в 1762 г. Штафт-физику в Москве и Петербурге не руководили всем медицинским делом в стране (с. 138): их полномочия ограничивались «своим» городом.

Россия была разделена на губернии в ходе реформы местного управления 1708–1710 гг., а не в 1775 г. (с. 163).

Обескураживает стиль автора. Приведем некоторые образцы.

«При наличии такой аптеки [Привилегированной. – Е.С.] в населенном городе, она составляла для земства статью дохода при правильном контроле ее... Не привилегированные аптеки или аптечные склады, управляемые провизорами также давали уверенность в качестве и правильном приготовлении лекарств» (с.315).

«Развивающаяся общественная жизнь расшатала аптечные привилегии, поскольку на смену существующему аптечному строю пришел общественный земский строй» (с. 325).

В целом монография представляет собой хаотично нагроможденный несистематизированный и неосмысленный материал. Обилие второстепенных деталей привело к тому, что «за деревьями не видно леса». Анализ правовой базы аптечной деятельности отсутствует: указы, законы и подзаконные акты лишь перечисляются. Автору недостает понимания логики развития аптечного дела, оно рассматривается вне связи с развитием медицины и здравоохранения.

В общем, первая, по самооценке автора (с. 397), попытка углубить «представление о влиянии государственных управленческих структур... на политику по лекарственному обеспечению населения и организации фармации» (с. 65) не удалась. Да она, кстати, и не была первой.

Выводы автора не новы, за исключением, пожалуй, следующего: «В России фармацевтическая законодательная база изначально обеспечивала интересы владельцев частных аптек. Причина этому – отсутствие аптечных учреждений на этапе становления...» (с. 402).

Периодизация, предложенная автором, – единственное отличие данной работы от монографии, опубликованной в 2006 г. В последней Н.Е. Коротеева еще придерживалась традиционных взглядов и отделяла фармацию XV–XVII вв. от фармации XVIII в., с чем мы вполне согласны. На этой оптимистической ноте и поставим точку.

Е.М. Смирнова

Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков, 1880 – 1904 гг. М.: Инсофт, 2010. – 232 с.

МОСКОВСКАЯ ОХРАНКА: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ

История Российской империи рубежа XIX – начала XX вв. имеет много аспектов изучения, интерес и актуальность которых только возрастают. Современный многофакторный анализ дает далеко не однозначную и противоречивую картину последних десятилетий империи, тенденций ее развития и причин гибели. При этом подчас малозначительный факт или единичное событие могут предстать симптоматичным явлением, ярко иллюстрирующим тенденции развития, подтверждаемые огромным количеством собранной информации. Такие симптоматичные явления и характеризующие процессы всегда особо привлекали общественный, публицистический и научный интерес.

Одним из таких «частных» аспектов является противостояние правоохранительной системы империи революционному движению. Он позволяет прояснить не только уровень общественной и массовой поддержки революционных партий и идеологий, понять стратегию и тактику революционных сил, но и осознать глубину административного кризиса, который объективно проявился в успехах и неудачах полицейских учреждений.

Исследования правоохранительных органов империи в последние годы представлены важными публикациями, в которых отражены акты реформирования III Отделения Е.И.В. канцелярии, создание и эволюция Департамента полиции, Отдельного корпуса жандармов и новых органов защиты правопорядка. Важной вехой стала публикация разнообразных документов о революционно-террористической деятельности и воспоминаний полицейских чинов. Однако остаются не выясненными вопросы функциональности, взаимосвязь и взаимозависимость структур правоохранительной системы самодержавия. Еще более дискуссионным является вопрос о продуктивности деятельности всевозможных охранных отделений и губернских жандармских управлений. Равно как и вопрос о влиянии периодического реформирования правоохранительной системы на разгромы народнического движения, многочисленных террористических и националистических групп в последние десятилетия Российской империи. И, наконец, – ключевой вопрос: почему достаточно развитая и функциональная, в целом, правоохранительная система не смогла предотвратить Февральскую революцию?

Новая монография известного историка Юрия Федоровича Овченко, давно и плодотворно исследующего историю самодержавной право-

охранительной системы, позволяет на это противостояние взглянуть сквозь призму деятельности Московского охранного отделения. Хронологические рамки исследования начинаются периодом его становления в начале 1880-х гг. и заканчиваются известными попытками начальника отделения С.В. Зубатова (1896–1902 гг.) противопоставить «полицейские профсоюзы» революционному движению.

В исследовании представлен процесс формирования секретно-розыскного отделения второй столицы и сложный ход урегулирования функциональных полномочий с губернским жандармским управлением и общей полицией в период всплеска народнического террора. Отягчала этот процесс принадлежность к разным силовым структурам: охранного отделения и общей полиции – к Департаменту полиции, а жандармского управления – к Отдельному корпусу жандармов, при этом «действия корпуса жандармов по вопросам розыска были согласованы с Департаментом полиции, а не подчинены ему» (с. 32). Анализируя произошедшие структурные изменения российской правоохранительной системы в 1870–1880-е гг., автор приходит к убедительному выводу, что в ней «повысилась взаимозависимость розыскных органов» (с. 42). Это же проявилось и в перераспределении полномочий и функций между тремя силовыми структурами. На жандармское управление был возложен сбор сведений о революционном движении, однако оно «не ведет по ним разработку», «общая полиция стала исполнительным органом охранки в ведении розыска», а организация внутренней и наружной агентуры, то есть собственно розыск, осуществляется охранным отделением. При этом, «розыск становится ведущим направлением деятельности полиции, а дознание, помимо расправы, служило задачам розыска» (с. 74). Таким образом, в результате реформирования все звенья жандармско-полицейского аппарата самодержавия были объединены в политический розыск, который представлял собой систему оперативно-тактических мероприятий, нацеленных на «обнаружение, фиксацию, разработку и оперативную реализацию розыскных данных» (с. 41). Такая взаимосвязь дала возможность исполнить основную стратегию карательной политики самодержавия в отношении оппозиционного движения – соединить дознание, следствие и наказание в одних руках, что вместе с тем позволяло бесконтрольно использовать административное или уголовное наказание к противникам режима.

Сложная взаимосвязь и соподчиненность политической полиции и жандармерии вызывали разнообразные суждения ведомственных чиновников, оформляемые и подаваемые в виде служебных записок на имя начальства. Автор монографии эти ведомственные и личные мнения представляет и анализирует, что является особенно полезным для раскрытия тенденций развития и реформирования полиции, понимания служебных

инструкций и положений. Так, представлены различные рассуждения московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова, петербургского градоначальника А.Ф. Федорова, несколько записок С.В. Зубатова и В.К. Плеве, дискуссии на ведомственных совещаниях.

От освещения карательного аппарата и стратегии карательной политики Ю.Ф. Овченко переходит к характеристике самого политического розыска, показу тактических противоречий полицейской борьбы с революционным движением. Как он отмечает, в основу противодействия революционным организациям охранка положила два оперативно-тактических приема. Во-первых, пресечение их противозаконных действий на начальной фазе развития. И, во-вторых, их разгром на стадии продуктивной деятельности, что давало возможность, собрав достаточный изобличающий материал, подвергнуть революционеров более жестокому уголовному наказанию. Именно вторая тактика, при высоком профессионализме и многочисленности московской охранки, позволяла буквально каждого революционера знать в лицо и отслеживать его действия, что успешно использовалось против небольших заговорщических групп народнических организаций, студенческих кружков и при зарождении социал-демократического движения.

Именно под такую тактику и был в полной мере приспособлен аппарат московской охранки. Секретные сотрудники охранки освещали внутренние процессы революционных групп, а филеры – конкретизировали связи, контакты и окружение. Понимая невозможность мерами охранки справиться со стремительно проникающим в пролетарскую массу социал-демократическим движением, С.В. Зубатов пытался ослабить его, искусственно поддерживая оппортунистические движения в социал-демократии (с. 135) и предлагая новшество в виде организации «полицейских профсоюзов». Формально зубатовские организации могли обрести поддержку рабочих, но по существу, как отмечает Ю.Ф. Овченко, они носили «провокационный» характер и являлись «оперативно-тактическим приемом, подрывной деятельности полиции» (с. 52). Именно это и проявилось в развитии зубатовского движения. До тех пор пока они занимались досугом рабочих, эти организации имели поддержку власти, но как только стали влиять на трудовые отношения – «злонамеренная провокация» была пресечена самой же властью.

Ю.Ф. Овченко особо оговаривается, что такой методики, требующей очень высокой квалификации, придерживались только в охранных отделениях, и то лишь в лучших из них. Губернские жандармские управления были ориентированы на дознание, а не на розыск, что сказывалось в стремлении при первых имеющихся возможностях сразу «хватать» подозреваемого, руководствуясь принципом «арестовать впредь до выяснения при-

чин ареста», а в случае отсутствия улик подвергнуть административному наказанию (с. 67). Такая методика при малочисленном оппозиционном движении в провинции в конце XIX в. приносила свои положительные плоды. Однако при революционном массовом движении она себя не оправдала. Пытаясь ее дополнить, Департамент полиции требовал от губернских жандармских управлений расширения полицейской агентуры, а в декабре 1906 г. подчинил их районным охранным отделениям, которые объединяли и направляли деятельность местных органов политического розыска.

Важной частью монографии, как и крупным достижением Ю.Ф. Овченко как исследователя, является подробное фактографическое освещение охранных методик. Изучив большое количество источников, он особо выделяет работу внутренней агентуры, показывает методы вербовки агентов, все нюансы, специфику и тенденции этой охранной деятельности. Он приходит к выводу, что после разгрома народнического движения, в последние десятилетия XIX в., Московское охранное отделение особое внимание стало уделять студенческому движению. Это отразилось и на количестве секретных сотрудников. Так, в 1884 г. из 14-ти агентов только на студенческие кружки приходилось 9 (с. 94). Указывая на необходимость «секретных сотрудников» (осведомителей, «штучников», «лягавых» и прочих) для розыскных действий, Ю.Ф. Овченко обращает внимание на то, что эта методика борьбы порождала провокационные тенденции как среди самих правоохранителей, так и среди внедренных в революционную среду полицейских агентов. «В условиях перехода правительства к политической реакции полиция применяла провокацию, благодаря которой получала возможность ускоренными темпами выявить своих врагов и осуществить над ними расправу. Из этого следовало, что провокация являлась составной частью правительственного террора и, как оперативно-тактический прием, применялась полицией» (с. 92). Кроме того, провокация использовалась «как средство создания недостающих улик» (с. 52). Не последнюю роль в применении и распространении провокации играли и корыстные интересы. По существу, идейные сотрудники, какой была А.Е. Серебрякова, среди внутренней агентуры встречались крайне редко.

На почве российской действительности из столь уязвимого в законности, политических и материальных вопросах явления как провокация нередко урождались многочисленные плоды вопиющего беззакония и карьеризма. Примеры преступной деятельности судейкиных, рачковских, азефов, рыссов, богровых и малиновских являются хрестоматийными, причем эти примеры можно многократно продолжить. Так, заурядный острогожский исправник (Воронежская губ.) в 1909 г. сообщал о создании у себя в уезде сети из 88 (!) секретных сотрудников, причем не состоявших

ни в одной партийной организации. Заметим, что даже у такого профессионала как начальник С.-Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов в 1909 г. было только 120–150 партийных агентов.

Вопиющим примером провокаторства является анархистский «Союз народной мести». «Учиненный единолично» в конце 1908 г. секретным сотрудником Московского охранного отделения И. Русановым, союз за два года издал несколько прокламаций, выпустил программу и провел два «съезда». Несмотря на отсутствие иной деятельности, союз вызвал закономерное беспокойство Департамента полиции, переписку между столичными охранками и ввел в заблуждение некоторых современных исследователей. «Серьезной попыткой объединения всех революционных групп и организаций» называет его появление исследовательница А. Гейфман; отмечает его деятельность и историк анархизма М. Худайкулов. В действительности, как союз, так и его «деятельность» были вымышленным продуктом самого Русанова, для убедительности подкрепленным написанными им прокламациями. Но выяснилось это только в ноябре 1910 г. Аналогичная ситуация сложилась в 1911 г. в Воронежской губернии. Местное жандармское управление несколько месяцев будоражил и держал в напряжении секретный сотрудник Ф. Шапошников, в своих сообщениях описывая приготовления к террористической деятельности также вымышленного анархистского «Союза десяти».

В монографии Ю.Ф. Овченко не менее пристальное внимание уделено характеристике работы московской наружной агентуры, которая была представлена лучшими специалистами этого дела в империи – Летучим отрядом филеров Е.П. Медникова. Характеризуются приемы и специфика этой формы отслеживания революционного движения, методики привлечения филеров к следственным действиям и судебным процессам, способы анализа доставляемых филерами сведений. На основании этого автор приходит к важному выводу: Летучий отряд филеров «превратился в подвижное розыскное отделение, которое, помимо наружного наблюдения, занималось формированием агентуры центрального подчинения» (с. 59).

Как ни стремилась предотвратить полиция «слияние народолюбивого террора со стихийным движением масс» (с. 91), именно это произошло в революцию 1905–1907 гг. Кризисное состояние российского общества и высокий уровень социального экстремизма при активной неонароднической, социал-демократической, анархистской и разнообразной националистической пропаганде породили поддержанное массами революционное движение. В революционном арсенале был опыт не только индивидуального террора народников, но и методы вооруженных восстаний, партизанских акций, и что еще более опасно для любого правительства – общественное оппозиционное движение. Старая тактика полицейской си-

стемы империи оказалась не способной обеспечить адекватную реакцию на такие формы протестов. Власть прибегла к массовым репрессиям, «скодрельному» судопроизводству, применению войск и карательных экспедиций против своего народа.

В свою очередь, и революционные организации пытались противодействовать охране. Постановление службы, организационные новшества, полицейские распоряжения и инструкции были известны в партиях благодаря как налаженным связям с представителями правоохранительных органов, так и компетентным перебежчикам из самой полиции (В.Д. Березневский, Н.В. Клеточников, М.Е. Бакай, Л.П. Меньшиков). Сведения о порядке формирования стражи, об охранных конвоях Е.И.В., об инструкциях филерской службы имели огромную важность для революционных террористов. Обладание такой информацией облегчало выполнение «боевых задач» и способствовало повышению уровня конспиративности.

Особое значение для революционных и боевых организаций приобрела «контрразведывательная» деятельность, то есть комплекс мер, нацеленных на противодействие антиреволюционным усилиям правительства. В первую очередь, это касалось внедренных в организацию провокаторов и агентов полиции. Страх и нетерпимость к провокации толкали революционеров на расправу с подозрительными фигурами даже при малейших сомнениях. Если предательство подтверждалось, следовало официальное партийное заявление-предупреждение, после чего жизнь агента подвергалась серьезной опасности. Спаситься от жестокого наказания провалившийся агент мог переходом на официальную должность в МВД и особым повышением бдительности, но даже смена имени, места жительства и прежних контактов от возможного покушения не уберегала. Руководитель боевых дружин С.-Петербургского комитета РСДРП Э. Кадомцев спустя много лет вспоминал: «Весной 1907 г., в период черной реакции, надо было избавить партию от провокаторов, чтобы спасти кадры, переходящие в подполье. Боевики приняли эту работу на себя, и в феврале–марте, в один день, на улицах Петербурга были обнаружены трупы с дырками между глаз... Их было, примерно, штук двадцать. Это сделали боевики, мною инструктированные. Вот как рабочие дружины вели арьергардные бои, очищая партию от шпииков и провокаторов. Ни один из дружинников не промахнулся и истратил только по одному патрону на каждого гада». Данный случай другими источниками не подтверждается, однако сам комментарий руководителя столичных боевиков симптоматичен.

В отношении некоторых категорий служащих революционеры не отказывались и от прямого физического воздействия, запугивания и шантажа. К примеру, это касалось дворников, служба которых в XIX – начале XX вв. не ограничивалась только наведением чистоты во дворах, но вклю-

чала поддержание широко понимаемого порядка, содействие полиции в ее деятельности, контроль паспортного режима. Поэтому отношения между дворниками и революционерами сложились особенно напряженными. Так, в 1905 г. Батумский революционный комитет ультимативно требовал от домовладельцев уволить в двухдневный срок своих дворников. Призывали расправляться с ними польские националисты. Во время Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г. было убито 14 дворников.

В борьбе с охранкой большое значение для революционеров имело и качество личных документов. Оснащение нелегалов поддельными удостоверениями для большинства революционных организаций не являлось проблемой: чистых паспортных бланков за годы революции в волостных правлениях по всей стране было «экспроприровано» огромное количество, а техника заполнения осваивалась в организациях самостоятельно. Сложность вызывали только проставление поддельных печатей, но и здесь профессионализм был достаточно высок чтобы не вызывать подозрение при поверхностном осмотре документов. Отсутствие в паспортных книжках фотографий значительно облегчало их подделку. В случае сомнений в подлинности паспорта или его принадлежности лицу, предъявившему документ, полиции приходилось проводить длительную процедуру подтверждения не столько документа, сколько факта выписки паспорта по указанному месту выдачи. На это тратилось почти столько же дней, сколько составляло предварительное заключение без предъявления обвинения (31 день). Легальными считались те паспорта, которые выписывались органами местной власти реальным людям, не вызывающим подозрения у полиции. Принципиального значения не имело, при помощи воровства или добровольно эти документы оказывались в руках революционеров. Паспортами «второго сорта» были дубликаты с чужой паспортной книжки или заполненные произвольно, в меру воображения «паспортиста». Поэтому для полиции особенно важна была передача агентурной информации о том, под какими именами скрываются на данный момент революционеры, каким именем они пересекают границу и куда направляются.

В свою очередь, революционные нелегалы старались почаще менять свои конспиративные имена и паспорта. Иногда нелегальным революционерам было предпочтительно вообще не предъявлять паспорт, а после месячного предварительного заключения, если на них не находился более существенный «материал», получив административное наказание за беспаспортное существование, легализоваться с новым, уже выписанным полицией, паспортом. М.И. Васильев-Южин, член арестованного 9 декабря 1905 г. Московского федеративного комитета, отмечал курьезный случай, «характерный для охранки»: «Некоторые из нас сидели в тюрьме под вымышленными именами, по фальшивым паспортам. Московская

охранка легализовала эти фальшивые паспорта, выдав взамен их под теми же фамилиями заграничные».

Обстоятельно, со знанием дела и последовательно в монографии Ю.Ф. Овченко рассматриваются конкретные операции московской охранки против революционно-демократического движения, что придает ей исключительную значимость. Две главы целиком посвящены борьбе со студенческим движением, народовольцами и эсерами, ликвидации первых марксистских кружков и организаций. В этом отношении работа носит еще и крайне важный справочный характер, конкретизируя обстоятельства полицейских разработок, фигурантов дел, статьи приговоров. В приложении, кроме ведомственных источников по учреждению и организации Московского охранного отделения, большой интерес вызывает публикация двух документов: «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» (1882 г.) и «Инструкция гг. участковым приставам московской городской полиции по производству обысков, арестов и выемок по делам о государственных преступлениях» (1881 г.).

Коротким, но симптоматичным замечанием автора является утверждение о «явно преувеличенной роли Азефа в революционном движении» (с. 9). Это касается и руководства Евно Азефом Боевой организацией ПСР и его участия в самой террористической деятельности периода Первой российской революции, масштабы которой определялись не столько актами террора центральной Боевой организации ПСР (и, соответственно, саботажем «великого провокатора»), сколько деятельностью местных групп. Сам кризис революционного терроризма в большей степени можно связать с двумя периодами: второй половиной 1906 г., когда началось активно распространяться экспроприаторство, и серединой 1907 г., провальными попытками с помощью террористических акций активизировать угасшее массовое движение. По нашему мнению, разоблачение Азефа в 1908 г. только усугубляло организационный кризис центральной Боевой организации эсеров и активизировало критику революционного радикализма. Типичность азефовщины в большей степени относится к провокационным методам охранки, в революционном же движении азефовщина представляет собой только один из вариантов синдрома «ложного бонапартизма».

Намного меньше внимания в монографии уделено перлюстрационной работе охранки. Формально кабинеты перлюстрации не входили в структуру охранных отделений и вообще были противозаконны, однако, по нашему мнению, было бы целесообразно в работе такого масштаба и такого характера, с концептуальными авторскими выводами, рассмотреть

и этот важный элемент получения информации. Тогда удалось бы увязать друг с другом все источники полицейского информирования (перлюстрация, внутренняя и наружная агентура) в единую систему.

Как видится, спорным является утверждение Ю.Ф. Овченко о том, что «провал группы Бруснева наглядно показывал необходимость четкого размежевания между социал-демократами и народовольцами не только в идейном, но и в организационном плане, так как связи с народовольцами не через отдельных представителей, а всей организацией использовались охранкой для усугубления вины и более жестокой расправы» (с. 116). Во-первых, как сам же автор и полагает справедливо, полицейская расправа при необходимости нашла бы и иные доводы. Во-вторых, это был один из вариантов, хоть и бесперспективный, выхода социал-демократического движения из этапа «кружковщины». В-третьих, на этих провалах и анализе их причин формировались конспиративные навыки всего революционного движения. Наконец, в-четвертых, это была естественная стадия развития зарождающегося нового движения, и ее необходимо было пережить.

Детально проведенный Ю.Ф. Овченко анализ работы Московского охранного отделения позволяет сделать значимые выводы и о структуре революционных организаций. Практически ни одной деятельно противостоящей самодержавию оппозиционной группе не удалось остаться не «освещенной» охранкой. Несмотря на многочисленное структурное разнообразие революционных организаций, выделить преимущество какой-либо из них затруднительно. Охранка постоянно и успешно совершенствовала методы и способы противодействия оппозиционному движению. Некоторые конспиративные плюсы структуры «паучья сеть» («пятерки», «десятки», «сотни») нивелировались низкими возможностями партийного контроля, предрасположенностью к обособлению и организационными издержками управления.

В заключение выразим надежду, что продолжающиеся исследования местных и региональных учреждений политического розыска, сопоставление результатов их деятельности со столичными, позволят расширить наши представления о противоборстве между правоохранительной системой Российской империи и революционным движением на рубеже XIX–XX вв.

О.Н. Квасов

Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга», 2011. – 672 с.

Сегодня в нашем обществе сложилась весьма многочисленная группа людей – писателей, публицистов, общественных деятелей и просто граждан, – публично и громогласно объявляющих себя историками. При этом многие из подобных лиц слабо представляют себе, что такое историческое исследование и каковы должны быть его конечные результаты. Единственное, на что они способны, это собирать факты без какого-либо анализа и тиражировать многочисленные книги весьма сомнительного содержания. В том числе и популярные ныне биографические справочники. Как показывает опыт, если таким «горе-специалистам» и удастся создать что-то стоящее, то только на основании трудов своих предшественников-профессионалов, беззастенчиво приписывая себе результаты их научной деятельности.

Чтобы не быть голословными, поговорим о конкретном примере.

В конце 2011 г. в издательстве «Кучково поле» вышел увесистый фолиант в 672 страницы под названием «Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник». Главный автор-составитель книги – Иван Купцов. В том разделе, где содержатся сведения об авторах, указано, что он окончил в 2000 г. исторический факультет Челябинского государственного педагогического университета (с. 651). На самом деле, как свидетельствуют документы ЧГПУ, Купцов не является выпускником данного вуза: обучаясь заочно на историческом факультете, в 2000 г. он был отчислен с 3-го курса с формулировкой «за академическую неуспеваемость».

В предисловии (весьма далеко, кстати, от лучших профессиональных канонов) этот главный автор-составитель книги заявляет: перед читателями – «наиболее полное собрание сведений» о 728-ми участниках антибольшевистского движения на востоке России, носивших генеральские и адмиральские погоны (с. 5).

Однако тут же пишет, что в 2003 г. в московском издательстве «Русский путь» уже выходил подобный справочник с похожим названием (*Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М.: Русский путь, 2003. – 240 с.), в котором имелись биографические сведения о 605-ти генералах и адмиралах, участвовавших в Гражданской войне на востоке страны против Советской власти. Авторский коллектив этого издания, помимо Купцова, включал челябинского историка Евгения Волкова и московского историка-архивиста Николая Егорова. Как известно, не всегда складываются проч-

ные и долгие отношения в том или ином творческом коллективе, а иные авторские сообщества вообще имеет временный характер. Такая же ситуация сложилась и с группой авторов-составителей биографического справочника 2003 г.: они осуществили данный проект и расстались.

Однако один из них, а именно Купцов, используя не вошедшие по ряду причин в справочник материалы, выявленные преимущественно его бывшими соавторами Егоровым и Волковым в Российском государственном военном архиве и Государственном архиве Российской Федерации, включил их от своего имени в новое издание. При этом он дополнил его сведениями, предоставленными ему двумя новыми соавторами – Алексеем Буяковым (Владивосток) и Валентином Юшко (Москва). В итоге, как заявил в предисловии к новому справочнику Купцов, получилась «совсем другая книга». Тем самым давая понять специалистам по истории Гражданской войны, вообще всякому сведущему читателю: к новому справочнику два бывших его соавтора не имеют ни малейшего отношения. А чтобы у несведущего читателя не возникало лишних вопросов, все ранее опубликованные работы Волкова и Егорова о белых офицерах и генералах, включенные в библиографический список первого справочника, полностью исключил из второго, «совсем другого». Естественно, о вкладе Волкова и Егорова в работу над первым биографическим справочником, ставшим фактически основой для второго, «совсем другого», Купцов предпочел «скромно умолчать».

К издательству «Кучково поле» никаких претензий не предъявляем, потому как очевидно: бесполезное это занятие. Кажется, редактора частных издательств вообще перестали читать исторические книги, включая и те, которые они сами редактируют.

Конечно, новое издание биографий белых генералов и адмиралов, в отличие от предшествующего, вышло более пространное и информативное. Ведь над ним, по большому счету, трудились не три автора-составителя, имена которых указаны на титульном листе, а фактически пять (это как минимум). Так что читатель даже в чем-то и выиграл.

Однако возникает вопрос, касающийся научной этики. Почему историки, являвшиеся инициаторами и первыми авторами данного проекта, которые провели основную исследовательскую работу в архивах по его реализации, были намеренно забыты во втором издании справочника?

В общем-то, несмотря на щедрые обещания, новый справочник не принес много нового. Ибо большинство «нового» материала уже выложено в Интернете. Новые соавторы «совсем другого» справочника не сослались на интернетовские базы данных, которые они, как показывает сопоставление текстов, безусловно, использовали для создания своего «де-

тища». Существует, по крайней мере, два сайта, содержащие значительную часть информации о генералах русской армии. К ним относится коллективный интернет-ресурс «Русская армия в Великой войне», точнее – его раздел «Картотека проекта» (<http://www.grwar.ru/persons/persons.html>), и научно-исследовательский проект Дома Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына «Русский генералитет в годы революции и гражданской войны», над которым работает Николай Егоров (http://www.bfrz.ru/data/rus_generalitet).

Кроме того, стоит сказать и о том, биографический труд Купцова, Буянова и Юшко, как бы автор предисловия ни тыкал пальцем в огрехи предшествующего издания, также далек от совершенства. Вот несколько примеров ошибок и недоработок, допущенных в «совсем другом» справочнике.

Авторы приписали Виктору Владимировичу Нагаеву деяния периода Гражданской войны другого человека, генерала Николая Васильевича Нагаева. О деятельности последнего свидетельствуют не только предшествующие справочники (*Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). М., 1997. С. 167–168; *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. С. 144–145), но и документы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА). Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1753. Л. 214; Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2436. Л. 5об.–6; Ф. 39499. Оп. 1. Д. 18. Л. 292, 452). В итоге биографии двух разных людей с одинаковыми фамилиями в новом издании слились в одну.

По поводу другого участника гражданской войны – Ивана Ивановича Попова – стоит также сказать несколько слов. Авторы «совсем другого» справочника исключили его из общего списка генералов на том основании, что он официально не числился и не служил ни в каких военных формированиях и учреждениях Белой армии. Однако, как свидетельствуют факты, генерал Попов являлся руководителем подпольной офицерской организации в 1918 г. в Казани, за что, собственно, его и расстреляли большевики. Думается, не надо доказывать, что подпольные офицерские организации имели прямое отношение к Белому движению. И здесь главным критерием следует считать участие того или иного человека в борьбе, а не только его формальную, штатную принадлежность к тем или иным структурам антибольшевистского лагеря.

В «совсем другом» справочнике не нашлось места для биографических сведений о многих лицах. Так, отсутствуют какие-либо факты о генералах Д.А. Балалаеве, Р-К. Ф. Вальтере, В.П. Вологдине, Волошинове,

М.М. Воронове, Н.Д. Зарине, служивших в антибольшевистских вооруженных формированиях на востоке России.

Указано, что генерал Л.В. Загребин погиб от рук «красных киргизов» во время отступления частей Уральской отдельной армии к Фورتу Александровскому (с. 192). В действительности генерал скончался от тифа во время этого похода, а не был убит кем-либо.

Согласно архивным документам, Сергей Иванович Ковшаров получил генеральский чин не в революционном 1917 г., как указывается в его биографии, а годом ранее, то есть еще при императорской власти, что, согласитесь, является немаловажным обстоятельством.

Вышли у авторов «неувязки» и с географическими названиями. Так, указано, что будущий участник Белого движения генерал А.А. Вихрев в период Первой мировой войны командовал группой сухопутных войск от Финского до *Перловского* залива (с. 107). На самом деле залив называется Перновский, на его берегах стоял город Пернов (ныне – город Пярну Эстонской Республики). Джамейка (такое название принято в русском языке), один из старейших жилых микрорайонов Нью-Йорка, где жил и скончался генерал С.Ф. Балдин, превратился в Ямайку – то ли в остров, то ли в страну (с. 42).

Подобных погрешностей, неточностей, грубых ошибок в «совсем другом» издании – немало. Одна из существенных причин этого кроется, как нам кажется, прежде всего в том, что главный автор-составитель Купцов сам практически не работал с фондами трех центральных архивов (ГА РФ, РГВИА, РГВА), содержащими основную массу документов о белых генералах. И поэтому материалов, включенных в первый справочник о белых генералах, оказалось не достаточно, чтобы уточнить и расширить биографические данные о них. В итоге второй справочник (повторимся справедливости ради: более информативный, чем его предшественник), содержит много ошибок.

Еще одно замечание. В справочнике отсутствует какая-либо попытка обобщить, хотя бы в общих чертах проанализировать представленный биографический материал. Перед нами, прямо скажем, дилетантский подход, когда просто собраны и высыпаны факты, и что с ними делать дальше, авторы, видимо, не знают.

Стоит сказать, что в первом справочнике была вступительная статья, затрагивающая разные аспекты коллективного портрета людей в генеральских и адмиральских погонах, воевавших в Гражданскую войну против большевистской власти (*Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. С. 5–27). Вскоре после его выхода в свет, в 2005 г., Егоров и Волков представили доклады на научную

конференцию в Российском государственном гуманитарном университете. На их основе они опубликовали две статьи аналитического характера о «старом» и «новом» генералитете антибольшевистских вооруженных формирований на востоке России, где попытались реконструировать облик высшего командного состава белых (Волков Е.В., Егоров Н.Д. Генералитет русской армии в рядах белых армий на востоке России в годы гражданской войны (1918–1922) // Государственная власть и общество России в XX веке. М.: Изд. Центр РГГУ, 2004. С. 207–211; Волков Е.В., Егоров Н.Д. «Молодой генералитет» белых армий востока России в годы гражданской войны (1918–1922) // Государственная власть и общество России в XX веке. С. 212–216). Остается только пожалеть, что их профессиональные и интересные размышления и обобщения не попали на страницы второго, «совсем другого», справочника.

Вряд ли имеет смысл, подводя итог, пускаться в назидательные рассуждения насчет научной этики. Увы, не она ныне правит бал в издании и «переиздании» исторических книг. Так что же – мы обречены на то, чтобы дожидаться третьего, еще более «совсем другого», справочника о белых генералах Восточного фронта Гражданской войны?

Не пора ли нам, историкам, учредить собственную антипремию, подобную книжной антипремии «Абзац», за «худшие достижения» в историческом книгоиздании?

В.С. Кобзов

Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 344 с.

Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 508 с.

О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ: СТРАННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В 2008 и 2009 гг. увидели свет две монографии о казачестве Юга России, его истории советской эпохи, конкретно – 1930-х гг. Их автор – А.П. Скорик.

Александр Павлович Скорик – доктор философских наук и доктор исторических наук (в декабре 2009 г. защитил докторскую, основанную на

двух рецензируемых нами монографиях), профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). На протяжении 1990-х и 2000-х гг. он активно занимался проблематикой современного казачьего возрождения, а его интерес к южнороссийскому казачеству 1930-х гг., судя по увидевшим свет книгам, проявился в самое последнее время.

Проведя анализ историографии изучаемой проблематики, Скорик отметил отсутствие «специального исследования» по истории южнороссийского казачества в 1930-е гг., незавершенность научного поиска в этом направлении (Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы... С. 7–15; Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 47–72). Свои монографии он представляет в качестве подобного новаторского исследования.

Однако специалистам по истории казачества хорошо известно: первенство в изучении южнороссийской казачьей проблематики 1930-х гг. принадлежит отнюдь не Скорику, а Виталию Александровичу Бондареву. В 2005–2006 гг. на различного уровня «казачьих» конференциях Скорик по-прежнему широко публиковался на возрожденческую тематику (Этнический статус донского казачества как субстанция социальной стратегии реабилитации казачества в современной России // Российское казачество: вопросы истории и современные трансформации. Ростов-н/Д, 2005. С. 5–13; и др.), тогда как Бондарев выступал со статьями по истории казачества Юга России в 1930-е гг. (Казачество Юга России в социальном противостоянии деревни и власти (конец 1920-х – первая половина 1940-х гг.) // Российское казачество: вопросы истории... С. 20–25; и др.).

Сравнительный анализ работ Бондарева и монографий Скорики позволяет выявить многочисленные текстуальные «совпадения». Приведем примеры.

Бондарев: «Субъектами сопротивления [Сопротивления власти в ходе насильственной коллективизации. – А.Г.] были не только крестьяне в собственном смысле слова и даже не только земледельцы, но и представители других социальных групп советского общества (интеллигенция, духовенство, «бывшие» и т.д.). Одним из активных участников противостояния между деревней и властью являлось казачество, в особенности казачество Юга России (во время коллективизации – Северо-Кавказского края), где в досоветский период располагались крупнейшие казачьи войска России – Донское, Кубанское, Терское» (Казачество Юга России... С. 20). Скорик: «Субъектами сопротивления были не только крестьяне в собственном смысле слова и даже не только земледельцы, но и представители других социальных групп советского общества (интеллигенция, духовенство, «бывшие» и т.д.). Одним из активных участников противостояния между деревней и властью являлось казачество, в том числе (и в особенности) донцы, кубанцы и терцы» (Многоликость казачества Юга России... С. 119–120; Казачий Юг России в

1930-е годы... С. 205–206). «Казачий Юг России в 1930-е годы...» (2009 г.) – по сути, дополненное и расширенное издание книги «Многоликость казачества...» (2008 г.). И вполне уместно выразиться так: текст Бондарева спустя три-четыре года после опубликования «клонировался» сразу в пару «братьев».

Скорик: «В сводке ОГПУ от 17 марта 1930 г., где районы и области Советского Союза подразделялись на три группы в зависимости от степени остроты протестного движения («сильно пораженные», «пораженные» и остальные районы), к первой группе относился и Северо-Кавказский край, наряду с Центрально-Черноземной областью (ЦЧО), Украиной, Московской областью, Узбекистаном, Белоруссией, Грузией и т.д. По данным на тот же месяц, Северо-Кавказский край занимал второе место после Украины по числу и масштабам крестьянских акций протеста, спровоцированных коллективизацией. Лишь по числу «терактов» Северный Кавказ находился на пятом месте после Украины, ЦЧО, Урала и Сибири.

По данным ОГПУ, за период с начала 1930 г. до 20 сентября того же года в десяти русских округах Северо-Кавказского края насчитывалось 988 «массовых эксцессов» с числом участников свыше 235 тыс. человек (исключая «террористические акты» и случаи распространения листовок, которые учитывались отдельно). По числу участников на первом месте был Кубанский округ (227 эксцессов при 92,3 тыс. человек), а по числу эксцессов – Донской (295 с 61,8 тыс. участников). В целом же за весь 1930 г. на Северном Кавказе, без учета национальных районов, произошло 1 061 массовое выступление. Однако на протяжении последующих лет протестная активность крестьян и казаков заметно снизилась. За период с января 1931 г. по март 1932 г. включительно в десяти округах Северо-Кавказского края было зарегистрировано 186 массовых выступлений (157 в 1931 г. и еще 29 в январе – марте 1932 г.)» (Многоликость казачества Юга России... С. 122–123; Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 207–208).

Оба эти абзаца, за исключением предложения «Однако на протяжении последующих лет...», дословно повторяют, опять же «в двух экземплярах», текст монографии Бондарева (*Бондарев В.А.* Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов-н/Д, 2005. С. 365–367).

Говоря об участниках антисоветского сопротивления, Бондарев пояснил, кого в Советской России именовали «бывшими» и как различались в терминологии 1930-х гг. «террористические акты», делившиеся на «физические» и «имущественные» «теракты» (Казачество Юга России... С. 24). Эти же пояснения слово в слово дважды приведены в монографиях Скорика (Многоликость казачества Юга России... С. 120; Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 206).

В монографии Бондарева содержатся эпизоды с итогами чистки 1929 г. с целью выявления неблагонадежных лиц, факты чисток в отношении казаков Н.В. Сидоренко и В.А. Николаева, полностью воспроизведено пись-

мо-донос А.И. Фролова на бывшего белого офицера И.Ф. Сухорукова. Констатируется, что в оперативных документах ОГПУ различались понятия «контрреволюционные» «организации» и «группировки». Приводя факты массовых выступлений, он отметил в качестве одной из наиболее мощных «контрреволюционных» групп повстанческую организацию полковника Кононенко. Подобные, но меньшей численности, организации действовали в Шахтинском и Армавирском округах (Фрагментарная модернизация... С. 351, 352–353, 354, 357–358). В незначительно отредактированном виде все эти фрагменты вошли в обе монографии Скорика (Многоликость казачества Юга России... С. 127, 131–133; Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 213–216, 218, 219–220).

У Скорика дословно воспроизведены подсчеты Бондарева численности «контрреволюционных организаций» и количества человек в них за период с 1 января по 20 сентября 1930 г., повторен вывод об отсутствии с их стороны реальной опасности для власти (*Бондарев В.А.* Фрагментарная модернизация... С. 361; *Скорик А.П.* Многоликость казачества Юга России... С. 147; *Скорик А.П.* Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 233–234).

В обеих монографиях Скорика также воспроизведены фрагменты статьи и монографии Бондарева, содержащие сведения о казаках-коллорационерах в годы Великой Отечественной войны (*Бондарев В.А.* Казачество Юга России... С. 222–223; *Бондарев В.А.* Фрагментарная модернизация... С. 450, 454; *Скорик А.П.* Многоликость казачества Юга России... С. 296–297; *Скорик А.П.* Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 273–275).

Еще две статьи Бондарева по истории казачества в 1930-е гг. Скорик вовсе не упоминает, хотя историографическому обзору посвящен отдельный параграф в одной из двух его монографий (Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 47–74). Почему не указаны эти публикации, хотя именно Бондарев впервые начал писать по данной проблематике? Очевидно, причина такой «небрежности» проста: эти статьи целиком вошли в монографии Скорика. Например, дословные фрагменты текста статьи Бондарева «Идеологические стереотипы и фобии гражданской войны по отношению к казачеству Юга России в период реализации политического курса на сплошную коллективизацию» (Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе. Ростов-н/Д, 2006. С. 10–15) можно найти в обеих книгах Скорика (Многоликость казачества Юга России... С. 37, 62, 63, 67, 133–134, 155–156, 168, 268; Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 116, 130, 132, 133, 143, 148–149, 161–162, 243, 244, 346–347).

Столь многочисленные текстовые «совпадения» не могут быть случайностью, равно как и следствием исключительного научного единомыслия. И без долгих сомнений их можно было бы расценить как «заимствования», как банальный и, увы, нередко встречающийся теперь плагиат. Если бы не одно серьезное «но»...

Дело в том, что Бондарев является ответственным редактором монографии Скорика «Многоликость казачества...». Добросовестное редакци-

Статьи

рование предполагает тщательное чтение и правку рукописи, и не увидеть столь явных «совпадений» с собственными статьями – невозможно. Этой странности можно найти два объяснения: либо Бондарев вовсе не читал рукопись книги (и тогда его редакторство – пустая формальность, тоже, увы, нередкая по нынешним временам), либо он хорошо знал ее содержание, слишком хорошо. Первый вариант представляется маловероятным: Бондарев – доктор исторических наук, профессор той самой кафедры, что возглавляет Скорик. Остается второй. И этот второй вариант, принимая во внимание количество «заимствований», может означать одно: Бондарев лично «приложил руку» к обеим монографиям Скорика.

Помимо многочисленных «совпадений», в работах обоих авторов обращает на себя внимание идентичность стилей. Единая стилистика, один авторский «почерк» – налицо. Это – и частые пространные подстрочные примечания (кстати, сильно отвлекающие от чтения и понимания текста), и активное использование произведений художественной литературы, и постоянное обращение к теориям о фрагментарной модернизации (крестьянства) и социальной многомерности южно-российского казачества. Ну, и еще кое-что по мелочи.

Чем же объяснить такую странную ситуацию? Может быть, тем, что Скорик являлся ответственным редактором трех монографий Бондарева, вышедших в 2005–2006 гг., а также научным консультантом его докторской диссертации, успешно защищенной в 2007 г.? А уже в следующем, 2008-м, году увидела свет монография Скорика «Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы...», а в конце 2009 г. – «Казачий Юг России в 1930-е годы...». Напрашивается предположение: Бондарев по-быстрому написал своему наставнику – философу, занимающемуся проблематикой казачьего возрождения, – две монографии по истории казачества. Чем еще можно объяснить «совпадения» текстов, являющиеся, на первый взгляд, неприглядным плагиатом учителя у ученика? Дабы не подмочить репутацию Скорика как «первооткрывателя» этой «неизученной» истории южнороссийского казачества в 1930-е гг., Бондарев сознательно не упомянул в монографиях «учителя» свои собственные статьи на эту тему. Исходя, видимо, из тех же соображений, он «не заметил» и статью Е.Ф. Кринко (Советская политика в отношении казачества в 1930–1940-е годы: смена приоритетов или корректировка курса? // Казачество в южной политике России... С. 48–51), помещенную в том же сборнике, где и его статья. Похоже, «ученик» так торопился «отблагодарить» своего «учителя», что не счел нужным хотя бы «фрагментарно модернизировать» текст своих собственных публикаций. Потому-то они и вошли сразу в обе монографии Скорика, подобные паре «полнородных братьев», в первоначальном или поверхностно отредактированном виде.

В каких же выражениях теперь можно оценить «новизну» и «вклад» в историографию двух книг, вышедших под именем А.П. Скорика?

А.Н. Грищенко

Шушкова М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом 6

Шушкова Маргарита Евгеньевна – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала РГГУ в г. Железнодорожный (Московская обл.)
margyritta@freemail.ru

В статье на основе малоизвестных архивных документов рассматривается реформирование управления Туркестанским краем в начале XX в. в контексте проблемы взаимодействия имперского центра и среднеазиатской периферии. Особое внимание уделяется разработке законодательства о краевом, областном, городском, уездном и сельском управлении в Туркестане. Делается вывод, что реформа управления среднеазиатскими территориями затруднялась разногласиями между российским правительством и туркестанской администрацией. Самым спорным являлся вопрос ведомственной подчиненности Туркестанского генерал-губернаторства.

Средняя Азия, Туркестан, Туркестанское генерал-губернаторство, военный губернатор, Совет министров, особое совещание, министерство, военно-гражданское управление, реформа

Агапов В.Л. «Болезненно нужен внутренний мир»: второй год мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1915 – 1916 гг.) 20

Агапов Вадим Львович – канд. ист. наук, доцент кафедры массовых коммуникаций Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
windrace@nm.ru

В статье рассматривается публицистика русского либерального журнала «Вестник Европы» в период с середины 1915 до конца 1916 гг. Анализируется тематика и содержание статей, отношение ведущих публицистов журнала к вопросам внутренней и внешней политики. В центре внимания отражение на страницах журнала со-

циального и политического кризиса в царской России, конфликта между Государственной думой и правительством. Делается вывод, что в этот период «Вестник Европы» обращал больше внимания на социальные последствия войны и снижение популярности войны в российском обществе. С июля 1915 года войны журнал поддерживал парламентскую оппозицию и резко критиковал правительство Николая II за отказ от проведения либеральных реформ.

Первая мировая война, «Вестник Европы», публицистика, Антанга, Германия, Австро-Венгрия, самодержавие, либерализм, Государственная дума, общественное мнение, К.К. Арсеньев, М.М. Ковалевский

Войтиков С.С. «Это Вам, слава Богу, не заседание Президиума ВЦИК»: из истории российского «парламента» эпохи диктатуры Ленина 37

Войтиков Сергей Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Главного архивного управления г. Москвы
svoyt@mail.ru

В статье на основе неизвестных архивных документов рассматривается место Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Советов, первого советского парламента, в системе высших органов власти Советской России в 1918–1920 гг. Основное внимание уделяется изменению статуса и роли ВЦИК после смерти Я.М. Свердлова. Делается вывод, что в ходе внутрипартийной борьбы В.И. Ленин ради укрепления своей личной диктаторской власти подчинил ВЦИК Совету народных комиссаров (СНК) РСФСР и Центральному комитету партии большевиков. В результате ВЦИК фактически утратил положение высшего представительного учреждения в «первом государстве рабочих и крестьян».

РКП(б), ЦК РКП(б), ВЦИК Советов, СНК РСФСР, Я.М. Свердлов, В.И. Ленин, М.И. Калинин, внутрипартийная борьба, диктатура, пролетарская демократия, представительное учреждение

Сообщения

Кириченко Е.Б. Российский дипломатический представитель в Хакодате А.Э. Оларовский (1870–1874 гг.) 49

Кириченко Елена Борисовна – аспирантка кафедры истории Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды
borodina_olena@mail.ru

В статье на основе документов Архива внешней политики Российской империи и Государственного архива Российской Федерации показана деятельность А.Э. Оларовского во главе российского консульства в японском городе Хакодате в 1870–1874 гг. Главное внимание уделяется анализу его донесений в Азиатский департамент Министерства иностранных дел о товарообороте в японских портах и о деятельности российских торговых компаний в Японии. Делается вывод, что Оларовский стремился активизировать российскую внешнюю торговлю с Японией, ибо считал это исключительно важным для укрепления позиций России на Дальнем Востоке.

А.Э. Оларовский, Министерство иностранных дел, Азиатский департамент, консульство, Российский Дальний Восток, Япония, Хакодате, внешняя торговля

Ковригина И.А., Костров А.В. П.Н. Врангель в Иркутске (1902–1906 гг.): «документальные жизнеописания» и архивные документы 57

Ковригина Инесса Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии Иркутского государственного технического университета
NikitaKovrigin@mail.ru

Костров Александр Валерьевич – докт. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета
a_kostrov@mail.ru

В статье на основе впервые обнаруженных архивных документов освещается неизученная страница биографии генерала П.Н. Врангеля – гражданская служба в качестве чиновника для особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе генерале А.И. Пантелееве в 1902–1906 гг. Основное внимание уделяется анализу содержания документов его личного дела, хранящегося в Государственном архиве Иркутской области. Делается вывод о том, когда и как именно Вран-

гель отказался от гражданской службы и окончательно сделал выбор в пользу военной карьеры.

П.Н. Врангель, А.И. Пантелеев, Иркутск, Иркутское генерал-губернаторство, генерал-губернатор, чиновник для особых поручений, личное дело, Государственный архив Иркутской области

Антибольшевистская Россия

Кротова М.В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания 66

Кротова Мария Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов
mary_krot@mail.ru

В статье на основании ранее неизвестных архивных документов рассматриваются процессы манипуляции с гражданством среди русского населения Маньчжурии в период между Первой и Второй мировыми войнами. Особое внимание уделяется деятельности советских консульств в Маньчжурии, принятия русскими служащими КВЖД советского гражданства, а также причинам частой смены гражданства эмигрантами. Делается вывод, что русские эмигранты в Маньчжурии ради физического выживания и национально-культурного сохранения вынуждены были принимать советское, китайское, маньчжурское гражданство по идеологическим, политическим, экономическим и другим соображениям. Нестабильная военная и политическая обстановка в Маньчжурии позволяла российским эмигрантам менять гражданство, сохраняя относительную «самостоятельность» и условия для выживания до середины 1940-х гг.

Русская эмиграция, Китай, Маньчжурия, Маньчжоу-Го, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), консульство СССР, гражданство, стратегия выживания

События и судьбы

Ганин А.В. Михаил Антонович Дорман: генерал и его «дело» 84

Ганин Андрей Владиславович – канд. ист. наук, редактор Отдела военной истории российского исторического журнала «Родина»
andrey_ganin@mail.ru

В статье на основе документов архива УФСБ по Смоленской области и РГВА рассмотрено дело «смоленского филиала» монархического союза «Наша Родина» (осень 1918 г.) в контексте красного террора времен Гражданской войны. Основное внимание уделяется личности «руководителя» «смоленского филиала» бывшего генерала М.А. Дормана и методам работы ЧК Западной области в первые месяцы красного террора. Делается вывод, что смоленские чекисты сфабриковали «контрреволюционную организацию». «Разоблачение заговора» и расстрел большей части обвиненных стали шагом к созданию системы упреждающего террора, актом устрашения потенциальных врагов большевистской власти и способом усиления роли ЧК в Советском государстве.

Гражданская война, Западная область, Смоленск, ЧК Западной области, красный террор, заложники, офицеры Генерального штаба, М.А. Дорман

История на экране

Хохлов В.А. Фильм «Орда»: реалии и мифы русско-татарского средневековья 101

Хохлов Виктор Анатольевич – канд. ист. наук, доцент кафедры аудиовизуальных документов и архивов Историко-архивного института РГГУ
hohlovictor@gmail.com

В статье анализируется исторический художественный фильм «Орда» (2012 г.) режиссера А. Прошкина и сценариста Ю. Арапова. Главное внимание уделяется способу репрезентации русско-татарского средневековья середины XIV в. и кинообразу митрополита Алексия. Рассматриваются также образы инвариантных мифов об отношениях между Московской княжеской властью и Русской церковью. Делается вывод о появлении нового государственного заказа в сфере исторического кинематографа.

Фильм «Орда», А. Прошкин, Ю. Арапов, Золотая Орда, митрополит Алексий, Русская церковь, постсоветское историческое кино

Смирнова Е.М. «Новое прочтение» истории фармации в России 105

Смирнова Елена Михайловна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии
smirnova.klio@mail.ru

В статье анализируется книга историка **Н.Н. Коротеевой** «**Государственная политика в сфере российской фармации XVI – начала XX в.**» (Курск, 2010). Основное внимание уделяется теоретическим положениям, качеству источниковой базы, структуре монографии, исследовательской логике и степени обоснованности умозаключений автора. Делается вывод о том, что история фармации в России рассмотрена некомпетентно, на низком научном уровне, а претензии автора на новаторство в изучении этой темы не имеют под собой оснований.

Н.Н. Коротеева, историография, исторический источник, Московское царство, Российская империя, фармация, аптечное дело, история медицины, история фармации

Квасов О.В. Московская охранка: к истории изучения 113

Квасов Олег Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежской государственной лесотехнической академии
kvasovoleg@yandex.ru

В статье в соответствии с современными подходами к изучению деятельности политической полиции Российской империи анализируется монография **Ю.Ф. Овченко** «**Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг.**» (М., 2010). Показывается, что в монографии на основе архивных документов всесторонне раскрываются становление и регулирование полномочий Московского охранного отделения, тактика и методы его борьбы против нелегальных революционных организаций. Делается вывод, что монография вносит существенный вклад в развитие современной российской историографии тайной политической полиции Российской империи.

Ю.Ф. Овченко, историография, Российская империя, Москва, политическая полиция, Департамент полиции, охранное отделение, секретная агентура, провокация, революционный терроризм

Кобзов В.С. Рецензия на книгу: **Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.** **Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011.** 122

Кобзов Владимир Серафимович – докт. ист. наук, профессор кафедры социальных дисциплин и управления Факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
vld-kobzov@yandex.ru

Грищенко А.Н. О советском прошлом казачества юга России: странности современной историографической ситуации 126

Грищенко Алексей Николаевич – доцент кафедры истории и социальных технологий Новочеркасской государственной мелiorативной академии
grichenko1981@rambler.ru

В статье рассматриваются две монографии донского историка **А.П. Скорика** «**Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории**» (Ростов-на-Дону, 2008) и «**Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности**» (Ростов-на-Дону, 2009). Проведен их сравнительный анализ с другими опубликованными работами по истории казачества юга России в 1930-е гг. Сделан вывод о степени их научной новизны и вкладе в развитие отечественной историографии.

А.П. Скорик, историография, казачество, юг России, Советская власть, «рассказывание», коллективизация, «советское казачество»

CONTENTS, AUTHORS, ABSTRACTS

Articles

- M. Shushkova** The Reform of the Administrative System of Turkestan Region at the Beginning of the XX c.: The Conflicts between St. Petersburg and Tashkent 6

Margarita E. Shushkova – Lecturer, Department of Humanities, Social, and Economic Disciplines, Zheleznodorozhny branch of RSUH (Moscow oblast)
margyritta@freemail.ru

This article is based on little-known documents. It examines the reforms of the administrative system in Turkestan Region (Krai) at the beginning of the XX c. from the point of view of the interaction between the imperial center and the Russian Central Asian periphery. Particular attention is paid to the development of legislation on the regional, provincial, municipal, county, and village administration in Turkestan. It finds that the reform of the administrative system of the Russian Central Asian territories was hindered by disagreements between the Russian government and the Turkestan administration. The departmental subordination of the Turkestan general-governorship was the most contentious issue.

Central Asia, Turkestan, Turkestan general-governorship, military governor, Council of Ministers, special meeting, military-civil administration, reform

- V. Agapov** “A pathetic desire for inner peace”: The second year of World War I as reflected in the liberal mirror, “Vestnik Evropy” (1915–1916) 20

Vadim L. Agapov – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Mass Communications, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
windrace@nm.ru

This article deals with the public position of the Russian liberal journal “Vestnik Evropy” (“Bulletin of Europe”) in the period from mid 1915 to late 1916. It analyzes the themes and content of the journal’s articles, the relation of the leading publicists of the journal to matters of domestic and foreign policy. It focuses on the ways in which the journal reflected the social and political crisis in Tsarist Russia and the conflict between the State Duma and the government. It concludes that during this period “Vestnik Evropy” paid more attention than previously to the social consequences of the war. The publicists showed the decline of

the war’s popularity. From July 1915 the journal supported the parliamentary opposition and sharply criticized the government of Nicholas II for refusing to carry out liberal reforms.

World War I, “Vestnik Evropy” (“Bulletin of Europe”), journalism, Entente, Germany, Austria-Hungary, autocracy, liberalism, State Duma, public opinion, K.K. Arsenev, M.M. Kovalevsky

- S. Voytikov** “Thank God, it’s not a session of the All-Russian Central Executive Committee”: From the History of the Russian “Parliament” during the Epoch of Lenin’s Dictatorship 37

Sergey S. Voytikov – Candidate of History, Chief Scientific Employee, Moscow Chief Archival Department
svoyt@mail.ru

This article, based on previously unknown archival documents, looks at the place of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) of Soviets, the first Soviet Parliament, in the hierarchy of the Soviet governmental system, 1918–1920. Main attention is paid to the change in the status and role of the VTsIK after the death of Ya.M. Sverdlov. It concludes that in the course of the inner-party struggle, V.I. Lenin, for the sake of strengthening his personal dictatorship, subordinated the VTsIK to the Council of People’s Commissars (the Bolshevik government) and the Central Committee of the RKP(b) (Bolshevik party). As a result the VTsIK actually lost its position as the supreme representative body of the «first workers’ and peasants’ state».

Russian Communist Party (Bolsheviks), Central Committee of RKP(b), All-Russian Central Executive Committee of Soviets, Council of People’s Commissars, Ya.M. Sverdlov, V.I. Lenin, M.I. Kalinin, inner-party struggle, dictatorship, proletarian democracy, representative institution

Comments

- E. Kirichenko** The Russian Diplomatic Representative in Hakodate A.E. Olarovsky (1870–1874) 49

Elena B. Kirichenko – Postgraduate Student, History Department, Skovoroda Kharkov National Teachers’ Training University (Ukraine)
borodina_olena@mail.ru

The activity of A.E. Olarovskiy, head of the Russian consulate in the Japanese city Hakodate in 1870–1874, is examined on basis of documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and

the State Archive of the Russian Federation. Much attention is given to an analysis of his reports to the Asian department of the Ministry of Foreign Affairs about commodity circulation in Japanese ports, and about the activity of Russian trading companies in Japan. It concludes that Olarovskiy sought to increase Russian trade with Japan because he considered it very important for the consolidation of Russia's positions in the Far East.

A.E. Olarovskiy, Ministry of Foreign Affairs, Asian department, consulate, Russian Far East, Japan, Hakodate, foreign trade

I. Kovrigina, A. Kostrov P.N. Wrangel in Irkutsk (1902 – 1906):
“Documentary Biographies” and Archival Documents 57

Inessa A. Kovrigina – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of History and Philosophy, Irkutsk State Technical University
NikitaKovrigin@mail.ru

Aleksander V. Kostrov – Doctor of History, Senior Lecturer, Department of Modern Russian History, Irkutsk State University
a_kostrov@mail.ru

This article, on the basis of newly discovered archival documents, covers an unexplored page in the biography of General P.N. Wrangel: his civil service as a special mission officer for Irkutsk Governor-General A.I. Pantelev, 1902–1906. It analyzes the content of the documents of Wrangel's personal archive kept in the State Archive of Irkutsk Oblast. It shows how and why Wrangel transferred from the civil service and decided in favor of a military career.

P.N. Wrangel, A.I. Pantelev, Irkutsk, Irkutsk General-governorship, Governor-General, special mission officer, personal record, State Archive of Irkutsk Oblast

Anti-Bolshevik Russia

M. Krotova Russian Emigrants in Interwar Manchuria: Manipulation
of Citizenship as a Strategy of Survival 66

Mariya V. Krotova – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of History and Political Science, St. Petersburg State University of Economics and Finance
Mary_krot@mail.ru

This article, based on unknown archival documents, looks at processes of manipulation of citizenship among the Russians in Manchuria during the interwar period. The main focus is on the activity

of the Soviet Consulates in Manchuria, adoption of Soviet citizenship by Russian employees of the Chinese-Eastern Railway and the motives for the frequent changes of citizenship by emigrants. It concludes that Russian emigrants in Manchuria had to adopt Soviet, Chinese, and Manchurian citizenship for the sake of physical survival and national-cultural preservation. The instability of the military and political situation in Manchuria allowed Russian emigrants to change citizenship and keep their relative “independence” until the mid-1940s.

Russian emigration, China, Manchuria, Manchukuo, Chinese Eastern Railway (CER), USSR consulate, citizenship, strategy of survival

Landmarks in Human History

A. Ganin Michael Antonovich Dorman: The General and His «Case» 84

Andrey V. Ganin – Candidate of History, Editor, Military History Department, Russian Historical Journal “Rodina”
andrey_ganin@mail.ru

This article deals with the case of the «Smolensk branch» of the monarchist union, “Nasha Rodina” (“Our Motherland”), in the context of the red terror during the Russian Civil war. It is based on documents from the Archive of the Smolensk Oblast Department of the Federal Security Service of the Russian Federation and the Russian State Military Archive. Main attention is paid to the personality of former general M.A. Dorman (“the head” of the “Smolensk branch”) and to the working methods of the Western oblast ChK (Cheka) during the first months of the red terror (Fall 1918). It concludes that Smolensk Cheka officials fabricated the “counterrevolutionary organization”. “The disclosure of the plot” and the execution of most of the defendants became a step in the formation of a system of preemptive terror, the act of frightening potential enemies of the Bolshevik regime, and a means of strengthening the role of ChK (Cheka) in the Soviet state.

Civil war, Western oblast, Smolensk, Western oblast ChK (Cheka), red terror, hostages, General staff officers, M.A. Dorman

History on Screen

V. Khokhlov The film «The Horde»: Realities and Myths
of the Russian-Tatar Middle Ages 101

Victor A. Khokhlov – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Audiovisual Documents and Archives, Institute for History and Archives of RSUH
hohlovictor@gmail.com

This article analyzes the historical film “The Horde” (2012) directed by A. Proshkin, script by U. Arabov. It focuses on the representation of the Russian-Tatar Middle Ages and the cinematographic image of Metropolitan Alexius. It also examines the images of the dominant myths about the relationship between Moscow princely power and the Russian Orthodox Church. The article concludes that with the appearance of this film the state now plays a new role in the creation of Russian historical films: determining its ideological content and also providing its financial support.

Film “Horde”, A. Proshkin, U. Arabov, Golden Horde, Metropolitan Alexius, Russian Orthodox church, post-soviet historical cinema

Book Reviews

E. Smirnova “A New Interpretation” of the History of Pharmacy in Russia 105

Elena M. Smirnova – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical Academy smirnova.klio@mail.ru

The article reviews the book by the historian **N.N. Koroteeva** “**State Policy in the Sphere of Russian Pharmacy XVI – beginning XX cc.**” (**Kursk, 2010**). Main attention is drawn to the theoretical theses, the quality of the source base, the structure of the monograph, its research logic, and the degree of reliability of the author’s conclusions. It finds that the book under review does not adhere to a high scientific standard, and that the author’s claim for scholarly innovation is groundless.

N.N. Koroteeva, historiography, historical source, Moscow, Russian Empire, pharmacy, pharmaceutical activity, history of medicine, history of pharmacy

O. Kvasov The Moscow Okhranka: On the History of the Subject 113

Oleg N. Kvasov – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Humanities, Voronezh State Forestry Academy kvasovoleg@yandex.ru

This article discusses modern conceptions of the structure and activities of the Russian Empire’s secret political police, and reviews the book by **Yu.F. Ovchenko**: “**The Moscow Okhranka at the Turn of the Century, 1880–1904**” (**Moscow, 2010**). On the base of archival documents, the monograph reconstructs in detail the origin and structure

of the Moscow Okhranka (the Agents Branch of the Russian secret political police). It also presents important generalizations about the tactics and strategies of the Moscow Okhranka in its activities to counter illegal revolutionary organizations. The article concludes that the monograph makes a significant contribution to the development of modern Russian historiography of the Russian Empire’s secret political police.

Yu.F. Ovchenko, historiography, Russian Empire, Moscow, secret political police, Police Department, Okhranka, secret agents, provocation, revolutionary terrorism

V. Kobzov Book Review: **Kuptsov I.V., Buyakov A.M., Jushko V.L. White generals in the East of Russia during the Civil War: A Biographical Reference Book. Moscow: Kuchkovo Pole; Association “Military Book”, 2011.** 122

Vladimir S. Kobzov – Doctor of History, Professor, Department of Social Sciences and Management. School for training legal personnel, South Urals State University (Chelyabinsk). vld-kobzov@yandex.ru

A. Grishchenko On the Soviet Past of the South Russian Cossacks: The Oddities of a Modern Historiographic Situation 126

Alexey N. Grishchenko – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of History and Social Technologies, Novochoerkassk State Melioration Academy (Novochoerkassk, Rostov oblast) grichenko1981@rambler.ru

In the article two monographs of the Don historian **A.P. Skorik** «**The Multiplicity of the Cossacks of South of Russia in the 1930s: Historical Essays**» (**Rostov-on-Don, 2008**) and «**Cossack of South Russia in the 1930s: On the Frontier of Historical Destinies of Social Community**» (**Rostov-on-Don, 2009**) are analyzed. Their comparative analysis is conducted with other published works on the history of the Cossacks of South of Russia in the 1930s. The article addresses the scientific novelty and scholarly contribution of the books to the development of Russian national historiography.

A.P. Skorik, historiography, Cossacks, South of Russia, Soviet power, decossackization, collectivization, Soviet Cossacks

Научное издание

**Новый
исторический вестник**

Компьютерная верстка В.В. Машко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 28.06.2012
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9
Тираж 1500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати» 36574